

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН

ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЫПУСК 54

И.П. ДОБАЕВ

**СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ:
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Ю.Г. ВОЛКОВ

РОСТОВ-НА-ДОНУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СКНЦ ВШ ЮФУ

2009

ББК 66. 3(2Рос)3 _____

Д 55

Редакционная коллегия серии:

Акаев В.Х., Волков Ю.Г., Добаев И.П. (зам. отв. ред.),

Попов А.В., Ханбабаев К.М., Черноус В.В. (отв. ред.),

Ненашева А.В. (отв. секретарь)

Рцензенты:

Акаев В.Х., доктор философских наук, профессор

Ханбабаев К.М., кандидат философских наук, доцент

Добаев И.П. Современный терроризм:

Д региональное измерение / Отв. ред. Ю.Г.

55 Волков. – Ростов-на-Дону: Издательство

СКНЦ ВШ,ЮФУ, 2009.– _ с.

Монография посвящена актуальным проблемам современного терроризма. На обширном фактическом материале США, Западной Европы и Юга России показаны региональные особенности, типы и формы проявления этого сложного и многомерного социально-политического явления.

Адресуется ученым-исламоведом, востоковедам, кавказоведам, регионоведам, государственным служащим.

Д-01(03) 2009. Без объявл.

ISBN 978-58-7872-371-8

© Добаев И.П., 2009

Введение

Наиболее существенным современным этапом развития терроризма¹ стала его невиданная глобализация. В западном исполнении глобализация становится катком, разрушающим и нивелирующим культурные различия между различными цивилизациями путем подмены ценностей этой цивилизации неким культурно-цивилизационным эрзацем западной культуры. Это даже подвигло сторонника теории прямолинейного развития цивилизации современного американского ученого Фрэнсиса Фукуямы к выводу о конце человеческой истории², поскольку, по его мнению, неуклонно шел процесс установления над миром полного и тотального техно-идеологического контроля Запада. Конец истории наступает тогда, когда все организуется по западному американскому алгоритму, а цивилизация Моря (западно-атлантистская цивилизация – И.Д.) становится единственным и главным историческим субъектом. Другой американский исследователь С.Хантингтон в своей нашумевшей работе «Столкновение цивилизаций» настаивает, что перед наступлением эры полной глобализации следует все же пройти через «столкновение цивилизаций». Впрочем, позже и сам Ф.Фукуяма осознал, что слишком забежал вперед и предложил пока держаться за национальные государства³.

Интерес представляют также новейшие «глобализационные» доктрины идеологов администрации Дж. Буша-младшего. Вызывающе откровенная формулировка геополитической программы неоконсерваторов дана в книге «Конец злу: как победить в войне с террором» (2004). Ее авторы – глава

---

¹ Разница между государственным террором и оппозиционным терроризмом традиционно заключается в том, что государственный террор есть открытое насилие со стороны правящих элит, опирающихся на мощь государственных институтов, а оппозиционный терроризм – насилие и устрашение, используемое группировками, оппозиционными режиму. Основным средством государственного террора являются репрессии, оппозиционного терроризма – террористические акты.

² Мурклинская Г.А. Геополитические шахматы: искусство побеждать без войны. Махачкала: ЭПОХА, 2008. С. 211.

³ Дугин А.Г. Теоретические основы сетевых войн // Сетевые войны: Мат. IV Конгресса евразийской интеллектуальной молодежи (25 октября 2007 г., Москва). М.: Изд-во МЕД, 2007. С.14.

Совета по оборонной политике военного ведомства США Ричард Перл и бывший президентский спичрайтер Дэвид Фрум, который ввел в политический обиход термин «Ось Ненависти», переросшую затем в эсхатологическую «Ось Зла». Сегодня, по Перлу и Фруму, открылась историческая возможность довершить победу в «холодной войне» установлением нового мирового порядка на основе ценностей неограниченного рынка и американского образа жизни. При этом орудием и постоянным гарантом такого миропорядка должна стать исключительно военная и финансовая мощь США. Америка обязана довести до конца свою историческую миссию проводника свободы и прогресса: «давить надо сильнее ради полной и безоговорочной либерализации, на всех сразу – на мусульман, на Китай, на Россию, даже на европейских союзников, чтобы создать, как и в 1945-1949 гг., задел неоспоримого американского преимущества во всех областях еще на годы вперед»¹.

Неудивительно поэтому, что одной из форм противодействия цивилизационному натиску Запада, оформленному сегодня в «жесткие» и «мягкие» формы войны против других цивилизаций, стало появление и разрастание «нового терроризма» - глобального и транснационального, - с одной стороны, и одновременно регионального и даже локального, - с другой. Образование в своей совокупности мощных разветвленных структур террористов, их активизация, стали причинами разработки аналитиками некоторых государств концепции, отождествляющей терроризм с войной. Так, автор авторитетного информационно-аналитического справочника по негосударственным военизированным системам «Четвертая мировая война» Джангир Арас предложил следующее определение данного феномена: «Терроризм – самостоятельная военно-политическая категория, особый вид войны, компонент политической культуры и направление идейного мировоззрения, включающий силовые и иные представляющие угрозу

---

¹ Цит. по: Дерлугьян Г. Под длань империи. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.politizdat.ru/article/31/>, свободный.

мотивированные действия, проявления и тенденции со стороны организованных структур, действующих вне формата государства»¹.

Вместе с тем, несмотря на некоторые схожие черты самых разнообразных структур современного терроризма (общность целей различных отрядов «международного терроризма», явное доминирование идеологических конструктов радикального ислама, сетевое строение), он не выступает монолитом в планетарном масштабе, как правило, располагает определенной автономией в рамках того или иного региона (тем более, в масштабах планеты), имеет свои специфические формы локального проявления. Понятие «международный терроризм», введенное в политический обиход американскими неоконсерваторами (неоконами), по своей смысловой нагрузке ложно, поскольку предполагает наличие некоего терроризма, действующего в глобальных масштабах, и имеющего некий общий регулирующий центр.

Следует прямо сказать, что такого «международного терроризма» никогда не существовало, не существует, и вряд ли когда-либо он будет существовать. Американцам понадобился подобный жупел страшной и вселенской угрозы в постбиполярный период, когда прежний противник – мировой коммунизм – ушел в небытие, а для установления мировой гегемонии понадобился новый, жуткий, непонятный и неуловимый враг – экстерриториальный «международный терроризм», якобы заполонивший своими ужасными сетями «шахидов» и «моджахедов» глобальное мировое пространство. При этом, «штаб» этого «монстра», в отличие от конкретных государств, по мысли американских неоконов, постоянно меняет свое место нахождения, а потому борьбу с ним следует вести повсеместно, нанося при необходимости превентивные удары по его отрядам, независимо от территории их локализации в тот или иной период времени.

В соответствии с этой концепцией коалицией западных государств во главе с США осенью 2001 г. был оккупирован Афганистан, с территории

---

¹ Арас Джангир. Четвертая мировая война. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 10.

которого уже наносятся бомбово-штурмовые удары по пакистанским провинциям; под надуманными предложениями в пособничестве «международному терроризму», а заодно разработке оружия массового поражения и нарушении прав человека американцами в марте 2003 г. была инициирована война, с последующей оккупацией и фактическим расчленением Ирака. Стратегами США наращиваются усилия, призванные в русле их концепции «Большого Ближнего Востока» (ББВ) изменить лик богатого энергоресурсами региона. В рамках ББВ реализуются и другие, более «мелкие» проекты: «Большая Центральная Азия» (БЦА, - переориентация центрально-азиатских стран с России на южное направление путем «присоединения» к ним Афганистана), «Большая Южная Азия» (более расширенный проект БЦА с подключением к нему Пакистана и Индии), «Большой Кавказ» (включение всего Кавказа – Южного и Северного – в орбиту Запада). Безусловно, реализация этих и других проектов призвана обеспечить мировое господство, или как говорят некоторые американские идеологи – глобальное лидерство¹, Соединенных Штатов, этой пресловутой «империи подлости»².

Непосредственно после событий 11 сентября 2001 г. в США, которые в настоящее время трактуются не столь однозначно как прежде, Россия в числе первых устами ее лидера первоначально морально, а затем и практически поддержала США в их борьбе с «международным терроризмом» в Афганистане. Конечно, не следует забывать, что в тот период шла ожесточенная «вторая чеченская» кампания, резко осложнилась ситуация в центрально-азиатском регионе, особенно в Ферганской долине, афганские талибы были близки к полной победе над «северным альянсом». Тем не менее, именно благодаря поддержке России, американцы и их союзники сумели прочно обосноваться в Афганистане, резко укрепили свои позиции в

---

¹ См., например: Бжезинский Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М.: «Международные отношения», 2004.

² См. об этом: Елецкий Н.Д. Об империи подлости и об асимметричных ответах / Фонд стратегической культуры. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1628>, свободный.

Центральной Азии, заполучив там военные базы, а затем приступили к своим излюбленным мероприятиям по инспирированию «цветных революций» в регионе, имея целью приведение к власти там проамериканских режимов, полное выдавливание оттуда России, последующее геополитическое наступление с этого стратегически важного плацдарма на позиции двух главных оппонентов американского глобализма – Китая и России. Только неудачное по своим последствиям проведение «цветных переворотов» в Киргизии и Узбекистане, стало сигналом к постепенному свертыванию отношений государств региона с США, в результате перестала существовать американская военная база в Узбекистане, а в настоящее время речь идет о закрытии базы в Киргизии. Одновременно усиливается политика и всестороннее присутствие России в регионе. Однако геополитическая борьба за Центральную Азию и Кавказ продолжается.

Ситуативное признание Россией выкованного в американских «фабриках мысли» порочного и лживого тезиса о глобальной исламской угрозе и «международном терроризме» нанесло серьезный вред нашей стране, былой имидж которой в странах т.н. «исламского мира» явно поблек, чего и добивались американские «партнеры», планирующие превратить Россию в своеобразный щит, громоотвод от исламских угроз, что губительно для нее, как государства самобытной цивилизации, основанной на полиэтничности и религиозном многообразии, включающем ислам; государства, создавшего собственную, отличную от западной, евразийскую культуру.

В этой связи становится очевидным, что пора отказаться от термина-страшилки – «международный терроризм», которого и в природе не существует. Однако можно и нужно говорить о многочисленных формах и разновидностях современного терроризма, явно разобщенного, локализующегося в той или иной интерпретации в различных по масштабу регионах. Поэтому предпринятое в настоящем исследовании рассмотрение особенностей развития террористического движения в США, странах

Западной Европы и на Юге России актуально в научно-теоретическом и прагматико-практическом аспектах.

«Новый терроризм» представляет собой идеологию (идеологическую доктрину) и основанную на ней политическую практику (так же, как и в случаях с понятиями «радикализм», «экстремизм», «сепаратизм», «национализм» и т.д.). Без идеологической составляющей, без наличия определенного интереса (политического, экономического и т.д.), терроризм уже не был бы терроризмом, превратившись в заурядное уголовно-криминальное действие¹. Причем идеологическая составляющая терроризма носит именно террористический, а не экстремистский или радикальный характер².

Современный терроризм многолик, однако в последние три десятилетия он зачастую выступает под исламским прикрытием, поэтому сегодня этот вид терроризма часто называют «терроризмом под прикрытием ислама», или «терроризмом, прикрываемым исламом»³. Выделение этого вида терроризма сегодня крайне актуально, поскольку в современных условиях подавляющее большинство террористических акций (по некоторым данным, до 80 процентов от общего числа⁴) совершается именно под исламским прикрытием. Реально же этот вид терроризма, как и многие другие, редко проявляется в чистом виде, чаще фиксируется смешение многих его разновидностей. Например, особенность современного терроризма, с которым столкнулась Россия в северокавказском регионе, заключается в сращивании на основе идеологии радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого

---

¹ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия / Под ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Дону: Ростиздат, 2005. С. 40.

² См. об этом: Добаев И.П. Радикальные идеологии в исламе: история и современность // Ислам в России: Взгляд из регионов / Науч. ред. А.В. Малашенко. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 35-64.

³ См., например: Добаев И.П. Политические процессы в исламском движении на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2008. - № 1. С. 31-37.

⁴ См., например: Кузнецов Ю.П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. СПб., 1998. С. 31.

извне¹. Однако такое положение вещей, когда на первый план в мировом терроризме вышла специфическая идеология и практика радикального ислама, по нашему мнению, носит временный характер, обусловленный целым рядом внутренних и внешних причин, в том числе уже упоминавшейся глобализацией и несправедливым распределением ресурсов в регионах мира, разделение планеты на «богатый Север» и «бедный Юг».

Данную особенность современного терроризма отметили многие исследователи. Так, известный отечественный терролог Е.Г.Ляхов подчеркивает, что немаловажным отличием терроризма 90-х гг. от терроризма 70-х гг. является его усиливающаяся исламизация, а наиболее питательной средой проявления терроризма в наши дни становится уже не идеология, а национальные, этнические и религиозные интересы, в частности исламский фундаментализм².

В настоящее время в мире существуют сотни исламистских террористических организаций и группировок. По оценкам западных спецслужб, в 1968 г. их было 13, а в 1995 г. уже около 100, причем общее число активных членов, способных совершить террористические акты, к этому времени составляло не менее 50 тысяч человек³. Ю.П.Кузнецов считает, что «в целом исламский экстремизм несет ответственность за 80% террористических актов в мире и в конце XX в. на мировой арене действовали почти 150 исламских организаций террористической направленности»⁴. А авторитетнейший российский исследователь проблем радикализма в исламе, профессор А.А.Игнатенко, в свою очередь, называет цифру 200⁵.

Среди наиболее одиозных террористических группировок, действующих в современном мире можно назвать: египетские «Ал-Гамаат

---

¹ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 326.

² См.: Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991. С. 37.

³ См.: Полонский В., Григорьев А. Джихад всему миру // Общая газета. 1995. № 17.

⁴ Кузнецов Ю.П. Указ. соч. С. 31.

⁵ См.: Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. М.: Изд-во ВУ. С. 15.

ал-исламийа» и «Ал-Джихад», алжирские «Фронт исламского спасения» и «Вооруженную исламскую группу», пакистанские «Джамаат ал-фукра» и «Харакат ал-ансар», палестинские «Хамас» и «Исламский джихад», ливанский «Хезболлах», международные «Ал-Каида» и «Мировой фронт джихада», среди северокавказских – многочисленные исламистские «джамааты» и т.д.¹

В последние годы на Северном Кавказе отмечается рост числа радикальных салафитских группировок и одновременно изменение тактики их деятельности. Если когда-то они действовали практически открыто, а в начале «второй чеченской» вели фронтальные бои за Грозный и участвовали в широком партизанском движении, то сегодня они, как правило, представляют собой разрозненные подпольные сетевые структуры, объединенные, тем не менее, общими целями и идеологическими установками. При этом нередко наблюдается сращивание радикальных религиозных структур с национальными/националистическими. Северокавказская салафийя в последние годы помолодела, интеллектуально окрепла, ее отдельные отряды, отказавшись от иерархического организационного построения, стали автономными, демонстрируют способность к самовоспроизводству. Иными словами, приобрели все характерные черты современного террористического движения, присущие аналогичным группировкам в других регионах, в том числе в США и Западной Европе. Однако при наличии общих черт, имеются и специфические региональные особенности, обусловленные, в том числе, историческими и современными процессами и факторами.

Молодежные организации северокавказской радикальной салафийи (т.н. «молодежные джамааты»), как и во многих иных частях мира, выступают культурными проводниками в регионе арабской версии ислама. Лидеры «молодых» в своем большинстве получили исламское образование в странах Персидского Залива, в первую очередь – в Саудовской Аравии. Они,

---

¹ Добаев И.П. Исламский радикализм. С. 320.

прежде всего, и стали проводниками глобальных изменений в регионе, в том числе по стиранию толков (мазхабов) в северокавказском исламе (ханифиты и шафииты), стремясь к общеисламской солидарности. Они же нередко становятся и лидерами террористических группировок (например, М.Мукожев и А.Астамиров из группировки «Ярмук» в КБР или Р.Макашарипов из террористической организации «Шариат» в РД).

Как свидетельствует практика, ставка на исключительно силовые методы подавления религиозно-политического экстремизма себя не оправдала. В этой связи в последние годы в российском обществе выросло понимание того, что необходимо задействовать и другие средства противодействия, в том числе путем осуществления широкой информационно-пропагандистской и идеологической деятельности, направленной на компрометацию идеологии радикального ислама, привлечением к этой работе хорошо подготовленных служителей мусульманского культа. Одновременно следует неуклонно устранять те внутренние конфликтогенные факторы, которые продуцируют внутривнутриполитические девиации, в том числе растекание идеологии и практики терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, по всему российскому Югу. В этом случае т.н. «внешние факторы», паразитирующие на внутренних неурядицах и проблемах, окажутся второстепенными и не смогут существенно влиять на процессы в регионах России, в том числе и на Северном Кавказе. Для этого следует активнее и целенаправленнее использовать собственные наработки, а также достижения других стран, в том числе США и стран Западной Европы, которые давно и небезуспешно задействуются в деле противодействия терроризму, прикрывающемуся исламом.

Глава 1. Радикальный исламизм как идеология религиозно-политического экстремизма и терроризма

1.1. Эволюция радикальных идеологий в мусульманском мире

Почти вся история мусульманской мысли представляет собой перманентное возникновение идейных течений, рождавшихся в ходе столкновения различных мнений по тем или иным проблемам. При этом ислам отнюдь не утратил своей общей мировоззренческой целостности и системной устойчивости. В средневековом исламе движения и течения возникали, как правило, в связи с полемикой по вполне конкретным проблемам. Так, полемика по вопросам права породила целый ряд мазхабов, по вопросу о власти - три существующие и поныне направления (сунниты, шииты и хариджиты) и т.д.

Религиозно-политическая группировка хариджитов образовалась во время гражданской войны в Халифате в VII в. в ходе борьбы за власть между сторонниками Имама Али – четвертого праведного халифа, и Муавии – будущего первого халифа династии Омейядов. После битвы при Сиффине, когда Али согласился на мирное разрешение конфликта, 12 тысяч воинов из лагеря его сторонников отделились (т.е. стали *хариджитами* – И.Д.) и выступили как против него, так и против Муавии. Идеологическим обоснованием такого поступка стал первый, возникший в недрах исламской общины богословский спор, который был связан с различным пониманием «греховности» и «суверенитета общины».

В раннем исламе сложилось представление о том, что грехи бывают «тяжкими» и «малыми», а самым великим грехом считалось неверие. В этой связи возник вопрос, можно ли считать мусульманином человека, совершившего «тяжкий грех». Хариджиты считали, что такой человек перестает быть мусульманином, должен рассматриваться как вероотступник

и подлежит наказанию смертью¹.

Поставленная хариджитами проблема имела одновременно и догматический и политический смысл, поскольку халифат был теократическим государством, а халиф был одновременно политическим и религиозным главой. Требуя от правителя «уммы» совершения праведных дел и искренности в вере, хариджиты, тем самым, подняли вопрос о соотношении политической деятельности и религиозной совести. В связи с тем, что, по их мнению, представители обеих халифских династий (Омейяды и Аббасиды) были тиранами и узурпаторами, совершили тяжкий грех, развязав войну внутри мусульманской общины, они обвинялись как лицемеры, принявшие ислам из корыстных соображений, а не по велению сердца. Поэтому хариджиты отказывали им в моральном праве стоять во главе правоверных, требовали вести с ними борьбу как с неверными.

Итак, впервые в истории мусульманства сторонники этого движения выдвинули тезис о возможности обвинения в неверии (*такфир*) мусульман, совершивших большой грех и необходимости вести против них джихад. Эта логика возводила убийство такого вероотступника в религиозный принцип. Именно от руки хариджитов погиб сам имам Али и его сыновья Хасан и Хусейн².

Центральной идеей хариджитского учения является строгое соблюдение "чистоты ислама и его канонов". Хариджиты выступали за возвращение к «первоначальному исламу», под которым они понимали строй социального равенства, общее владение землей, равный раздел военной добычи. Они считали себя поборниками равенства и справедливости, выдвигали идею суверенности власти мусульманской общины, рассматривали ее как источник всякой власти, считали, что община должна выбирать правителя и община

---

¹ Фильштинский И.М. История арабов и халифата (750–1517 гг.). М., 1999. С. 63.

² Идрис Абдуллах. Ваххабизм: история проблемы // Мусульмане. 2000. № 1(4). С. 37.

имеет право его низложить¹. За строгость религиозной этики хариджитов (сами они называли себя "людьми поста и молитвы") не без основания называли «пуританами ислама»². Иначе говоря, хариджиты были более требовательны к соблюдению догматических норм ислама, чем сама официальная ортодоксия.

Если говорить в целом об их учении, "...то оно никогда не было кодифицировано и подвергалось изменениям в многочисленных подсектах. Но они сыграли значительную роль в развитии мусульманского богословия"³. В частности, они сформировали такое ключевое в исламской догматике понятие, как «вера», а также в области политической идеологии ислама выработали свою доктрину верховной власти. Хариджиты считали, что халиф должен получить власть только выборным путем, причем, если он проводил политику, не соответствующую предписаниям Корана и интересам общины, его, согласно учению хариджитов, можно было низложить и даже убить. Халиф не обязательно должен был происходить из племени курайш (племя пророка Мухаммеда – И.Д.), но им мог быть избран кто угодно, даже не араб, но всякий, кто искренен в своей вере и готов с оружием в руках ее защищать.

Хариджитские общины, действовавшие в разное время и в разных частях Халифата, распались приблизительно на 20 течений, в том числе на секты ибадитов, азракитов и суфритов⁴. Наиболее радикальной являлась секта азракитов, учение которых отличалось крайней нетерпимостью. Их предводитель и основатель общины Нафи' ибн аль-Азрака (ум. в 685 г.) требовал неукоснительно соблюдать установленный им принцип – убивать своих противников, как неверующих, в том числе и тех хариджитов, которые «отсиживаются» во время восстаний. Он разрешал также убивать женщин и детей своих противников, предвещая ад детям многобожников, как и мусульман, совершивших

---

¹ Прошина Е.М., Добин А.В. Ислам и политика // Ежегодник СЗАГС. СПб., 1999. С. 170.

² Гольдциер И. Лекции об исламе. СПб., 1912. С. 180.

³ Беляев А.Е. Мусульманское сектантство. М, 1957. - С. 23.

⁴ Шакирла М. Экстремистские течения в Исламе // Нурул Ислам. 1998. Апр.

«тяжкий» грех¹. Экстремизм азракитов оттолкнул от них большинство мусульман, создал вокруг них вакуум, способствовавший в дальнейшем их полному исчезновению. В настоящее время сохранилась только одна община, относящаяся к умеренному крылу хариджитов - ибадиты, проживающая в Омане и в некоторых районах Африки, преимущественно в Магрибе.

Для многих поколений мусульман во всем мире эталонной формой организации исламского общества и государства выступал и продолжает выступать «опыт Медины» (622-632 гг.). Именно в этот период в Медине возникают надродовая мусульманская община и протогосударство, во главе которых стоял Мухаммед, обладавший всей полнотой светской, духовной и судебной власти. Этот опыт некоторой частью мусульман считается временем идеального правления в исламе. В период исламского средневековья людей, которые выступали за возврат к мусульманским ценностям, культивировавшимся во времена пророка, называли *традиционалистами* из-за их целеустремленного желания следовать ранней исламской традиции. Однако в настоящее время это течение принято называть либо западным термином «фундаментализм», либо арабским – «салафизм» (суннитский фундаментализм – И.Д.).

Фундаментализм (или возрожденчество) определяется тем, что его приверженцы выступают за восстановление принципов «чистого» ислама, освобождение его от позднейших наслоений (которые защищают традиционалисты), призывают к полному (*интегральному*) претворению в жизнь норм ислама (поэтому их еще иногда называют *интегритами*). Он провозглашает в качестве своей цели восстановление в современной жизни мусульман конкретных институтов и норм раннего, времен пророка Мухаммеда и первых четырех (*праведных*) халифов, ислама. Преувеличивая значение уравнилельных принципов в жизни мусульман того времени, фундаменталисты видят в ранних общинах идеальное объединение верующих на основе равенства и справедливости.

Отечественный востоковед К.И.Поляков считает, что исламскому фундаментализму органично присущ ряд характерных черт: а) обращение к истокам вероучения в целях перестройки общественных отношений на основе базовых религиозных ценностей (возрождение «истинного» ислама); б) активные действия по установлению исламской власти («хакимийи»), приведению законодательства в соответствие с положениями Корана и сунны («шариа»), продвижению во все сферы общественной жизни норм морали, существовавших во времена Пророка и его

---

¹ См. об этом: Ал-Аш'ари Абу-л-Хасан 'Али б. Исма'ил. Китаб макалат ал-исламийин ва-хтилаф ал-мусаллин. Ат-таб'а ас-санийа. - Висбаден, 1963. - С. 86-89; Ал-Багдади 'Абд ал-Кахир б. Тахир. Ал-Фарк байна-л-фирак. Каир, б/г. С. 82-87; Аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах. М., 1984. С. 21.

ближайших сподвижников; в) более или менее радикальный характер проводимых в соответствии с идеологическими установками политических, социальных и экономических преобразований («исламская революция»); г) осуществление активного внешнеполитического курса в направлении достижения единства с аналогичными движениями за рубежом; проведение международной деятельности по распространению идей «исламского возрождения»¹.

Вместе с тем, термин «фундаментализм» впервые был использован не в исламе, а для определения консервативного движения в евангелической церкви Соединенных Штатов и был введен в оборот редактором баптистской газеты “Watchman Examiner” К.Л. Льюисом².

В настоящее время западными учеными и политиками термин «исламский фундаментализм» понимается как совокупность течений мусульманской общественной мысли, направленных на укрепление веры в основополагающие источники ислама, неукоснительное выполнение предписаний Корана и требований законов Шариата, введение традиционных мусульманских установлений в качестве обязательных норм всех сторон жизни³.

В то же время, некоторые западные и отечественные ученые считают совершенно необоснованным использование термина «фундаментализм» применительно к исламу. Некорректность использования западного термина «фундаментализм» к процессам, имеющим место в суннитском исламе, отмечает, в частности, известный отечественный философ-исламовед А.А.Игнатенко: «То интеллектуальное и политическое движение, которому внешние наблюдатели дали не совсем точное название *фундаментализм*, разумея под ним возвращение к первоосновам (фундаменту) религии», «сами мусульмане предпочитают называть... *салафизмом* – от выражения *ас-салаф ас-салих* (*праведные предки*), или просто *ас-салаф* (*предки*)»⁴. По салафитскому учению «предками» считаются первые три поколения мусульман, чье поведение следует изучать и, если это возможно, следовать их примеру.

Возрожденческое течение в исламе (*ас-салафийя*) возникло уже в первые века его истории (ханбалиты, IX в.) и продолжает существовать и в наши дни в различных формах:

---

¹ Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000. С. 14.

² Сагадеев А. «Исламский фундаментализм»: жизненный факт или пропагандистская фикция? // Россия и мусульм. мир: Бюллетень реферативно-аналитической информации. 1993. № 10. С. 57.

³ Сажин В.И. К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах // Ближний Восток и современность. М., 1998. С. 207.

⁴ Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8). С. 166.

ваххабиты Саудовской Аравии, «Братья-мусульмане» в арабских странах и близкие к ним организации в Афганистане, Пакистане, Индии, Индонезии, «неоваххабиты» в Средней Азии и на Северном Кавказе и др. Мировоззренческие позиции салафитов были заложены в идеологии религиозно-политического движения ханбалитов – сторонников багдадского хадисоведа и факиха Ахмада бен Ханбала. Ханбалитство сначала возникло как религиозно-политическое движение, а затем, к началу XI в., оформилось в догматико-правовую школу. Ханбалиты в своей теории и практике придерживались взглядов наиболее консервативных сторонников традиционализма (нынешние фундаменталисты), выдвинули идею очищения ислама от позднейших наслоений, выступили с отрицанием любых нововведений (бид'а) в области вероучения и права, не имеющих прямого обоснования в Коране и хадисах. В средние века сами мусульмане называли ханбалитов салафитами.

Ханбалиты обосновали необходимость социально-политической активности, потребовав от своих сторонников решительно вмешиваться в дела общины, наставлять и направлять ее рядовых членов и даже правителей. Взяв на себя роль носителей суннитского «правоверия», ханбалиты уже с конца IX в. начали разрабатывать систему правовых и моральных норм. Ее основа была заложена в сочинениях основателя движения Ахмада б. Ханбала (783-855), его учеников и последователей - Абу Мухаммада ал-Барбахари (ум. в 941 г.) и Ибн Батты ал-Укбари. Окончательную форму догматико-правовым воззрениям ханбалитов придали работы Ибн ал-Джаузи (ум. в 1200 г.) и Ибн Таймийи (ум. в 1328 г.)¹.

Ханбалитское религиозно-политическое движение сыграло важную роль в истории арабо-мусульманского общества. Ханбалитская идеология с ее концепцией «обновления» оказывалась в центре внимания в особые, переломные моменты истории мусульманского Востока. В XVIII в. именно ханбалитская идеология легла в основу движения ваххабитов, выступивших за восстановление норм «истинного» ислама в Аравии и создавших государство Саудовская Аравия. В наши дни идеи ханбалитов развивают теоретически и применяют практически современные сторонники фундаментализма (неосалафиты и неоваххабиты). Догматико-правовая школа ханбалитов официально принята в Саудовской Аравии.

Средневековый исламский правовед-ортодокс, сириец Таки ад-дин ибн-Таймийя (1263-1328), развивая ханбалитские идеи, также резко осуждал любые новшества, ратовал за восстановление норм раннего ислама, боролся

---

¹ Хрестоматия по исламу (Пер. с арабского). М., 1994. С. 135.

против распространения культа святых, паломничества к гробнице пророка в Медине, как несовместимого с духом ислама. Он отстаивал чистоту ислама, в том числе от влияния суфизма, подвергал критике учение аль-Газали и т.д.

Именно таких последователей ранней традиции в суннитском исламе, как ибн-Ханбала и ибн-Таймийя, (т.е. тех, кто в своих взглядах и действиях строго придерживался предписаний Корана и сунны) в средние века сами мусульмане называли салафитами. В новое и новейшее время этим термином стали обозначать аравийских ваххабитов индийских деобандийцев, фараидитов, «братьев-мусульман» и т.д.¹

В XVIII в. ханбалитские идеи «обновления» ислама через обращение к сунне Пророка, борьбы с нововведениями были возрождены ваххабитами, религиозно-политическое движение которых на основе учения Ибн Абд аль-Ваххаба (1703-1792) в этот период развернулось на территории Аравийского полуострова. В учении ваххабизма как составной части салафизма центральное место занимает безоговорочный возврат к священным источникам – Корану, к абсолютному единобожию (таухид), постулируется необходимость очищения ислама и возрождения его изначальных установлений.

Идеологическим стержнем учения, заложенным Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом, явилась идея защиты строгого единобожия (*таухид*) как главного принципа исламской религии. Во имя принципа единобожия аль-Ваххаб и его последователи повели решительную борьбу не только с явными рецидивами доисламских верований среди бедуинов Аравии (почитанием священных роц и камней, магией и др.), но и с некоторыми традициями, укоренившимися в исламе. Так, ваххабиты считали уступками язычеству установление надгробий над могилами и посещение кладбищ, а также культ святых (характерный для суфизма) и даже «чрезмерное» почитание пророка Мухаммеда.

В догматическом и религиозно-правовом отношении ваххабизм не представлял какого-то особого течения в исламе. Он целиком опирался на доктрину *ханбализма* – одного из четырех суннитских толков (*мазхабов*) шариата, всегда отличавшегося особой нетерпимостью к *бида'* («новшества»), то есть к любой практике, не санкционированной Кораном и сунной Пророка. Исходя из этого, ваххабиты порицали, в частности, курение табака, музыку, пение и танцы.

---

¹ См.: Кирабаев Н.С. Социальная философия мусульманского Востока. М., 1987. С. 100-101; Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 204.

На мировоззрение аль-Ваххаба мощное воздействие также оказали труды средневековых неоханбалитских теологов - Таки ад-Дина Ибн Таймийи (1263-1328), а также Ибн аль-Кайима (1292-1350), которые в условиях исламского средневековья развили основополагающие положения ханбалитской доктрины.

Рукописное наследие шейха аль-Ваххаба представляет собой договоры, письма, тексты проповедей. Эти документы наряду с практическими делами ваххабитов позволяют озвучить основополагающие принципы мировоззренческих установок вероучителя по таким исламским проблемам как единобожие (*таухид*), посредничество (*таваассуль*), посещение могил святых (*зиярат аль-кубур*), греховное нововведение (*бид'а*), свободное изъяснение мнения религиозным авторитетом (*иджстихад*), слепое следование источнику (*таклид*), обвинение в неверии (*такфир*), священная война за веру (*джихад*)¹.

Таухид – центральный принцип ваххабитской доктрины, суть которого состоит в строгом монотеизме. Божественное единство раскрывается в трех основаниях: Аллах есть Основатель, Кормилец и Распорядитель. Основополагающий столп ислама: «Нет бога, кроме Аллаха, и Муххамед – Пророк Аллаха» интерпретирован таким образом, что поклоняться нужно только Аллаху, но не Муххамеду, который является лишь его пророком, а тем более какому-либо другому религиозному авторитету.

Шейх категорически выступал против посредничества (*таваассуль*) между Аллахом и верующим, которое осуществлялось через обожествление камней, отдельных предметов. Человек находится под прямой защитой бога. На все воля Аллаха, которая не подвластна никому, в том числе и пророку Муххамеду. Недопустимость посещения могил Муххамеда, его сподвижников и святых (*зиярат аль-кубур*) объяснялась тем, что это ведет к их обожествлению и соответственно является проявлением многобожия.

Абд аль-Ваххаб был непримиримо настроен в отношении *бида'*, т.е. нововведений, выходящих за рамки Корана и Сунны. Он даже запретил празднование дня рождения пророка Мухаммеда, ссылаясь на то, что такая церемония, во-первых, не предписана ни Аллахом, ни самим Мухаммедом, а во-вторых, ведет к обожествлению пророка.

В вопросах *иджстихада* и *таклида* ваххабиты исходили и до сих пор исходят из того, что Коран и Сунна являются высшей ступенью знаний. «Врата» для толкования исламских источников закрыты с тех пор, как оформился ханбализм. Однако если будет

---

¹ Александров И.А. Исламская основа саудовского общества и государства // Королевство Саудовская Аравия: прошлое и настоящее. М., 1999. С. 45–46.

доказано, что какая-то ханбалитская интерпретация не соответствует Корану или Сунне, она должна быть запрещена¹.

Проявляя определенную терпимость в отношении «людей Писания» - христиан и иудеев, ваххабитский взгляд на *такфир* сводился к ужесточению требований к мусульманам. Так, утверждалось, что одних деклараций о приверженности исламу и отправлений ежедневных молитв недостаточно, чтобы предотвратить многобожество. Если человек заявляет, что он мусульманин, но в то же время поклоняется другим богам, его следует разоблачить и казнить. Такой «лицемер», по мнению вероучителя, «намного хуже христиан и иудеев, поскольку последние не скрывают своего чужеродного лица». К числу многобожников были отнесены и шииты, идеи которых всеми салафитами всегда рассматривались как еретические².

Еще одно из системообразующих положений в идеологии ваххабитов – особо интерпретируемое понятие *джихада*, т.е. войны за веру. Джихад трактуется, в первую очередь, как вооруженная борьба, во-вторых, ведение джихада вменяется в обязанность каждому мусульманину (естественно, физически и умственно способному к этому), в третьих, объектом джихада определяются *кафиры* (неверные). Поскольку кафирами объявляются все, кто не согласен с ваххабитами, то этот джихад ведется против всех неваххабитов, но в первую очередь против мусульман, не разделяющих мировоззренческие установки приверженцев «чистого ислама». Убеждение ваххабитов в том, что их противники – кафиры, даже если формально они являются мусульманами, оправдывало нетерпимость и жесткость по отношению к ним. Одновременно такой фанатизм сплачивал и дисциплинировал ваххабитов, создавая религиозно-идеологическое оправдание вполне антиисламским по своему духу и характеру действиям. Благодаря этому учение аль-Ваххаба с самого начала стало идеологией военной экспансии и грабительского набега.

Оппоненты ваххабизма обычно отмечают следующие основные положения их учения: ваххабиты видят в божестве очеловеченную субстанцию; в их идеях нет места разуму, все религиозные вопросы решаются исключительно в соответствии с традицией; *иджма* (консенсус общины) и *кияс* (аналогия) игнорируются как источники права; мнения составителей свода норм не могут служить авторитетом, поэтому те, кто следует им, являются безбожниками; чуть ли не все мусульмане, не вошедшие в ваххабитские

---

¹ См. изложение ваххабитской доктрины: Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими (Ибн Абд аль-Ваххаб). Книга единобожия. М., 1999; Ayman Al-Yassini. Religion and State in the Kingdom of Saudi Arabia. L, 1985. P. 26-29; Васильев А.М. «Пуритане ислама?» М., 1967. С. 101-104.

² См., напр.: Ибн-Таймийя. Минхадж ас-Сунна ан-набавийя (Метод пророческой Сунны). В 9-ти томах. Эр-Рияд, 1986.

общины, рассматриваются как многобожники; ни пророк Мухаммед, ни один святой не могут быть посредниками в общении с Аллахом; посещение могил святых недопустимо; в молитвах можно обращаться только к Аллаху; поклоняться кому-либо кроме Аллаха запрещено¹.

Социальная доктрина аль-Ваххаба обладает ярко выраженным стремлением к установлению патриархального равенства и размыванию социальной иерархии. Ваххабизм утверждал принципы «братства» мусульман и их равенства перед Аллахом, отвергая сословные и прочие общественные деления между ними. Причем акцент делался не столько на морально-этической и духовной стороне вопроса, сколько на его сугубо организационном аспекте. Такое братство предполагало особый тип организации, с внутренней дисциплиной, гораздо большей, чем в обычной мусульманской общине, ярко выраженным единоначалием, круговой порукой и т.д. Такая модель делала ваххабитскую общину не просто религиозным обществом, а особой, подчас военизированной религиозно-политической организацией. Впоследствии эти принципы были использованы в возникшем на почве ваххабизма в начале XX в. движении ихванов, а затем и в практике современных мусульманских религиозно-политических организаций².

По мнению некоторых авторов, ваххабиты отрицали и отрицают все классические суннитские мазхабы³. Другими словами, ваххабизм трансмазхабен, то есть жестко не привязан к какому-либо одному суннитскому мазхабу. Хотя принято считать, что салафиты-ваххабиты по своей мазхабной принадлежности являются ханбалитами, это верно лишь в том смысле, как подчеркивает А.А.Игнатенко, что они обращаются к наследию Ахмада Ибн-Ханбала как салафита и пользуются разработанной им методикой понимания Богоданных текстов. Салафиты обращаются к исламу

---

¹ The Islamic Quarterly. The Islamic Cultural Center. London, 1979. January-March. Volume XXIII (Number 1). P. 148-149.

² Идрис Абдуллах. Ваххабизм: история проблемы // Мусульмане. 2000. № 1(4). - С. 36.

³ Бобровников В. Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2(10). С. 151.

времен пророка как бы через голову основателей-эпонимов мазхабов. В этом один из секретов достаточно успешного распространения салафизма в мусульманском мире, в том числе и на российском Северо-Восточном Кавказе, где распространен в основном суфийский суннитский ислам в форме шафиитского мазхаба мусульманского права – фикха¹.

Ваххабитское движение дало жизнь первому Саудовскому государству, которое к началу XIX в. охватывало всю Аравию, но в 1818 г. было разгромлено египетским войском Ибрагима-паши. Второй Риядский эмират просуществовал немногим более двух десятилетий (1843-1865 гг.) и распался в связи с ослаблением центральной власти и сепаратизмом местных правителей; третий этап возрождения эмирата, связанный с именем главы и поныне правящей ветви родового клана Аль Сауд - Абд аль-Азиза Ибн Абд ар-Рахмана - берет свое начало с 1902 г. В 1932 г. Абд аль-Азиз, объединив в единое государство Неджд, Хиджаз и Хасу, провозгласил об образовании Королевства Саудовская Аравия (КСА).

В течение всего исторического пути учение аль-Ваххаба сохраняло и до сих пор сохраняет в КСА своих последователей. Однако утверждение о том, что ваххабизм является *официальной идеологией* (и даже «официальной религией») Саудовской Аравии не является корректным, поскольку в официальных документах королевства государственной религией провозглашен ислам без уточнения его интерпретации. Тем не менее, *салафитская доктрина* – так здесь именуют учение аль-Ваххаба – пользуется признанием со стороны государства. Труды вероучителя, в основном посвященные защите строгого единобожия, регулярно переиздаются, изучаются и пропагандируются.

Учение аль-Ваххаба, первоначально казавшееся чисто аравийским явлением, вскоре после своего исторического появления получило распространение и за пределами Аравии. Осуждение идолопоклонства, культа святых, борьба с *бида'*, священная война против «неверных», сочетание классовых и эгалитаристских лозунгов – догматика и политическая практика ваххабитов – находили почву в странах с различной общественной и политической структурой, соответствующим образом преломляясь, приспособливаясь и трансформируясь. Так, последователем идей аль-Ваххаба являлся индийский мусульманский проповедник и

---

¹ Игнатенко А. Эндогенный радикализм в исламе. С. 120.

политический деятель Сайид Ахмад Барелви, провозгласивший в 1824 г. джихад против неверных (англичан и, отчасти, индийских немусульман). Индийские ваххабиты проповедовали принципы социальной справедливости, выступали за создание справедливого исламского общества, основанного на «чистом исламе» времен Пророка и первых халифов. Последователи Сайида Ахмада признавали в качестве достоверных шесть наиболее авторитетных суннитских сборников хадисов, отвергая при этом тафсиры, выступали за применение практики иджтихада, но против иджмы. Стержнем учения являлось строгое единобожие и осуждение почитания пророка, святых и имамов, паломничества к святым местам; запрещалось использование четок, употребление табака и спиртных напитков¹.

В русле индийского ваххабизма сложилось и отделившееся от него более радикальное течение – фарази во главе с Хаджи Шариатуллоу, действовавшее в XIX в. преимущественно в Бенгалии. По своим воззрениям они имели много общего с ранними «братьями-мусульманами», хотя возникли намного раньше².

Ваххабизм вдохновил на «реформаторскую» деятельность некоторых индонезийских паломников, посетивших Мекку в первом десятилетии XIX в. На Суматре возникло религиозно-политическое движение, которое использовало ряд ваххабитских лозунгов. Сначала оно было направлено против местных немусульман, затем приняло антиголландский характер. В течение полутора десятка лет, начиная с 1821 г., голландские колонизаторы вели войну против ваххабитов Суматры³.

Некоторые исследователи считают, что ваххабизм оказал какое-то влияние и на движение Османа дан Фодио в Западном Судане в начале XIX в., которое привело к образованию обширного государства Сокото, и на сенуситов Ливии⁴.

---

¹ Милославский Г.В. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран // Ислам и политика. М., 2001. С. 77–78.

² Там же. С. 78.

³ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М., 1999. С. 173.

⁴ Там же.

В XX в. наиболее ярко ваххабитские идеи материализовались в движении деобандийцев, которое развернулось в Южной Азии (Индия, Пакистан, а также Афганистан, индийские диаспоры в Южной Африке и в странах Карибского бассейна), где проживает 40% мусульман всего мира.

Следует отметить, что движение деобандийцев возникло в ходе борьбы народов, населявших Индию (индусы, индийские мусульмане и др.), за освобождение от британского колониального владычества. Параллельно с политической борьбой за независимость шел процесс возрождения исламских идей. Этот процесс ассоциировался с деятельностью исламского университета «Дар уль-Улюм» в индийском городе Деобанд (Деобанд расположен в 90 милях к северо-востоку от Нью-Дели. В Деобанде находится крупнейший исламский учебный центр «Дар уль-Улюм». К 2001 г. «Дар уль-Улюм» закончили 65 тыс. мусульманских студентов из большинства азиатских стран, которые затем преподавали в тысячах медресе в Пакистане и Афганистане. В настоящее время в Азии насчитывается более 15 тыс. медресе, относящихся к деобандийской школе. В одном только Пакистане в 2001 г. таких медресе было примерно 4 тысячи – И.Д.), название которого дало имя движению деобандийцев.

Основателем этого движения был известный теолог Абуль-Алла Мaudуди, имевший собственное, специфическое видение ислама. Его идеи концентрировались вокруг необходимости джихада, направленного против угнетателей. Мaudуди указывал на то, что Пакистан освободился от политического доминирования Британии, однако продолжал страдать из-за господства западной культуры – секуляризма, а потому призывал мусульман продолжать борьбу до своего полного освобождения и создания действительно исламского государства. Мaudуди явился основателем «Исламского общества» (“The Jamaat-i-Islami”) – политической организации, посвятившей свою деятельность установлению в Пакистане исламских законов.

Сегодня Маудуди известен и как один из наиболее известных идеологов умеренно-радикального крыла «исламского радикализма». Он является автором популярной в исламском мире теории «исламского государства». Теоретическое наследие Маудуди, насчитывающее более 120 книг и тысячи статей, затрагивает самый широкий спектр проблем: от вопросов государственного устройства и исламской конституции до положения женщины в исламском обществе. Выдвинутые им в рамках исламского фундаментализма идеи оказали значительное влияние на государственное строительство в Пакистане. Однако характерным представляется то обстоятельство, что за историю существования Пакистана взгляды Маудуди претерпели значительную эволюцию от консервативно-утопических идей в духе «мединской модели» к признанию возможностей ограниченного использования демократических институтов в современном исламском государстве¹.

Сразу же после возникновения в 1947 г. государства Пакистан Маудуди выдвинул лозунг о необходимости его превращения в «истинно исламское» государство и активно включился в политическую и идеологическую борьбу вокруг проектов будущей конституции государства. Итогом этого стали 22 принципа построения «исламского государства»². В основе этой теории лежит принцип верховного суверенитета Бога. Это положение интерпретируется как обладание им (Богом) законодательной властью в юридическом и политическом смысле этого слова. Суверенитет принадлежит Богу, промежуточной инстанцией между ним и народом выступает эмир (или халиф), на которого возлагается управление делами исламского государства. Как писал Маудуди, «при проведении выборов эмира особо учитываются праведность, всестороннее знание ислама, умение управлять народом в мирное и военное время...»³. Эмир контролирует работу всех ветвей власти, а окончательное решение принимается только им. Функции остальных органов заключаются в необходимости разрабатывать рекомендации, которые могут быть приняты, а могут и не быть приняты халифом⁴. В этих целях для оказания помощи эмиру всеобщим голосованием избирается совещательный орган – Маджлис-и Шура (Консультативный Совет). Эмир при управлении страной обязан консультироваться с членами Шуры. В то же время, эмир имеет право накладывать вето на решения

---

¹ Гареева Г.И. Исламский фундаментализм и опыт государственного строительства в Пакистане // Ислам и политика / Отв. ред. В.Я.Белокрыницкий и А.З.Егорин. М., 2001. 237.

² Binder Leonard. Religion and politics in Pakistan. Berkley, Los Angeles, 1960. P. 217.

³ Маудуди А.А. Образ жизни в исламе. М., 1993. С. 40.

⁴ Плешов О.В. Исламизм и номинальная демократия в Пакистане // Ислам и политика / Отв. ред. В.Я.Белокрыницкий и А.З.Егорин. М., 2001. С. 222.

Консультативного Совета, а также распускать Шуру. Спорные вопросы, возникающие между эмиром и Шурой, выносятся на всеобщее обсуждение (референдум)¹.

Однако следует особо подчеркнуть, что первоначально Маудуди был сторонником диктаторской формы правления, выступая за предоставление правителю (эмиру) неограниченных полномочий, против проведения выборов на партийной основе, за ограничение избирательных прав женщин и немусульман. Однако уже к началу 70-х годов его взгляды претерпели существенные изменения. Маудуди и его партия признают необходимость всеобщих выборов на партийной основе, требуют созыва выборной ассамблеи, получающей ограниченное право законотворчества, допускают участие немусульман и женщин в работе парламента.

Законодательная и правовая деятельность в исламском государстве, по Маудуди, должна была осуществляться строго в рамках шариата: «В отношении вопросов, допускающих неоднозначное толкование, преданные религии люди обязаны стараться выявлять правильное решение, наиболее отвечающее истинному смыслу шариата». Подобные вопросы должны передаваться на рассмотрение комиссии из богословов и правоведов при Шуре².

Оптимальной формой государственного устройства Маудуди считал «теодемократию». Во главе исламского государства, писал он, должны стоять «улемы нового типа», сочетающие в себе «набожность муджтахидов с современным мировоззрением»³.

Создание исламского государства Маудуди рассматривал как конечный результат «исламской революции», отличительной чертой которой является моральное совершенствование граждан на основе постулатов ислама, а не радикальное изменение социально-экономической структуры общества. Эта революция, считал Маудуди, приведет к утверждению «совершенного общественного порядка, при котором сможет процветать добродетель, а все формы эксплуатации, несправедливости ...будут предотвращены и подавлены». Речь идет, подчеркивал он, об образе правления, подобном правлению пророка⁴.

В наибольшей степени идеи Маудуди нашли отражение в практике государственного строительства в Пакистане с приходом к власти в 1977 г. военного диктатора Зия-уль-Хака, выдвинувшего программу по исламизации страны. Тогда в Пакистане была введена система выборов по религиозным общинам, были учреждены

---

¹ Bahadur K. The Jama'at-i-Islami of Pakistan. New Delhi, 1977. P. 142.

² Маудуди А.А. Образ жизни в исламе. - С. 41.

³ Maududi A.A. Islamic law and constitution. Lahore, 1960. P. 47-60.

⁴ Гареева Г.И. Указ. соч. С. 235.

«Консультативные советы» провинциального и общегосударственного уровней. Был осуществлен возврат к шариатской системе уголовного права «худуд». В рамках исламизации экономики были введены налоги «закат» и «ушр», запрещено взимание ростовщического процента «риба», был создан исламский идеологический Совет, призванный осуществлять контроль за соблюдением предписаний ислама в сфере искусства, литературы и образования¹.

Маудуди последовательно выступал против построения исламского государства силовым путем. В одной из своих лекций, обращаясь к молодежной аудитории, в целях достижения стоящих перед исламским обществом задач, он не рекомендовал осуществлять свою деятельность по типу подпольных группировок и призывал исключить применение насилия и оружия для изменения существующего строя. Более того, насильственный метод характеризуется им как поспешный и малоперспективный, хотя он, казалось бы, и подразумевает достижение цели кратчайшим путем. По его мнению, наиболее приемлемое решение для мусульманской общины и каждого, кто занимается распространением исламского призыва – это проведение мирного и верного в своей конечной цели переворота посредством открытой и самой широкой пропаганды, обращенной к умам и сердцам людей².

Среди других известных представителей «умеренного радикализма» в исламе можно назвать Насира ад-Дин ал-Албани³, Мухаммада Са'ида Рамадана ал-Бути⁴ и др.

К *экстремистскому* крылу исламских радикалов относятся организации, группы, отдельные лидеры, которые в качестве основного метода достижения своих целей используют вооруженную борьбу, в том числе и террористическую деятельность. Ведение пропаганды для них является вспомогательным средством, в основном, для привлечения в свои ряды новых сторонников. Наиболее известными теоретиками этого крыла исламистов выступают Сайид Кутб, Мустафа Шукри, 'Али 'Абду Исмаил и др.

С.Кутб – теоретик и идеолог египетской ассоциации «Братья-мусульмане» в 50-60-е гг. XX в. - написал целую серию работ, в которых им развивались различные аспекты идеологии «исламского возрождения». Фанатическая убежденность в правоте своего дела, незаурядный литературный и полемический талант, мученическая смерть (в 1966 г. он был казнен через повешение, согласно приговору египетского трибунала – И.Д.) превратили Кутба в одну из наиболее почитаемых фигур среди ультра-радикалов, а его

---

¹ Там же. С. 236.

² Маудуди А.А. Ислам сегодня. М., 1992. С. 26-27.

³ См. об этом: Ал - 'Акида ат-тахаввийа. Комментарии и примечания Насир ад-Дин ал-Албани. Ал-Матаб ал-ислами. Бейрут, 1404/1984.

⁴ Ал-Бути, Мухаммад Сайид Рамадан. Хаказа фа-л-над'у ила-л-ислам. Дамаск, б/г.

сочинения, публикуемые сегодня огромными тиражами, в том числе издательствами «Бадр» и «Сантлада» в России и на русском языке, составляют одну из основ современной исламистской пропаганды. Вокруг наследия С. Кутба и сегодня идет упорная борьба, и не только в лагере его прямых оппонентов, но и среди сторонников различных направлений «исламского возрождения».

Концепция С.Кутба делила общество на два типа: исламское общество, в котором признается власть одного Аллаха и действует шариат, и общество джахилийи (доисламского язычества), в котором люди сами творят законы и нарушают главный принцип единобожия – единовластие Аллаха (хакимийя). Согласно такому выводу, языческим является большинство современных обществ, в том числе те, которые считают себя исламскими, но не живут по шариату. Отрицание хакимийи, по сути, означает вероотступничество, свержающее в неверие. Ислам и джахилийя – это абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование или постепенная трансформация джахилийи в ислам. Восстановить власть Аллаха на земле можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, и участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

С.Кутб предложил следующую стратегию для исламского движения.

Во-первых, поскольку в джахилийском обществе вообще отсутствуют представления об исламе, бесполезно требовать введения шариатского правления или пытаться с этой целью совершить государственный переворот. Нужно начать с объяснения принципов ислама, и особенно – идеи единовластия Аллаха.

Во-вторых, те, кто принял этот призыв, как бы вновь приняли ислам и, следовательно, должны себя вести в соответствии с принципами «истинных» мусульман. Для этого таким верующим необходимо уйти из джахилийского общества, но не в буквальном смысле, а в плане «духовного разрыва», не исключая контактов в жизненных и бытовых вопросах. Указанная позиция нашла свое отражение, в частности, в движении *«ат-такфир валь-хиджра»* («обвинение в неверии и уход от мира»), которое теоретически в своих трудах обосновал С.Кутб.

В-третьих, после того, как община «истинных мусульман» достигнет необходимого духовного и морального уровня, следует приступить к созданию исламской организации – своеобразного авангарда, призванного свергнуть джахилийю и установить на земле власть Аллаха.

В-четвертых, на начальном этапе такой деятельности следует избегать прямого столкновения с правящим режимом, так как это может привести к роковому удару по еще слабому исламскому движению.

В-пятых, когда исламское движение достигнет необходимой силы и мощи, следует начать джихад в его силовом, наступательном понимании, без всяких уступок и снисхождения.

Идеи Сейида Кутба развил Абд ас-Салям Фараг, который в конце 70-х гг. XX в. основал в Египте ультрарадикальную группировку «Аль-Джихад», особенно активно действовавшую в последней четверти прошлого века и имевшую отношение к убийству президента Анвара Садата.

Новизна взглядов А.Фарага в отличие от концепций Хасана аль-Банни и Сейида Кутба заключалась в ярко выраженном салафитском характере. Каждое свое утверждение он обосновывал аятами Корана и изречениями пророка Мухаммада, а также творческим наследием таких улемов прошлого, как Ибн Таймийя, Ибн Касир и Ибн аль-Джаузи. До конца 80-х гг. книга А.Фарага «Аль-Фарида аль-гайба» была практически основным идеологическим источником «Аль-Джихада».

А.Фараг как главный идеолог организации, проанализировав весь опыт радикального исламизма 60-70-х гг., нашедший отражение в трудах Сейида Кутба, Салиха Сарийя, Шукри Мустафы, сформулировал классические основы радикального исламизма суннитского толка. Идеи А.Фарага служат идеологической платформой деятельности большинства современных радикальных группировок.

Так, он считал, что любой мусульманин, игнорирующий нормы шариата - «неверный, с ним нужно воевать, пока он не вернется к Суду Аллаха и его посланника и не перестанет судить ни в большом, ни в малом другим судом»¹.

Говоря о современных правителях Египта, А.Фараг утверждает, что

---

¹ Малашенко А.В. Неприятие фундаментализма как его зеркальное отражение // НГ-религии. 1997. 25 дек.

они «не имеют от ислама ничего, кроме мусульманских имен», и причисляет их к отступникам (муртадун). Отступник, отмечает он, хуже, чем «неверующий по рождению» (т.е. христианин, иудей и пр.), так как они могут не знать ислама, а отступник осознанно отрекается от веры, зная об ее добродетелях. Ссылаясь на мнение основателей-эпонимов суннитских мазхабов, А.Фараг пишет, что «неверующих по рождению» христиан и иудеев, которые являются общиной покровительствуемых, нельзя убивать. Отступника же разрешено казнить, «он не имеет права завещать свое имущество кому-либо, его брак теряет юридическую законность, так как он отверг саму основу ислама, он хуже кафира»¹.

Обвинив в безбожии правящий египетский режим, А.Фараг обосновал этим законность с религиозной точки зрения вооруженного джихада с властями². В своей работе «Забытый долг» он пишет: «Сегодня, несмотря на всю важность джихада, от которого зависит будущее ислама, некоторые улемы пренебрегают этой обязанностью, зная, что это единственная дорога для того, чтобы вновь возвысить ислам... Без всяких сомнений, сегодня идолопоклонство на земле можно свергнуть только силой меча»³.

По мнению А.Фарага, в то время как умма находится под властью неверного режима, исполнение только пяти столпов ислама становится недостаточным. В этих условиях джихад как вооруженная борьба автоматически становится шестым столпом ислама. Кроме того, джихад в концепции А.Фарага приобретает наступательный характер. По его мнению, «война в исламе ведется для утверждения слова Аллаха на земле как оборонительным образом, так и наступательным... Ислам распространялся мечом, однако безбожные имамы скрывают это... На мусульманах лежит обязанность поднять мечи и направить их на режимы, которые скрывают истину»⁴.

---

¹ Примаков Е.М. История одного словора. М., 1981. С. 248-250.

² Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. М., 2003. С. 84.

³ Voll J.O. Islam: Continuity and Change in the Modern World. Boulder, 1982. P. 354-355.

⁴ Ражбадинов М.З. Указ. соч.- С. 84-85.

Общая стратегия джихада у А.Фарага определяется представлениями о «враге ближнем» (мусульмане, которые не разделяют идеологических воззрений и практику радикалов), «враге дальнем» (немусульманские противники радикалов, прежде всего, представители западнохристианской цивилизации) и о джихаде как об индивидуальной обязанности для каждого мусульманина. По мнению А.Фарага, джихад становится обязательным в трех случаях:

- если встретились два войска, то мусульманину запрещено покидать его ряды;
- если неверные напали на мусульманское государство;
- если имам призвал свою общину к джихаду.

Кроме этого, А.Фараг упоминает еще одно условие – четвертое. Согласно ему, если правитель мусульманского государства отверг руководство по шариату, то такого правителя нужно свергнуть, и джихад становится индивидуальной обязанностью. На его ведение не нужно даже специального разрешения улемов, джихад становится такой же индивидуальной обязанностью, как пост и молитва¹.

Однако на рубеже 80 – 90-х гг. XX в. новый лидер «Аль-Джихада» Аббуд аз-Зумр насытил идеологическую доктрину организации новыми концепциями. Помимо него, еще одним плодотворным автором движения выступил Тарик аз-Зумр. К концу 90-х гг. новые идеи выдвинул один из лидеров зарубежного руководства «Аль_Джихада» Айаман аз-Завахири, ныне считающийся главным идеологом «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада», созданных Усамой бен-Ладеном.

Особенности трактовки ими концепции джихада практически не отличаются от идей А.Фарага. Так, по мнению Аббуда аз-Зумра, джихад также есть фард айн – индивидуальная обязанность каждого мусульманина, который должен участвовать в нем по мере своих сил и возможностей².

---

¹ Ат-Тураби Х. Аль-Харака аль-исламия фи ас-Судан (Исламское движение в Судане). Б.м. Б.г. С. 4–5.

² Ерасов В. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990. С. 73.

Другой теоретик исламизма Тарик аз-Зумр считает, что высшее проявление из всех форм джихада – это вооруженная борьба. Он резко критикует тех лидеров из числа исламских радикалов, которые ограничиваются только идейной борьбой¹. Более того, джихад в таком случае имеет наступательный характер, и необязательно, чтобы неверные инициировали нападение первыми, «достаточно, чтобы они всего лишь имели признаки тех людей, с которыми надлежит воевать»².

Идеологи организации подкрепляют свои выводы религиозными аргументами, ссылаясь на целый ряд авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди которых Ибн Таймийя, Ибн Касир, Аль-Куртуби, Ан-Навави и др. В итоге делается вывод, что джихад становится обязанностью каждого мусульманина в следующих случаях:

- когда во главе государства стоит правитель-кафир, поэтому необходимо вести борьбу за его свержение;
- джихад ведется с общиной, уклоняющейся от предписаний шариата. Под таковыми ныне понимаются сотрудники службы безопасности, полиции и прокуратуры;
- джихад необходим для установления власти халифа-мусульманина. Опираясь на мнение Ибн-Таймийи, Тарик аз-Зумр считает, что сила нужна для исполнения таких предписаний шариата, как «повеление благого и запрещение нечестивого, установление справедливости, совершение хаджа, пятничной молитвы, помощь угнетенным, исполнение наказаний»³.

Следует также отметить, что «Аль-Джихад» отвергает тактику постепенной «исламизации снизу». Такая стратегия основывается на изменении общества посредством осуществления исламского призыва. Однако «Аль-Джихад» считает, что общество трудно изменить, пока оно

---

¹ Там же. С. 147-148.

² Ruthven M. Islam in the World. N.Y., Oxford, 1984. P. 308.

³ Miller J. The Challenge of Radical Islam // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. N 2. P. 50-51.

будет находиться под властью режима неверных, способного применять и использовать разнообразные методы, препятствующие мирной исламизации. По мнению идеологов организации, стратегия «исламизации снизу» демонстрирует свою ограниченность в деятельности «Братьев-мусульман» и салафитских джамаатов. Первые замыкаются рамками интеллигенции и отрываются от масс, вторые практически утратили чувство реальности. Более того, для «Аль-Джихада» неприемлемо какое-либо участие в парламентской деятельности: это означало бы признание того, что источником законов может быть не Аллах, а его творения – люди¹.

Вместе с тем, в конце 90-х гг. видный теоретик и лидер «Аль-Джихада» Айман аз-Завахири выдвинул идею глобального джихада, в первую очередь, с «дальним врагом» - альянсом мирового куфра. Под ним он подразумевает, прежде всего, страны Запада, в первую очередь США и Израиль; теперь же в этот список попала и Россия, примкнувшая, по мнению исламистов, к этому союзу. А. аз-Завахири пишет: «Не следует считать, что борьба за создание исламского государства является региональной войной. Альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США, не позволит мусульманским силам прийти к власти в какой-либо из мусульманских стран. Надо готовиться к тому, что эта борьба не ограничится рамками одного региона, она будет вестись как против внутреннего врага – вероотступников, так и против внешнего – альянса крестоносцев и сионистов»². По его мнению, джихад с «дальним врагом» нельзя откладывать, поскольку альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу». Поэтому А. аз-Завахири предлагает перенести войну за пределы исламского мира на территорию врага. В частности, он высказывался за то, чтобы вывести успешный джихад за освобождение мусульман из пределов Афганистана и Чечни и перенести его с окраин исламского мира в его самое сердце³.

---

¹ Ражбадинов М.З. Указ. соч. С. 88-89.

² Там же. С. 89.

³ Enayat H. Modern Islamic Political Thought. Austin, 1982. P. 84.

После терактов в Америке 11 сентября 2001 г. и начала антитеррористической операции А. аз-Завахири назвал уничтожение двух Нью-Йоркских небоскребов благословенной акцией и вершиной борьбы между мусульманской Уммой и силами великого языческого куфра. Он обвинил Дж.Буша в том, что тот открыто объявил новый крестовый поход против ислама под вывеской борьбы с терроризмом. А. аз-Завахири в своей новой книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» подчеркивает, что ныне каждый мусульманин должен руками, языком или хотя бы в помыслах оказывать противодействие оккупантам. В книге он обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать крестоносцев. Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями)¹.

«Аль-Джихад» одной из первых выдвинул также идею создания единого фронта исламских организаций. Еще в апреле 1991 г. Аббуд аз-Зумр выдвинул проект создания исламского фронта. По его мнению, организация осознала, что сегодня крайне необходимо объединить различные исламские организации, так как «масштабы вызова слишком велики, чтобы справиться с ним лишь силами какой-то одной группировки в отдельности»². Кроме того, современная международная обстановка толкает к таким мерам, а именно: сближение России и США и ускорение европейской интеграции³. При этом несомненный приоритет в таком фронте отдается радикальным,

---

¹ Ражбадинов М.З. Указ. соч. С. 91-92.

² Трофимов Д.А. Исламский фундаментализм в Арабских странах: истоки и реалии // Восток. № 1. 1992. С. 116.

³ Левин Э.И. Мусульманское реформаторство и политика // Ислам и исламизм. М., 1999. С. 43.

«джихадистским» группировкам.

А.аз-Завахири считает важным для стратегии джихадистского движения два момента. Во-первых, оно должно постоянно расти, видоизменяться и обновляться. Во-вторых, в муджахедах нужно воспитывать непоколебимость, терпеливость и стойкость. Главным же приоритетом стратегии движения он видит боевую подпольную деятельность. В частности, он указывает на то, что боевые группы джихадистского движения должны использовать любое оружие, которое доступно или не доступно и даже запрещено. Все известные формы и способы ведения эффективной войны должны стать частью современной стратегии. А.аз-Завахири предлагает начать с самого простого и «легкого»: «Убивайте американцев пулями, ножами, упакованной смесью взрывчатки, бейте их железными прутьями и забрасывайте бутылками с зажигательной смесью»¹.

Он предлагает сосредоточиться на следующих задачах. Во-первых, следует концентрироваться на проведении широкомасштабных акциях с большим количеством жертв, важное значение имеют именно огромные людские потери. Такие акции впечатляют западное общество, и заставляют задуматься людей. Это единственный язык, который сегодня понимает Запад. Во-вторых, при проведении боевых операций необходимо опираться на акции шахидов (камикадзе). Такие операции не требуют больших потерь со стороны мусульман, но наносят противнику большой урон. В-третьих, акции следует тщательно подготавливать, нужно производить достоверный анализ вражеского потенциала, его возможностей и наиболее уязвимых мест. В-четвертых, большое значение имеет выработка четкой стратегии и идеологии борьбы. Сегодня борьба «за наши святыни, нашу родину, дома, богатства – это война каждого мусульманина, и молодого и старого». Каждый мусульманин несет ответственность за защиту ислама и его святынь. Мы должны дать обществу сильных и знающих лидеров, показать явного врага и разбить оковы страха².

Определенный вклад в развитие радикальной исламской идеологии внес основатель «Аль-Каиды» Усама бен-Ладен, воспитанник бескомпромиссной саудовской школы «салафийя», которая категорически отвергает любые формы сотрудничества между исламом и Западом и абсолютно отрицает западную культуру. Наибольшее влияние в деле религиозного образования Усамы Бен-Ладена оказали Абдалла Азам, палестинец, погибший в 1989 г. в результате подрыва автомобиля,

---

¹ Ражбадинов М.З. Указ. соч. С. 101.

² Там же. С. 102.

начиненного взрывчаткой, и Сафар аль-Хавали, саудовец, периодически арестовывавшийся властями¹.

Сам бен-Ладен относит себя к последователям учения салафитов. Однако на деле, он отошел от этого учения, как утверждают «истинные» салафиты. По их мнению, бен-Ладен в доктринальном отношении является адептом кутбизма – учения, основателем которого считается Саид Кутб². Он в своих трудах обосновывал необходимость убийства ключевых руководителей государства и разрушения (например, с помощью взрывов) инфраструктуры крупных городов типа Каира. Его учение базировалось на идеологии такфира, послужившей основой деятельности «братьев-мусульман». Многие группировки, отпочковавшиеся от них, создали затем в различных странах Ближнего и Среднего Востока самостоятельные организации, совокупность которых называют «Движением братьев-мусульман», в том числе правозэкстремистские «Джихад ислами», «Такфир ва-ль-Хиджра» и др. Их концепции базировались на трех основных положениях: а) необходимости физического устранения деспотов, т.е. правителей, не придерживающихся исламских норм, сформулированных в Коране и шариате, б) устранении существующих властей, в) приходе на смену им тех, кто придерживается идеологии кутбизма³.

Следуя установкам Кутба и цитируя Ибн Таймийю, бен-Ладен обосновал свой джихад против правителей Саудовской Аравии, которые поставили себя в услужение Америке и разрешили пребывание на своей территории американских войск.. Однако в последние годы Усама бен-Ладен в одном пункте отошел от декларируемой доктрины. Он сфокусировал свои атаки в основном на США, смягчив критику арабских режимов. Он, в частности, заявлял, что мусульмане должны отбросить свои разногласия и сконцентрировать усилия на борьбе против западного противника. Этот лозунг явился серьезным отступлением от доктрины Кутба и убийц Садата из

---

¹ New York Times. 2001. October 13.

² New York Times. 2001. October 16.

³ Worth Robert. The Deep Intellectual Roots of Islamic Terror // The New York Times. 2001. October 13.

«Джихад ислами», утверждавших, что противодействие внутренним врагам имеет приоритет над внешними угрозами. Однако, как считают западные аналитики, это был лишь временный поворот в тактике, а не в стратегии Усамы бен-Ладена.

В феврале 1998 г. Усаме бен-Ладену удалось объединить вокруг ранее созданной им организации арабов-афганцев «Аль-Каида» ряд экстремистских исламских группировок, создав «Всемирный исламский фронт борьбы с иудеями и крестоносцами», получивший известность как «*Мировой фронт джихада*» (МФД). Помимо него учредителями «фронта» стали: руководитель египетской организации «Аль-Джихад» доктор Айман аз-Завахири; председатель консультативного совета «Гамаа Исламия» Рифаи Ахмед Таха Муса (Египет); секретарь пакистанской исламской организации «Джамиат уль-Улема-е-Пакистан» («Ассоциация улемов Пакистана») шейх Мир Хамза; лидер пакистанского движения «Харакат аль-Ансар» Фазлуль ар-Рахман и лидер движения «Джихад» из Бангладеш Абд аль-Салям Мохаммед. В МФД также вошли пакистанская организация «Аль-Хадис», ливийская «Аль-Джамаа аль-Исламия», иорданская «Байат аль-Имам» («Присяга имама»), алжирская «Вооруженная исламская группа», йеменский «Джихад», ливанские «Асбат аль-Ансар», «Джамаа исламия» и др.¹

Уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды», иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах², под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?», в свою очередь, заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных». Термин «гражданское население», утверждает аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен».

Аз-Заркави делит людей на три разряда: 1. мусульмане; 2. неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зима) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман); 3. все прочие люди. Последних аз-Заркави объявляет «воюющей стороной»: шариат, напоминает он, лишает их защиты и дает мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин). На этом

---

¹ Добаев И.П. Политические организации исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Дону, 2001. С. 69.

² См., например: <http://www.short-link.de/2054>.

основании, считает аз-Заркави, «неверие в Аллаха – достаточное основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился».

Таким образом, рассмотрение различных отрядов и направлений современного радикального исламского движения позволяет сделать вывод о том, что угрозы и вызовы существующему миропорядку формируют не все радикалы (например, представители умеренно-радикального крыла), а их экстремистски настроенные единомышленники. Внутри широкого салафитского движения имеется незначительное меньшинство – так называемые *салафиты-такфириты*, доктрины которых основываются на двух системообразующих положениях – обвинении в неверии (*такфир*) и священной войне за веру (*джихад*), которые трактуются радикалами в резком противоречии с канонами мусульманской ортодоксии¹. В этой связи их еще часто называют *такфиритами-джихадистами*.

Такфир - это обвинение в неверии, т.е. обвинение мусульман в том, что они верят неправильно или неискренне. В сунне Пророка сказано: «Когда человек называет своего брата неверующим, это возвращается (по меньшей мере) к одному из них»². В своде суннитской ортодоксии – «Кадирийском трактате веры» («ар Рисала аль Кадирийя»), принятом в период правления аббасидского халифа аль-Кадира (XI в.), говорится следующее: «Не следует обвинять в неверии кого-нибудь, если он упустил что-либо из законных установлений веры, исключая, конечно, молитву. Ибо тот, кто без причины не совершает молитвы, тот неверующий, даже если он не отрицает обязательности молитвы, согласно следующим словам Пророка: «К неверию относится неисполнение молитвы – кто в этом совершает упущение – тот неверующий и останется неверующим, пока не покается и не станет молиться. А если он умрет до того, как покается, и даже будет умолять Аллаха о помощи словами или молчанием, то не будет он принят, но восстанет в день Страшного Суда вместе с фараоном, Хаманом и Каруном». *Упущение прочих дел не делает неверующим*, если даже быть столь дерзким, что не признавать обязанности их совершения. Такова вера верующих по старине (ахл ас-сунна - люди Сунны). Кто придерживается этой веры, тот стоит у истоков чистой истины, под правильным руководством и на верном пути. В отношении его можно питать надежду, что он будет спасен от адского пламени и войдет в рай – если Аллаху будет угодно»³.

Из представленных изречений Пророка следует, что по традиции ни один мусульманин не может назвать другого неверующим (независимо от его недостатков или

---

¹ См. об этом подробнее: Мухаммад Хасан. Источник террора. Идеология салафизма-ваххабизма. М., 2005. С. 62–68.

² Сахих Муслим. Китаб ал-Иман, 116.

³ Цит. по: Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1996. С. 203.

совершенных греховных дел) до того момента, как тот сам публично признается в этом. Это положение специально оговаривалось и считалось очень важным, так как вероотступничество почиталось одним из самых тяжких грехов и каралось смертью (хотя и в этом случае людям предоставлялось три возможности отречься от неверия). Однако такфириты сами предоставили себе право объявлять других мусульман вероотступниками (муртадун) или лицемерами (мунафикун) на основании совершенных ими некоторых отклонений, по мнению такфиритов, от веры или отправления духовных обрядов, с которыми салафиты-такфириты не соглашаются или которых просто не понимают. И, разумеется, они сами выступают судьями таких «плохих» мусульман. Как показывает мировая практика, подобного рода «суд» становится прелюдией к убийству такфиритами других мусульман, не разделяющих их идеологических установок.

Далее, такфириты считают всех христиан и иудеев неверующими и даже неверными (*кафирун*), тогда как ортодоксальный ислам называет их «Ахл аль-Китаб» («люди Писания»), такими же, как и мусульмане, верующими, но исповедующими более ранние священные писания, ниспосланные Богом. На этом основании такфириты считают себя вправе убивать их.

Отношение к политической власти. Традиционный ислам предписывает верующим подчиняться законным правителям (даже если те совершают греховные действия и аморальны в поведении) во всех вопросах, которые не противоречат шариату. В Коране говорится: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас...» (4:62).

В различных мазхабах (религиозно-правовых школах в исламе, или исламских толках) нет полного согласия по поводу того, какой конкретный смысл следует вкладывать в слова «законный правитель», однако достаточно сказать (поскольку между всеми четырьмя суннитскими мазхабами имеется согласие в том, что всегда надо исходить из наиболее простого правила в любом ортодоксальном мазхабе), что в наиболее распространенном ханифитском мазхабе правитель считается законным до тех пор, пока он: 1) публично не признал себя вероотступником или еретиком; 2) участвует в общих молитвах; 3) поддерживает общественный порядок и защищает государство; 4) не совершает на деле или не подводит к совершению серьезных преступлений (в качестве таковых рассматривается *фитна* – народный бунт), даже если он и не вводит шариат полностью. В исламе порядок и безопасность населения (т.е. важнейший элемент национальной безопасности) рассматривается в качестве первоочередной обязанности правительства, а анархия, бунт и гражданская война – считаются величайшей опасностью для населения. В Коране прямо говорится: «...Соблазн хуже, чем убийство» (2:187).

Такфириты, тем не менее, считают, что все ветви и структуры политической власти, которые не придерживаются их идей – причем абсолютно всех их порочных и еретических идей относительно ислама, - незаконны. Лидеров государств и республик они считают незаконными узурпаторами (*тагутами*), а представителей власти и управления, сотрудников правоохранительных органов и силовых структур из числа местных граждан – вероотступниками. Поэтому присвоили себе право и даже полагают своей обязанностью пытаться их свергнуть, убить, отстранить от власти.

Джихад (священная война) в исламе. Согласно мусульманской ортодоксии, джихад (священная война в исламе) может быть объявлен тогда, если жизнь мусульман и их земли подверглись угрозе нападения или нападению. Джихад – это священная война ради законной самозащиты. Джихад может быть объявлен только законным правителем, если и когда он считает это необходимым, для того, чтобы защитить жизнь мусульман, их потомков и их земли. В этом смысле священным долгом каждого здорового мужчины является участие в джихаде, иначе на нем будет вечное проклятие.

При этом даже если джихад объявлен, существуют правила поведения и военных действий, которые не могут быть нарушены, независимо от того, как поступает враг. Они были приняты в период правления первого праведного халифа Абу Бакра. В Коране говорится:

«О вы, которые уверовали! Будьте стойкими перед Аллахом, исповедниками по справедливости... Будьте справедливы, это ближе к богобоязненности» (5:11).

Таким образом, в исламе не существует понятий типа «тотальная война», «политика выжженной земли»; порицаются убийства (в том числе посредством взрывов) гражданского населения и т.п. Все это – абсолютно чуждые и аморальные, независимо от условий, понятия для традиционного (ортодоксального, эталонного) ислама.

Такфириты, между тем, не признают ни правила объявления джихада, ни формы, ни методы его ведения. Поскольку такфириты-джихадисты сами себе предоставили право объявлять людей «врагами ислама» (неверные, вероотступники и лицемеры), отвергать традиционную политическую власть, поскольку они не только санкционируют самоубийство своих соратников (*шахидизм*), но и подстрекают людей к этим антигосударственным действиям, одновременно игнорируя все правила джихада, им очень легко совершать убийства, диверсионные и террористические акции.

Становится тогда также понятно, каким образом, называя себя мусульманами и утверждая, что действуют во имя ислама, они в то же время полностью игнорируют все основные положения ислама относительно убийств и правил ведения джихада. Знакомство с основными принципами идеологии экстремистов, прикрывающихся

исламом, в области ключевых для них понятий (такфир и джихад) объясняет не только многочисленные убийства ими людей, но и то, как боевики и бандиты, планирующие и совершающие такие акции, могут чувствовать себя при этом абсолютно правыми.

1.2. Особенности развития радикальных идеологий в современном российском исламе

Что касается России, то исторически на территории нашей страны существуют два крупных мусульманских ареала – на Северном Кавказе и в других регионах России (Среднее Поволжье, Урал, Сибирь и др.). Каждый из них самодостаточен с точки зрения культурной и собственно религиозной традиции, склонен к внутренней консолидации, занят решением собственных проблем, в том числе политических, и, прежде всего – отношениями с властью. Оба ареала, несмотря на спорадические попытки продемонстрировать желание к интеграции, живут своими отдельными мирами¹.

Важной отличительной чертой Среднего Поволжья и других российских территорий, за исключением Северного Кавказа, практически всегда было отсутствие широкого распространения фундаменталистских, а тем более радикально-фундаменталистских, тенденций. Во многом это становилось возможным благодаря распространению здесь образования, которое вплоть до начала XX в. носило религиозный характер, но постепенно стало приобретать и светские черты. Так, образовательную систему тюркоязычных мусульман Среднего Поволжья этого периода необходимо разграничивать на старометодное (кадимистское) и новометодное (джадидистское) медресе. Постепенное изменение происходит к концу XIX и началу XX вв. Кадимитское медресе было в основном призвано воспитывать богословов и знатоков мусульманского права. Формальных ступеней в старометодном медресе не существовало и продвижение по образовательным ступеням осуществлялось путем ознакомления и изучения чередующихся

---

¹ Малашенко А.В. Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 56.

друг за другом общепринятых книг, написанных в XI – XVI вв. Основными предметом было богословие, а общеобразовательные предметы носили вспомогательный характер: арабский язык изучался как язык Корана и богослужения, логика и философия изучалась для обоснования вероучения формально-логическими доводами. Поэтому упор делался на традиционные предметы: сарыф и наху (морфология и грамматика арабского языка), мантийк (логика), хикмет (философия), гакаид или калам (догматика), фикх (мусульманское право) и т.д. Светский характер проявлялся в изучении предметов фараиз и шамсия (сведения по математике), исагоги (логика по Аристотелю), а также изучалась арифметика, сведения о браке, хифзысыххат (гигиена) и т.д. Кроме этого богатство библиотек позволяло усердным шакирдам (ученикам медресе) знакомится с арабской литературой, математикой, астрономией, историей, географией и т.д.¹

Однако после крушения Советского Союза в регионе наблюдается определенная трансформация исламского движения, появление в нем исламистской компоненты. В период приобретения суверенитета бывшими советскими республиками националистические лозунги, выдвигаемые различными субъектами этнополитических процессов, дополнялись попытками их доктринального обоснования исламом. Это привело к политизации ислама и радикализации исламского движения.

Следует отметить, что тенденция радикализации ислама в меньшей степени, по сравнению с Северным Кавказом, охватила Среднее Поволжье и другие российские регионы. Здесь сказывалось как отсутствие острых этнополитических конфликтов, более низкий уровень религиозности², а также продолжительное совместное проживание мусульманских народов в «инокультурном» окружении, способствовавшее выработке культуры

---

¹ Амирханов Р. Система конфессионального образования у татар: становление и формы функционирования // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2001. С. 151.

² О соотношении уровня религиозности жителей Дагестана и Татарстана см. данные социологических опросов: Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004. С. 79–88; Мусина Р. Ислам в массовом сознании татар // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2001. С. 404–413.

совместного проживания, что в свою очередь снижало уровень конфликтности. Однако это вовсе не означает полного отсутствия радикальных фундаменталистских групп на территории Среднего Поволжья. К такого рода группе можно отнести небольшую общину Файзрахмана Саттарова, который получил образование в советское время в Бухаре (1955-1964 гг.) и стал вести оппозиционную деятельность против официальных ДУМов. При этом главной идеологией общины являлся лозунг «Жить только по Корану!». Ф.Саттаров сочетает признание иджтихада и частичное следование таклиду. Он придерживается мнения о праве существования светского государства, а также допускает возможность участия в политике. В 1997 г. им было открыто медресе, где преподавали только подготовленные прихожане, а учебники были переписаны самим руководителем общины. При этом в деятельности общины не принимали участие иностранные миссионеры и зарубежные фонды¹.

Однако политизация и радикализация российского ислама осуществлялась также под внешним воздействием. Очевидную роль в данном процессе сыграли исламистские проповедники из дальнего зарубежья, причем не только т.н. «ваххабиты», но и представители радикального ислама, идеологические доктрины которых не совпадают с «ваххабитскими». Среди них следует назвать адептов турецкого суфийского братства «Нурджулар» и «Хизб-ут-Тахрир».

Сегодня сложно сказать, какая из зарубежных стран оказала наиболее значительное влияние на «повышение градуса» исламского фактора в современной России. Можно предположить, что их влияние зависело от многих обстоятельств. Турция, в связи с языковой и этнической близостью к тюркским народам, оказала влияние на становление и развитие мусульманского образования на Среднем Поволжье и, в общем, в этом отношении оказала определенное воздействие на всю территорию

---

¹ Мухаметшин Р. Неофициальный ислам // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2001. С. 401-402.

европейской части России с крупными татарскими и башкирскими общинами. Большое влияние Турция оказывала на Северо-Западный Кавказ. Здесь сказывалась не только языковая близость отдельных тюркских народов, но и влияние кавказских общин (в особенности адыгских), предки которых переселились в Турцию после кавказской войны XIX в. Можно допустить, что влияние Турции было значительным и в отношении Восточного Кавказа, в частности на ногайские и кумыкские общины.

Членами «Нурджулар» являются радикально настроенные турецкие исламисты. «Нурджулар» — это суфийское братство, которое было организовано шейхом Бадиаззаманом Саидом Нурси (1870-1960), многочисленные произведения которого сегодня в массовом порядке распространяются на территории России. В настоящее время его возглавляет Фатуллах Гюлен. Долгое время его организация действовала в Турции легально, контролируя около 30% экономики страны, а также многие турецкие СМИ.

По оценкам турецких экспертов, исламский капитал, поддерживающий общину Гюлена, достигает 50 млрд. долларов. Его поддерживают более 500 фирм, среди которых финансовая группа «Азия-финанс» и медиа-холдинг «Заман». По данным турецких спецслужб на 1997 г., группа Гюлена контролировала в целом 88 фондов (вакуфов), 20 обществ, 128 частных школ, 218 фирм, 129 учебных курсов, интернаты для учащихся, а также 17 печатных органов, газету с тиражом 250 тыс. экземпляров, телестанцию, две радиостанции с вещанием на всю страну, финансовую организацию с беспроцентным кредитованием, страховое общество¹.

Расширяя заграничную деятельность, с 1992 г. группа открыла в 35 странах 6 университетов и вузов, 236 лицеев, 2 начальных школы, 8 центров изучения иностранного языка и компьютера, 6 курсов подготовки к университету, 21 интернат. Цель создания общиной Гюлена школ за рубежом

---

¹ Киреев Н.Г. Антитеррористическое законодательство в Турции // Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001. С. 328.

– готовить кадры администраторов для данного государства, обеспечить в будущем их симпатии к Турции, в которой к тому времени будет создано исламское государство¹.

Деятельность «Нурджулар» с самого начала не вызывала озабоченности ни у властей, ни у российского мусульманского духовенства. Последователи данного суфийского ордена внешне оставались людьми вполне светскими. Они в массовом порядке приезжали в Россию с начала 1990-х, во многом через посредничество ДУМов. Часть из них поступала в ВУЗы, другие вели деятельность в открывавшихся турецких колледжах, которые внешне носили светский характер, причем с особым упором на изучение турецкого и английского языков. Обучение же арабскому языку, чтению Корана и т.д. они вели не при колледжах, а, в основном, в мечетях, медресе и в домах верующих. Однако турецкая версия «мягкого ислама», носящего вид модернизационного течения, дополняющая пантюркизм, с ярко выраженным индивидуализмом самих преподавателей, широкого отклика среди верующих мусульман России не нашла. В дальнейшем часть из них бросила миссионерскую деятельность и занялась бизнесом (в основном ввозом и продажей турецких товаров). Связи в России были уже налажены и развивались по различным направлениям. Такая широкая деятельность позволяла решать представителям данной организации широкий спектр задач, вплоть до ведения деятельности в интересах зарубежных спецслужб. Причем, по всей вероятности, не только турецких. В собственной стране к данной организации отношение далеко не однозначное, а руководитель «Нурджулар» Ф.Гюлен был заочно осужден турецкими властями², которые выразили обеспокоенность растущим влиянием этой организации в самой Турции. Дело в том, что братство исповедует не только пантюркистскую, но и исламистскую идеологию, тесно связана с террористической

---

¹ Там же.

² Малашенко А.В. Указ. соч. С. 55 – 56.

организацией «Серые волки»¹. На данный момент он находится в США, что вполне может свидетельствовать о связи Ф.Гюлена и его организации с американскими спецслужбами.

В различных регионах России «Нурджулар» действовала через созданные ею фонды «Торос», «Толеранс» и «Уфук», а также фирмы «Серхат» и «Эфляк», решая «широкий спектр задач в интересах турецкой разведки»². На территории России активистами «Нурджулар» осуществлялся сбор информации о происходящих в регионе процессах, велась пантюркистская и панисламистская обработка российской молодежи, проводились пропагандистские акции, изучались кандидаты на вербовку в целях формирования протурецкого лобби в местных властных структурах, проникновения в правоохранительные органы и общественные объединения. Эта секта тесно взаимодействовала с действующими в Турции организациями, оказывающими помощь бандформированиям в Чечне (в том числе с фондом «Кавказ»). Но интересы «Нурджулар» выходили далеко за рамки чеченского конфликта. Как следствие, только в 2002 г. органами безопасности России была пресечена деятельность более 50 функционеров «Нурджулар»³. По некоторым данным, всего функционировало около 30 учебных заведений по всей территории России, которые поддерживались представителями данной организации. Известно, что часть таких лицеев в Дагестане, Карачаево-Черкессии были закрыты⁴, а в Татарстане была ликвидирована целая сеть подпольных медресе⁵.

В последнее время на территории Среднего Поволжья (а также в других регионах РФ) активизировалась известная радикальная исламистская организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского

---

¹ Иванов П. Экстремизм под маской бизнеса // Седьмая столица. 2004 . 10 марта.

² Кавказская война // Завтра. 2004. № 13 (540). 23 марта.

³ Добаев И.П. Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов н/Д, 2005. С. 187

⁴ Аллах с нами. Расследование «МК»: турецкая исламская секта успешно осваивает Россию // Московский Комсомолец. 2002. 6 дек.

⁵ В Татарстане ликвидировали сеть подпольных медресе и секту, их создавшую // <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=5157>

освобождения»), известная своей политизированностью и конспиративностью (которая не позволяет членам данной группировки создавать открытые образовательные учреждения). Основная цель «Хизб ут-Тахрир» - создание «Мирового халифата», а основная практическая деятельность направлена на идеологическую подготовку приверженцев путем подпольного распространения литературы и листовок с призывом к свержению «неправедных режимов». Данная организация была создана в Иордании выходцами из Палестины еще в 1953 г. После ее запрета на «исторической родине» основные ячейки организации были переброшены из Ближнего Востока в страны Западной Европы. По некоторым предположениям, руководящие органы «Хизб ут-Тахрир» долгое время находились на территории Великобритании. Примечательно, что с середины 90-х гг. одним из направлений деятельности группировки является широкая экспансия в страны Центральной Азии. Деятельность этой организации запрещена в Узбекистане, Кыргызстане, Казахстане и Таджикистане. Решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. деятельность организации запрещена и на территории России, однако она продолжает действовать на территории США¹.

По всей вероятности, именно традиционное влияние Центральной Азии на единоверцев Среднего Поволжья привело к активизации «Хизб ут-Тахрир» в России. Известно, что органами госбезопасности пресечена деятельность тахрировцев в Татарстане², Башкирии³ и многих других регионах России. При этом за членов экстремистской организации заступились представители Всетатарского общественного центра (ВТОЦ – одна из националистических татарских организаций), требуя их освобождения⁴. Сопредседатель СМР муфтий Н.Аширов вынес положительное заключение в отношении

---

¹ «Хизб ут-Тахрир» - подземный резервуар для исламских экстремистов // <http://www.i-r-p.ru/page/stream-trends/index-2275.html>.

² Бывшие узники Гуантаномо, обвинявшиеся в терроризме, вновь арестованы по решению суда // <http://www.volga.rian.ru/incidents/20060309/81467168.html>.

³ Разгромлена группировка «Хизб ут-Тахрир» в Башкирии // <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-2385.html>.

⁴ ВТОЦ заступился за обвиняемых // http://www.kommersant.ru/region/kazan/page.htm?Id_doc=658687.

тахрировской литературы, распространявшейся в мечетях Москвы, отказавшись признать ее экстремистской, что вызвало обоснованный интерес прокуратуры¹.

Тем не менее, у мусульман Поволжья, других территорий (за исключением Северного Кавказа) оказался весьма стойкий иммунитет к нетрадиционным для них богословским течениям – мазхабам и идеологиям. Как отмечает авторитетный отечественный исламовед А.В.Малашенко, «интерес к ваххабизму, который наши политики и некоторые суперконформисты-имамы пытаются отлучить от ислама, носил, если можно так выразиться, инфантильный характер (напоминаю, речь не о Кавказе). Им увлеклись отдельные молодые люди, о ваххабизме рассказывали в нескольких мечетях. Но в России ему не было дано трансформироваться в устойчивое, тем более массовое идеологическое движение. Он не прошел испытания. И здесь, помимо его несовместимости с ханафизмом, помимо доставшейся в наследство от советской эпохи религиозной апатии определенную (хотя, возможно, и не решающую) роль сыграли меры противодействия со стороны суннитского духовенства... Рискну сделать парадоксальное предположение, что в каком-то смысле «ваххабитская прививка» даже пошла на пользу российскому исламу, показав бесперспективность его дальнейшей индоктринации»².

Более того, в отличие от Северного Кавказа, в других мусульманских регионах, особенно на Среднем Поволжье, в последние полтора десятилетия развернулось движение исламской реформации, неоджадидизм, решаются проблемы современного мусульманского образования и подготовки квалифицированных кадров, призванные удовлетворить современные потребности, определяемые возрожденческими процессами в российском исламе. Поэтому радикальный ислам (тем более, в его крайних формах) в масштабах всей России не состоялся. По крайней мере, он не был

---

¹ Прокуратура занялась муфтием Нафигуллой Ашировым // <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-3177.html>.

² Малашенко А.В. Два несхожих ренессанса. С. 57-58.

востребован большинством мусульман Российской Федерации в качестве эффективного политического инструмента достижения своих целей. Как отмечают известные российские исламоведы С.Мельков и Г.Газиева, «мусульман в России характеризует низкая степень интереса к политике»¹.

На фоне движения мусульман Поволжья, а также центральной части России, Урала и Сибири, ситуация с исламом в северокавказском регионе выглядит более напряженной.

Исламское движение на Северном Кавказе вследствие центробежных процессов оказалось разобщенным, что нашло свое отражение не только в новой институализации официального ислама (вместо единого духовного управления мусульман Северного Кавказа в начале 90-х гг. в северокавказском регионе появилось семь самостоятельных ДУМов), но и в появлении на прежде едином мусульманском поле принципиально новых акторов. Речь идет о многочисленных «исламских» политических партиях и движениях, национальных/националистических организациях, активно использовавших в своей практике исламскую риторику и символику. Эти структуры уже к середине 90-х достигли своего пика, а затем пошли на убыль, и сегодня серьезного воздействия на политические процессы в регионе не оказывают.

В этот же период, не без воздействия извне, появляются салафитские группировки, некорректно определенные некоторыми исследователями и публицистами как «ваххабитские». Они стали главным оппонентом традиционного и официального ислама. Практически до конца 90-х северокавказская салафийя была представлена, как и в других регионах «исламского мира», двумя основными крыльями: умеренно-радикальным и ультра-радикальным (экстремистским). Однако события в Чечне 1994-96 гг. открыли двери для ускоренной интернационализации салафитского

---

¹ Газиева Г., Мельков А. Мусульманская умма в современном российском обществе: По материалам социологического исследования «Российские мусульмане. Кто они?», проведенного в 2001-2002 гг. на территории европейской части России. М., 2003. С. 21.

движения в регионе. Чеченское «межсезонье» (1996-99 гг.), ознаменовавшееся превращением ЧР в полигон «джихадизма», пристанище убийц, торговцев «живым товаром», наркотиками и оружием, позволило развиваться здесь экстремистскому движению, прикрывавшемуся исламом. В свою очередь, это обстоятельство предопределило вторжение банд международных террористов в августе 1999 г. на территорию Республики Дагестан. Общими усилиями федеральных вооруженных сил совместно с дагестанским населением экстремистам был дан отпор. Началась вторая чеченская...

Открывшийся позитивизм, к сожалению, не был адекватно использован федеральными и республиканскими властями. На адептов салафийи, практически без разбора, было оказано мощнейшее силовое и административное воздействие. В этот же период во многих северокавказских субъектах Федерации принимаются «антиваххабитские» законы. В результате исчезают сообщества умеренных радикалов и одновременно укрепляются позиции религиозно-политических экстремистов. В борьбу с «ваххабитами» активно привлекаются традиционалисты, прежде всего представители «официального ислама», в результате чего традиционалисты неуклонно политизируются и радикализируются. Их противостояние с салафитами идет по нарастающей.

Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой террористические группировки. Экстремистский «джихад» со всей неумолимостью растекался по региону. Особенно сложная ситуация сложилась на Северо-Восточном Кавказе – Дагестане, Чечне и Ингушетии. Она, в свою очередь, предопределила процессы в других республиках – Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании.

В результате преобладающий в настоящее время в регионе традиционалистский тип религиозного сознания верующих, особенно в предгорной и горной зонах северокавказских республик, прежде всего, в Дагестане и Чечне, а также в Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, согласно проведенным социологическим опросам и исследованиям, в последние два-три года стал явно тяготеть к фундаментализму. Речь идет о том, что все большее количество людей хотело бы жить в исламском государстве по сакральным законам шариата. В ситуации системного кризиса элементы фундаменталистского сознания верующих оказались благодатной почвой для дальнейшего развития на их базе радикального исламского (салафитского, или неоваххабитского) сознания.

Таким образом, при практически полном отсутствии на Северном Кавказе модернистских реформаторских процессов религиозное сознание горцев-мусульман сегодня оказалось представленным лишь двумя его типами: традиционным, тяготеющим к фундаментализму, и экстремистско-салафитским (ваххабитским), что и явилось базой для развития в регионе террористического движения под исламским прикрытием.

Безусловно, на адептов северокавказского терроризма огромное влияние оказывали и продолжают оказывать ультрарадикальные идеи салафитских авторов, где путь вооруженного противодействия и диверсий – по версии радикалов – джихада, был началом и завершением всякой борьбы с «системой куфра» (неверия) и их «пособниками» из числа т.н. «отступников» («муртаддун») и «лицемеров» («мунафикун»). Под первыми понимаются этнические мусульмане, чаще всего, сотрудники силовых структур, поэтому против них и направлено, в первую очередь, острие терроризма; под вторыми – представители официального ислама.

Идеолог и практик ультра-радикального крыла дагестано-чеченской салафийи Багауддин Мухаммад выделяет три вида или типа взаимоотношений «кафиров» и мусульман. Первый тип – это *Ахль аль-Зимми* - «неверные», которые проживают среди мусульман и подчиняются исламскому порядку: то есть заключают договор, живут на

договорных началах - отсюда *зимма* с араб. «договор». За обеспечение безопасности и условий для добычи пропитания зиммии - «договорники», платят подушный налог (*джизью*), который освобождает их от воинской повинности и позволяет пользоваться минимумом благ данного региона-государства. Второй тип взаимоотношения мусульман с немусульманами – это «*муадис*»: «неверные», находясь на своей территории, заключают некое подобие пакта о ненападении. «Третий тип кафира, – продолжает Багауддин, - «*харби*», находящийся у тебя на земле и между нами военное положение. Тогда другое дело, если речь идет о тех русских войсках, находящихся на нашей земле; приехавших сюда, чтобы навязать свои порядки; охраняющих здесь законы московских правителей. Мы этих людей будем изгонять из нашей земли, и убивать на месте, и это до тех пор, пока они не уйдут с нашей земли, или же приняв ислам, не перейдут на нашу сторону – это для них самый лучший вариант. Я бы сказал всем этим русским войскам: пока для них не наступила смерть, пусть они полностью переходят на нашу сторону и если они, при этом, примут ислам, то они станут нашими братьями и будут жить среди нас, деля с нами горе и радость и мы будем их кормить тем же, что и сами едим. Они станут братьями и будут защищены нами, ибо они будут находиться под защитой Аллаха. Если же они этого не сделают, то пусть они отсюда убираются или мы их *ИнишаАллах*, выгоним. Вот такое положение должно быть, когда речь идет о русских, именно выгонять и бороться с теми из них, кто пришел на нашу землю утверждать свои законы»¹.

В этой связи представляется логичным, что современные чеченские войны, особенно вторая, привнесли в регион самые последние идеологические наработки исламских экстремистов, стали кузницей наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных по отношению к России исламистов. Сепаратистски настроенные носители исламистской идеологии продолжают привлекать в свои ряды молодых боевиков не только в Чечне, но и в соседних республиках Северного Кавказа. Например, в 90-е гг. начала оформляться идеология движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии, в основу которой была положена идея активизации и частичной модернизации исламской жизни в республике. Методами формирования этой идеологии стали организация системы исламского образования, пропаганда своих взглядов в общеобразовательных

---

¹ Пятничная проповедь Б.Мухаммеда в исламском институте «Кавказ» // Аль-КАФ. 1998. № 6.

и спортивных школах; формирование контингента грамотных проповедников, способных произносить пятничные хутбы, во время которых подробно разъясняются основные постулаты идеологии современного исламизма и т.д. Ведущими распространителями идеологии радикального фундаментализма в республике стали выпускники саудовских исламских институтов Мусса Мукожев и Анзор Астемиров, ставшие организаторами известных событий, имевших место 13-14 октября 2005 г. в Нальчике. Поэтому можно в качестве тенденции отметить, что квазиваххабизм в регионе распространился, прежде всего, в среде молодежи, и, хотим мы того или нет, стал серьезным и долгосрочным фактором.

Кроме того, в последние годы в террористическом движении региона произошла смена поколений: в войну вступило новое поколение чеченцев и других северокавказских этносов, зараженное вирусом русофобии и сепаратизма, а потому более ожесточенное и дерзкое, нежели их предшественники. Определенная их часть готова к вооруженной борьбе с властями во всех ее формах.

Общезначимой тенденцией является и то, что происходящее в течение последнего десятилетия на Северном Кавказе уже давно перестало нести только чеченский этнический оттенок и продолжает втягивать в свои ряды все новых и новых адептов протестных идей со всех соседних республик и краев, не говоря уже об участии в этом процессе представителей внешнего для региона исламского мира (их численность в последние годы неуклонно снижается, хотя влияние на политические процессы остается исключительным). В каждой республике террористическое движение пополняется представителями коренных этносов. Помимо «ветеранов» боевых действий в составе НВФ, в него активно входят молодые люди, прошедшие соответствующую подготовку, в том числе идеологическую, в салафитских джамаатах.

Интерес представляет изменение социального состава участников террористических групп. Первоначально они формировались за счет

маргиналов и даже представителей криминального мира, что, тем не менее, не мешало им активно эксплуатировать исламские призывы и лозунги, апеллировать к кораническим аятам и высказываниям пророка, в том числе в своих заявлениях, которые, как правило, следуют за совершенными ими террористическими актами. Однако следует отметить, что со второй половины 2005 г. в экстремистском подполье, как активные участники террористических групп, появились и представители мусульманской интеллигенции: студенты, аспиранты, ученые и т.д. Например, один из уничтоженных 9 октября 2005 г. в Махачкале боевиков т.н. джамаата «Шариат» - Абузагир Мантаев – в 2002 г. в Москве защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане». Некоторое время он работал в Духовном управлении мусульман Европейской части России. В 2005 г. возвратился в Дагестан и влился в ряды террористов «Шариата». И таких примеров по республикам Северного Кавказа немало.

Пополнение рядов банддвижения молодыми интеллектуалами свидетельствует о том, что, если ранее радикальные идеологии привлекались извне, то вскоре они будут разработаны самими северокавказскими интеллектуалами-исламистами непосредственно на территории региона, и будут основываться на местной специфике, а потому будут более жесткими и разрушающими. Однако следует согласиться с московским исламоведом Д.В.Макаровым, который сделал правильный вывод о том, что лидеры российского исламизма до сих пор пока еще «не создали ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении...» у них «...собственной политической идеологии, соответствующей современным... реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата... не смогли компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения...»¹.

---

¹ Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000. С. 48.

Таким образом, сегодня группировки боевиков-ваххабитов объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в зарубежных исламистских центрах. Они, совершенствуя свою боевую тактику и стратегию, отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение диверсионно-террористическую тактику «пчелиного роя». Сейчас в Чечне и некоторых других северокавказских республиках орудуют малочисленные мобильные полуавтономные группы (типа т.н. джамаатов «Дженнет», «Шариат», «Халифат» или «Ярмук»), которые способны быстро менять места дислокации, маневрировать и, в случае необходимости, объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь; действия, в случае необходимости, согласовываются и координируются. Иначе говоря, деятельность неоваххабитских бандгрупп приобрела все основные черты современного исламистского террористического движения, в основе структурного строения которого лежит сетевой принцип (принцип «паучьей сети»).

Однако неверной представляется попытка связать активизацию боевиков исключительно с вопросом их финансирования. Перекрытие каналов финансирования бандгрупп, хотя и предопределяет тактический успех, но далеко не всегда решает проблему существования и разрастания религиозно-политического экстремизма, а тем более террористических группировок, которые подпитываются радикальными идеологиями, а также имеют автономную самоорганизацию и мобильные отряды, не нуждающиеся в стабильном и щедром финансировании.

Вышесказанное свидетельствует о серьезных недостатках российской стратегии по решению «северокавказского вопроса» в ее нынешнем виде. Такой вывод однозначно требует введения определенных коррективов в российскую политику в регионе, как и в целом в отношении российского ислама.

Как представляется, стратегическим направлением борьбы с радикальным исламизмом, безусловно, является нейтрализация «ключевых»

факторов, способствующих его активизации, а именно: социально-экономических и политических. Рассматривая их, следует иметь в виду, что процесс «исламского возрождения» носит, в основном, объективный характер. Поэтому любое излишне прямолинейное силовое воздействие на него не только бесперспективно, но и, как показывает практика, приводит к негативным последствиям. Кроме того, он используется исламистами только в сочетании с другими факторами. С учетом изложенного, главный упор в стратегии противодействия исламским радикалам необходимо делать на решение проблем по урегулированию имеющихся и недопущению возникновения новых политических конфликтов; улучшению социально-экономической ситуации в регионе. Последняя мера играет главную роль в противодействии исламским радикалам, так как она не только существенно сужает социальную базу исламистов, но и способствует урегулированию политических конфликтов, многие из которых возникают из экономических противоречий.

Если же терроризм рассматривать в более узком плане, как разновидность уголовного преступления, то меры по его блокированию, как и в других государствах, могут быть разделены на четыре основных направления: совершенствование правовой базы, укрепление и совершенствование деятельности специальных служб, усиление борьбы с финансированием терроризма, а также активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы. Если успехи на первых трех направлениях в последние годы очевидны, то в последней области видимого прорыва не ощущается.

По сути дела России навязывается борьба за умы и души новых поколений, вступающих в активную жизнь. И если эти идеи овладеют умами молодых людей, мир на Северном Кавказе будет окончательно взорван.

Поэтому сейчас особенно важно задуматься над тем, что необходимо сделать государству, религиозным, общественным организациям для того, чтобы уберечь наших сограждан, особенно молодежь, от этой опасности.

Силами только институтов государства, с привлечением возможностей светских ученых, этого достичь невозможно. Для достижения поставленной цели необходимо привлечь служителей мусульманского культа, а также других авторитетных в северокавказском традиционном обществе людей. Очевидно, что противодействие попыткам экстремистских сил злоупотреблять чувствами верующих для достижения своих преступных целей – это та сфера деятельности, в которой практически полностью совпадают интересы государства и религиозных организаций.

Представляется, что одна из ключевых задач, наряду с повышением эффективности правозащитных мер, это подготовка священнослужителей, способных быть активными и эффективными защитниками ценностей традиционных религий. Речь идет о религиозном образовании. Имеется в виду не только широко обсуждаемая тема введения преподавания религиозных основ в средней школе, но и вопросы, связанные с получением профессионального религиозного образования. Люди, которые избрали для себя религиозную деятельность как профессиональное занятие, будут формировать новые духовно-нравственные основы нашего общества и приобщать его к религиозным ценностям. Это особенно важно в свете вакуума общественно-политической идеологии, до этого наполнявшейся марксизмом в ленинской интерпретации.

Наиболее актуальной эта проблема предстает перед мусульманским сообществом России. Представители ислама являются конфессиональным меньшинством, соотносящим себя как с российским сообществом, так и с мировой мусульманской уммой. После крушения биполярной системы именно с исламом в его особой салафитской интерпретации связано обострение многих политических конфликтов, как на постсоветском пространстве, так и на всей мировой арене. Наиболее показательна эта тенденция проявила себя на Северном Кавказе. Очевидную роль в данном процессе, как уже отмечалось, сыграли радикальные фундаменталистские проповедники из дальнего зарубежья, т.н. «ваххабиты». Это стало

возможным, в том числе, благодаря религиозной безграмотности населения, которая способствовала восприятию чуждых экстремистских идей под видом ислама. Кроме этого, на распространение подобных идей повлияла неспособность традиционного мусульманского духовенства в России в тот период что-либо противопоставить экстремистской пропаганде.

Многие мусульманские страны, а также неправительственные организации, в том числе террористические, стараются использовать сложившееся положение для реализации собственных интересов. Они пытаются продуцировать рычаги воздействия на общины единоверцев за рубежом и тем самым вмешиваться во внутривнутриполитические процессы в других государствах. Важную роль в этом играют институты религиозного образования, поскольку они выступают как механизмы культивации ценностно-идеологических ориентиров у общества. Кроме этого, формирование глобального информационного общества, где, благодаря техническому прогрессу, становится возможным распространение любых, в том числе и радикальных идей, также является одним из факторов, создающих реальные механизмы внешнего воздействия. В отношении России подобного рода тенденции создают реальную угрозу для ее национальной безопасности.

Совокупность данных проблем актуализирует проблемы изучения возможных перспектив российского ислама. Рассмотрение мусульманского образования в этом аспекте может быть наиболее продуктивным, поскольку именно в институтах религиозного образования будет закладываться дальнейший «вектор» развития ислама в России.

В этих целях, как представляется, необходимо совместными с традиционными религиозными организациями усилиями разобраться в деятельности тех учебных заведений, которые возникли в последние годы и занимаются подготовкой кадров, а также определить те учебные центры, деятельность которых отвечает интересам общества. Далее целесообразно изучить возможные формы государственной поддержки этих центров.

Известно, что религиозные структуры в России отделены от государства. Но если в результате деятельности тех или иных структур, мы получаем рост межэтнической и межконфессиональной напряженности, если подготовленные религиозными учебными заведениями кадры занимаются вербовкой боевиков, то государство не может отстраненно наблюдать за происходящими процессами.

Глава 2. Деятельность радикальных исламистских группировок на территории США

В 80-е гг. XX в., по всей видимости, завершилась эпоха, связанная с угрозами Западу со стороны «правого» и «левого» терроризма. Отдельные малочисленные, разрозненные и малоактивные праворадикальные националистические и левацкие группировки, фактически разгромленные спецслужбами развитых стран Западной Европы и Северной Америки, опасности для этих государств сегодня не представляют. Однако на смену им пришли террористические исламистские группировки. В 80-е гг. их активность связывалась преимущественно с шиитами в связи с исламской революцией в Иране. Однако, начиная с 90-х гг., в авангарде исламских экстремистов и террористов оказались уже суннитские группировки. В этой связи можно утверждать, что основные террористические угрозы и вызовы Западу сегодня формируют многочисленные суннитские и шиитские радикальные исламистские группировки.

В современном сознании Запада исламский мир выступает как потенциально опасная общность со специфическим поведением жителей, определенными установками относительно статуса человека в обществе, системой социального и духовного контроля. В свою очередь, исламская цивилизация мобилизуется против Запада, недовольная его стремлением доминировать и господствовать на планете.

Исламский вызов Западу представляет собой составную часть исламского фактора, под которым понимается рост значения и влияния мусульманских стран в мировом историческом процессе, что выражается как в повышении их роли в международных делах, так и в росте религиозности, подъеме религиозно-политических движений, а также совокупность догм и практики ислама, воздействующих на социально-политическую, экономическую и духовную жизнь. Идеологической базой исламского вызова Западу является, в основном, радикальный исламский фундаментализм, который во многих регионах мира в последнее десятилетие фиксируется в форме неоваххабизма.

В свою очередь, важнейшими составными частями исламского вызова Западу выступают демографический взрыв в «мире ислама», сопровождающийся усиливающейся иммиграцией из мусульманских стран, а также так называемый «исламский терроризм».

Либеральная политика многих западных стран, прежде всего Англии, Германии, Франции и США, позволила многим представителям демографически активного исламского мира населять эти страны по каналам иммиграции и получения политического убежища. Разумеется, среди них были и экстремисты из стран Ближнего и Среднего Востока, сумевшие создать здесь своего рода форпосты для обеспечения соответствующей деятельности по всему миру и расширения влияния.

Они успешно пользовались преимуществами демократических и либеральных норм в этих странах, чтобы организовать и сформировать за рубежом эффективные террористические структуры для последующего их использования. Политические реалии стран западного мира предоставили им возможности эффективно направлять и финансировать нелегальную деятельность своих последователей не только в этих странах, но и за их пределами. Терпимая политика Западной Европы и США обеспечивала им безопасное пребывание в этих странах, а доступ к мощным коммуникационным системам и возможность быстрого и непосредственного

перевода финансовых потоков позволили укрепить их материальную независимость, сделали их структуры мощными и на определенном этапе почти неуязвимыми.

Кроме того, их действия до некоторых пор не считались противоправными в силу того, что они, как правило, были направлены не против стран их пребывания, а государств исхода или других стран. Такая ситуация сохранялась вплоть до 11 сентября 2001 г., когда ряд американских объектов в Вашингтоне и Нью-Йорке были подвергнуты мощнейшей атаке мусульманских террористов.

Ислам в Северной Америке появился в начале XVIII в., когда сюда были привезены негры из Западной Африки, примерно каждый пятый из них был мусульманином (позднее большинство из них было обращено в христианство)¹.

По разным экспертным оценкам, в конце 90-х гг. XX в. в США насчитывалось от 5 до 7 млн. мусульман. А по данным ряда ведущих организаций США, в 1999 г. в стране было более 6 млн. мусульман. В настоящее время ислам является самой активной с точки зрения увеличения числа своих последователей религией в Соединенных Штатах. В последние годы прирост мусульманской общины обеспечивался как за счет иммигрантов, в основном из стран Южной Азии и Ближнего Востока, так и за счет новообращенных из числа коренных жителей страны, в основном афроамериканцев. Дальнейший рост числа мусульман в США будет обеспечиваться также благодаря высокой рождаемости в семьях, где в среднем имеется 6 детей. В конце 90-х гг. в США действовало более 1200 мечетей и исламских центров. Около сотни общеобразовательных школ параллельно вели преподавание основ исламской культуры и традиций².

---

¹ Глущенко Ю.Н. Исламский фактор во внешней политике США: трагедия 11 сентября как бумеранг «холодной войны» // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сб. статей / Под ред. В.И. Кривожижи; Рос. инс-т стратегич. исслед. М., 2002. Вып. 10. С. 8.

² Там же. С. 9.

В расово-этнической структуре американских мусульман доминируют афроамериканцы. В конце 90-х гг. они составляли 40-45% приверженцев ислама. При этом примерно из 2,5 млн. черных мусульман около 1 млн. – новообращенные. Другой крупной группой являются выходцы из Южной Азии (иммигранты из Пакистана и Индии), составляющие 25% в структуре американских мусульман. При этом в индопакистанской группе доминируют выходцы из Кашмира. Третьей по численности этнической группой среди мусульман США являются арабы (около 15%). Среди выходцев с Ближнего Востока – ливанцы, палестинцы и египтяне. Можно также выделить достаточно компактную группу выходцев из Ирана (3,5 – 4,0%)¹.

В США имеется несколько крупных панисламских организаций. В их числе Американский мусульманский совет (American Muslim Council), Совет по американо-исламским отношениям (Council on American-Islamic Relations), Ассоциация мусульманских ученых-обществоведов (Association of Muslim Social Scientists), Ассоциация инженеров-мусульман (Association of Muslim Engineers), Международный институт исламской мысли (International Institute of Islamic Thought).

На территории США также действуют и многочисленные исламские экстремистские организации («Палестинский исламский джихад», «Обездоленные», «Исламские партизаны в Америке», «Афганская община в Америке», «Нация Ислама», «Организация арабских студентов» и др.), а также исламские террористы из разных стран Ближнего и Среднего Востока: Ирана, Ирака, Ливии, Сирии, Палестины. Вместе с тем, террористические акции зарубежных экстремистов вплоть до 90-х гг. XX в. были исключительно редким явлением. Так, например, в 1982-87 гг. не было зафиксировано ни одного теракта, совершенного зарубежными террористами на территории США, в том числе и мусульманскими экстремистами. В те годы им было сложно и чрезвычайно опасно совершать теракты в США, так

---

¹ Там же.

как не было соответствующих сетей поддержки, трудно было обеспечить оборудование и необходимые взрывные устройства.

Однако к началу 90-х гг. ситуация стала меняться. Почти все крупные ближневосточные террористические организации к тому времени имели в США структуры, способные совершать теракты. Там существовали два вида организационных структур: транзитные мобильные отряды (или ячейки), которые прибывали в США, чтобы совершить теракт, после чего покидали страну. Спецслужбам было крайне трудно их выявить, поскольку вся подготовительная работа (планирование, подготовка к теракту и обеспечение поддержки) осуществлялась за рубежом. Второй вид террористической организационной структуры – так называемые «спящие агенты». Они прибывали на территорию США, обосновывались там, как правило, получали гражданство, устраивались на работу и ждали приказа о начале проведения операций от своей организации, находящейся в той или иной мусульманской стране. Разумеется, обеим структурам требовалась поддержка на территории США.

Показателем активности экстремистских исламских организаций в США могут служить многочисленные примеры.

В частности, в 1993 г. четверо боевиков палестинской «Организации Абу Нидаль» из Сент Луиса (штат Миссури) были арестованы и осуждены за попытку организовать взрыв бомбы в Вашингтоне (округ Колумбия). Все четверо были натурализованными гражданами США.

Осенью 1994 г. трое членов «Организации Абу Нидаль» были приговорены к длительному сроку тюремного заключения за попытку организации терактов на территории США. Они намеревались взорвать посольство Израиля в Вашингтоне, а также организовать ряд покушений на евреев.

За взрывами в феврале 1993 г. во Всемирном центре торговли в Нью-Йорке также стояли исламские силы. К концу 1993 г. в США были созданы

17 исламских фундаменталистских центров с несколькими сотнями «спящих агентов» по всей стране¹.

Взрыв во Всемирном центре торговли, потрясший Америку, унес жизни нескольких человек, около тысячи были ранены, существенными оказались также нанесенные разрушения. США впервые оказались в положении жертвы иностранного терроризма. Одновременно были раскрыты планы проведения террористических актов, направленных против штаб-квартир ООН, ФБР и против таких стратегических объектов, как туннели в Нью-Йорке. Исполнители этих актов прошли подготовку в Афганистане и получили благословение шейха Омара Абдул Рахмана, который призывал их «нагнать страху на врагов ислама» и «сотрясти землю под их ногами». Следует отметить, что шейх Омар Абдул Рахман, сыгравший важную роль, как в этих, так и во многих других событиях, ранее был проповедником-фанатиком в египетской террористической исламистской организации «Аль-Гама'а аль-исламийя» («Исламская община»). Он пользовался уважением и среди членов более радикального движения «Аль-Джихад» («Священная война»). В свое время под видом «политического диссидента» он перебрался в США, правоохранными органами США предполагается его причастность к убийству раби Меира Кахане в Нью-Йорке. Большинство лиц, вовлеченных в террористические акции, являлись членами базировавшегося в США филиала организации «Исламский интернационал», в котором шейх играл видную роль.

В мае 1994 г. в Калифорнийском университете выстрелами из автомата был ранен один из бывших лидеров организации чернокожих мусульман «Нация Ислама» Халид Абдул Мухаммад и трое его телохранителей.

Преподаватель Фатхи Шакаки, обучавший студентов из стран Ближнего Востока в университете штата Флорида, покинув свою профессорскую кафедру, вернулся на Ближний Восток, где вошел в

---

¹ Арабо-мусульманский мир на пороге XXI века: Реферат. Сборник / ИНИОН РАН. М., 1999. С. 71.

руководство экстремистской организации антиамериканской направленности «Исламский джихад». В 1995 г. он был убит на Мальте.

В 1995 г. в Филадельфии сотрудниками ФБР были арестованы два офицера ливийской разведки, которые значились студентами университетов в штатах Пенсильвания и Мэриленд. Оба «студента» были осуждены и приговорены к тюремному заключению по обвинению в приобретении оружия, предназначавшегося для совершения заказных убийств. Известно также, что большая группа ливийских террористов обучалась в Джорджтаунском университете, Техасском технологическом университете и в некоторых других учебных заведениях США.

Руководитель антитеррористического подразделения ФБР Д. Уотсон на слушаниях в сенате США в 1996 г. заявил, что в стране имеется организация антиамерикански настроенных мусульманских студентов «Анджоман-е Эслами» («Исламское Общество»), которая контролируется спецслужбами Ирана. Они рекомендовали членам этой организации после завершения учебы подыскивать себе работу в США и тем самым приносить пользу «интересам ислама». Один из таких студентов, М. Асси, окончив университет, устроился на работу в компанию «Форд». Однако в июле 1998 г. он был задержан в детройтском аэропорту при попытке вылететь в Ливан. При этом в его багаже была обнаружена электронная аппаратура наблюдения на крупную сумму, включавшая приемники спутниковой глобальной системы наведения, приборы ночного видения и фотокамеру, работающую в инфракрасном диапазоне. Как впоследствии выяснилось, эта аппаратура предназначалась для ливанской экстремистской организации «Хезболлах», пользующейся поддержкой Ирана.

В 1996 г. пятеро иранцев пытались контрабандой провезти новейшее огнестрельное оружие авиарейсом из Нью-Йорка в Вашингтон. Среди багажа этих «студентов» полицейскими была обнаружена карта Вашингтона с отмеченными на ней посольствами ряда стран. Все эти иранцы посещали высшие учебные заведения в штате Мэриленд.

Определенное беспокойство в конце 90-х гг. американцам причиняла деятельность находившейся в Нью-Йорке исламской группы под названием «Центр беженцев Алькифа», а также ряда подобных организаций в Чикаго, которые под видом гуманитарной помощи иммигрантам, собирали деньги для зарубежных экстремистов.

Была также зафиксирована деятельность на территории США и палестинской «ХАМАС» («Движение исламского сопротивления»), легальным прикрытием которой в Америке являлась Исламская палестинская ассоциация, базировавшаяся в Далласе. С ней взаимодействовал находящийся в США «Фонд Священной земли», крупнейшая исламская «благотворительная организация», ежегодно переводившая в Ливан до 2 млн. долларов.

Накануне 2000 г. в штате Вашингтон при пересечении канадско-американской границы был задержан выходец из Алжира А.Рессам, пытавшийся провезти взрывчатку. В этот же период на границе в штате Вермонт был задержан другой алжирец, Б.Чамчи, который пытался въехать из Канады в США по фальшивому паспорту. По данным канадских спецслужб, эти лица были связаны с алжирской террористической организацией «Вооруженная исламская группа» (ВИГ), за которой числятся многочисленные теракты на территории Алжира и в Европе.

Американцы также весьма озабочены угрозами «терактов по почте» (взрывные устройства, а также опасные для здоровья химические вещества и вирусы).

Тем не менее, вплоть до сентября 2001 г., было принято считать, что главные структуры и базы исламского экстремизма располагаются на мусульманском Востоке. Хотя уже в 1999 г. в прессе появлялись короткие сообщения об исламских демонстрациях, прошедших в Великобритании, Франции, Германии и других странах Запада. В настоящее время эти выступления выстраиваются в мощный фронт. Значительной его частью являются мусульманские структуры в США во главе с «Верховным

исламским советом Америки». Под его началом выступают такие радикальные группировки, как «Исламский круг Северной Америки», «Исламская община Северной Америки», «Мусульманская студенческая организация» и другие¹.

Вместе с тем, характеризуя роль и место США в противодействии росту и проявлениям исламского экстремизма в мире до 11 сентября 2001 г., а также принимаемые ими меры по защите американских объектов и граждан, как внутри страны, так и за рубежом, нельзя не обратить внимание на то, что в подходах американцев к этой проблеме всегда просматривалась политика «двойных стандартов».

Непримиримо относясь к антиамериканской направленности в деятельности исламских экстремистов и используя все рычаги государственного правового регулирования, силовые структуры, а также механизмы двустороннего и многостороннего сотрудничества с зарубежными странами для отслеживания такого рода деятельности и ее пресечения, американцы одновременно стремятся направить устремления исламистов в русло, способствующее достижению их политических целей.

На территории США это проявлялось в невмешательстве американских спецслужб, скажем, в антироссийскую деятельность многочисленных исламистских организаций, использовавших свое влияние в ряде американских государственных учреждений для беспрепятственного ее проведения. Об этом, в частности свидетельствуют факты крупной финансовой поддержки с их стороны чеченских сепаратистов. Так, в 1999 г. в США было зарегистрировано около 50 исламских общественных организаций, осуществлявших сбор добровольных пожертвований и взносов для оказания «гуманитарной» помощи Чечне. В их числе «Кавказско-американская торгово-промышленная палата», а также «Исламская банковская группа в Чечне». В начале 2000 г. «Верховный исламский совет Америки» принял беспрецедентное решение об оказании срочной

---

¹ Smith J. Islam in America. Columbia University Press. 1999.

финансовой помощи Чечне: каждый американский мусульманин обязан был сдать на эти цели не менее 100 долларов. Таким образом, чеченские террористы могли рассчитывать на получение нескольких сотен миллионов долларов.

Подчинение интересам своей стратегии давно стало важным звеном внешнеполитической доктрины Вашингтона. Известно даже, что в ряде случаев исламские организации задумывались и создавались как важный элемент реализации внешнеполитических устремлений США (например, поддержка Усамы бен-Ладена и его «Аль-Каиды» в годы афганской войны, создание по американскому проекту движения «Талибан» и т.д.). Путем использования исламских организаций США преследуют такие цели, как, например, достижение контроля над остающимися вне сферы влияния США районами нефте- и газодобычи, а также потенциальными маршрутами их транспортировки, ослабление тех государств, которые препятствуют реализации установления Америкой «нового мирового порядка» и т.д.

Исламский радикализм американские стратеги хотели бы использовать для укрепления своего собственного лидерства в мире, не считаясь с неизбежными в практике «двойной игры» негативными последствиями для мирового сообщества. Специфика интересов США состояла, да и до сих пор состоит, в попытках использовать в качестве щита от исламских угроз и вызовов другие государства, в частности, Россию.

Целенаправленное внимание правоохранительных органов, спецслужб и общественного мнения США к проблеме исламского терроризма было привлечено только после терактов 11 сентября 2001 г., которые осуществили члены «Аль-Каиды», руководствовавшиеся «ваххабитскими» идеологическими установками. Эти идеи были сформулированы многими современными теоретиками исламского экстремизма, среди которых следует назвать Усаму бен-Ладена (основатель «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада»), Аймана аз-Завахири (лидер египетской «Джихад Ислами»), Абу-Ясира Рифа'и и Ахмада Таху («Египетская

исламская группа»), шейха Мир Хамзу (секретарь «Джамият-уль-Улема-и-Пакистан»), Фазлура Рахмана (лидера «Движения Джихада» в Бангладеш) и многих других. В частности, Усама бен-Ладен в своей фетве призвал мусульман «убивать американцев, как военных, так и гражданских, а также их союзников...», «...исполнять приказ Аллаха – убивать и грабить американцев везде и всюду. ...приступайте к набегам на сатанинские войска США и их дьявольских союзников и вытесняйте тех, кто находится у них в тылу, чтобы и они получили урок»¹. Он также подчеркнул: «Что касается Америки, я скажу ее народу лишь несколько слов: я даю клятву Аллаху, что Америка не будет жить в мире до тех пор, пока мир не воцарится в Палестине и пока армия неверных не уйдет с земли Мухаммеда, да пребудет с ним мир. Аллах есть Величайший и да прославится Ислам»².

Только после трагедии 2001 г. американцы узнали, что террористические группировки пустили очень глубокие корни в их стране. Так, по оценке Алекса Алексиева из «Центра политики безопасности» (Center for Security Policy), 80% мечетей в США контролируется «ваххабитами». Неоваххабитской исламский призыв (da'wah) осуществляется в многочисленных саудовских исламских культурных центрах и институтах. Соответствующая пропагандистская информация обильно представлена на сайте посольства Королевства Саудовская Аравия (КСА) в Вашингтоне. Более того, выяснилось, что интернет-ресурсы Министерства обороны США, предназначенные для военнослужащих-мусульман, в полной мере использовались для исламистской пропаганды. Расследование показало, что еще во время операции «Буря в пустыне» da'wah осуществлялась «ваххабитскими» шейхами среди американских военнослужащих, расквартированных на саудовской территории, и некоторое количество американских военных приняли ислам этого толка (особое внимание к исламистской пропаганде в армии США было привлечено после того, как 22

---

¹ Аллах не любит Америку / Под ред. А.Парфея. М., 2003. С. 387–388.

² Там же. С. 396.

марта 2003 г. в Кувейте в расположении американских войск имел место мятеж или теракт – американский военнослужащий-мусульманин Хасан Акбар забросал гранатами три командирские палатки, а затем открыл огонь из своей винтовки М-16. Погиб один офицер, ранения различной степени тяжести получили 15 морских пехотинцев.)

Уже после свержения Саддама Хусейна стало ясно, что в Ираке против войск коалиции, представителей международных организаций (ООН, Международного Красного Креста и др.) и иракцев-коллорабационистов стали вести диверсионно-террористическую войну радикальные исламистские группировки. Связь как минимум некоторых из них (самая активная – «Ансар аль-ислам») одновременно с «Аль-Каидой» и саудовскими благотворительными фондами (в частности, с «Всемирной ассоциацией исламской молодежи») является установленным фактом. Есть неподтвержденные данные о поступлении денег, оружия и добровольцев из Саудовской Аравии в созданные уже после падения саддамовского режима «Армию [Пророка] Мухаммада» и «Салафитскую группу проповеди (da'wah) и джихада»¹.

В конце января 2004 г. США и Королевство Саудовская Аравия направили в ООН совместный запрос о включении филиалов саудовского благотворительного фонда «Аль-Харамейн» в Индонезии, Кении, Танзании и Пакистане в список лиц и организаций, причастных к финансированию террористической группировки «Аль-Каида». Ранее ООН, тоже по представлению США и Саудовского Королевства, внесла в этот список руководителя боснийской благотворительной организации «Вазир» (фактически – филиала «Аль-Харамейн») Сафета Дургути. 191 страна, входящая в состав ООН, обязуется применять жесткие санкции в отношении лиц и организаций, входящих в этот список².

---

¹ Игнатенко А.А. Вашингтон и Эр-Рияд: союз против ваххабизма // Независимая газета. 2004. 13 февр.

² Там же.

В первую очередь речь идет о замораживании их банковских счетов и блокировании всех финансовых операций. На пресс-конференции в Вашингтоне советник саудовского наследного принца Абдаллы - Адиль аль-Джубейр заявил, что эти филиалы оказывали «денежную, материальную и логистическую поддержку» «Аль-Каиде» и другим террористическим организациям, а сама совместная инициатива – свидетельство активного участия Саудовской Аравии в антитеррористической борьбе. Саудовский представитель умолчал, однако, о том, что филиалы в вышеупомянутых государствах, а также в Хорватии, Албании, Эфиопии, Афганистане и Малайзии были закрыты еще весной–летом 2003 г. по требованию властей. Тогда же Пакистан запретил на своей территории деятельность саудовской организации «Всемирная ассоциация исламской молодежи», ряда других саудовских фондов, а также «Комитета исламского призыва» – пакистанского филиала кувейтского фонда «Ассоциация социальной реформы» – из-за их связей с «Аль-Каидой». Филиал «Аль-Харамейн» в Азербайджане был закрыт азербайджанскими властями в январе 2000 г. Однако, тем не менее, филиал этого «благотворительного» фонда продолжает существовать и действовать в Соединенных Штатах (Эшланд, штат Орегон)¹.

Параллельно этим совместным американо-саудовским акциям, касающимся третьих стран, просматривается серия действий американских властей, направленных против саудовских юридических и физических лиц на территории собственно Соединенных Штатов. В январе 2004 г. были лишены дипломатических виз и высланы из страны 23 человека (в том числе 14 саудовцев), которые формально были работниками саудовского посольства, но на самом деле занимались преподавательской и проповеднической деятельностью в США – в Институте исламских и арабских наук (Ферфакс, штат Вирджиния), являющемся филиалом Саудовского исламского университета имени имама Мухаммада Ибн-Сауда. В первой половине декабря 2003 г. американские власти лишили дипломатической визы и

---

¹ Там же.

выслали из страны исламского проповедника Джаффара Идриса, также числившегося в посольстве КСА в США (в исламском отделе посольства) и возглавлявшего саудовский «Открытый американский университет». Ранее, в начале мая 2003 г., американские власти выслали из США главу исламского отдела посольства Фахда ас-Самири, который находился в стране с 1996 г., будучи по совместительству имамом мечети имени короля Фахда, построенной на саудовские деньги в Лос-Анджелесе. Его выслали по представлению Министерства внутренней безопасности по обвинению в «террористических связях». Совсем недавно в посольстве КСА в Вашингтоне был закрыт исламский отдел – как можно с уверенностью предполагать, не без давления со стороны американских властей. Саудовцы обещали закрыть исламские отделы своих посольств во всех государствах мира¹.

Таким образом, только после трагедии в сентябре 2001 г. Соединенные Штаты при посильной помощи Саудовской Аравии начали осторожный демонтаж мощного внешнеполитического инструмента, который был создан Саудовской Аравией в последние 30 лет и привел к всемирному распространению экстремистского ислама, а также терроризма, получившего неточную квалификацию «исламского».

По сведениям американского журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», который ссылается на Группу контроля за незаконными сделками (Illicit Transactions Group), входящую в структуру ЦРУ, за последнюю четверть века Саудовская Аравия через каналы своих благотворительных фондов израсходовала 70 млрд. долл. на создание примерно в 20 странах мира тренировочных лагерей, закупки оружия, рекрутирование наемников, а также строительство подконтрольных «ваххабитам» мечетей, медресе, исламских центров. Есть сведения, что ежегодно эти фонды тратят 6 млрд. долл. на подобную деятельность. Так, в Бангладеш филиал фонда «Аль-Харамейн», как показали обыски, проведенные полицией в Дакке в сентябре

---

¹ Там же.

2003 г., истратил 2,4 млн. долл. на создание медресе, студенты из которых вербовались для ведения джихада в Кашмире и Афганистане¹.

Американские исследователи утверждают, что Саудовская Аравия истратила на «ваххабитскую» пропаганду за последние четверть века больше средств, чем Советский Союз на коммунистическую пропаганду за все время своего существования. Отдельные факты могут дать некоторое представление о масштабах деятельности. Так, фонд «Аль-Харамейн» в декабре 2003 г. разослал 150 тысяч именных посылок с «исламскими книгами» на арабском и английском языках в 50 стран Азии, Европы, Африки и Америки. В мае 2003 г. «Аль-Харамейн» распространил в иракском Курдистане 20 тысяч экземпляров «исламских книг» на курдском языке. Что это за «исламские книги», можно предположить, зная, что, например, летом 1999 г., незадолго до начала вторжения «ваххабитов» с территории Чечни в Дагестан, на «независимой исламской территории», контролировавшейся дагестанскими ваххабитами, в военно-тренировочных лагерях идеологическая подготовка «муджахедов», по ныне опубликованным свидетельствам, велась с использованием литературы на русском языке, изданной филиалом «Аль-Харамейн» в Азербайджане. В это время при полевых командирах в Чечне находились в качестве ваххабитских комиссаров официальные представители «Аль-Харамейн», подданные КСА – Абдель-Лятиф бен-Абд-аль-Карим ад-Дараан, Абу-Омар Мухаммад ас-Сейф, а также Абу-Сабит, Абу-Салман Мухаммед, Абу-Абдалла, Салех бен Мухаммед ад-Дахши. Они не только распоряжались финансами, поступавшими от «Аль-Харамейн», но и были религиозными авторитетами, обосновывавшими ваххабитский джихад против Дагестана².

Осторожность, с которой Соединенные Штаты принялись за демонтаж исламистских структур, объясняется как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, США дорожат принципами религиозной

---

¹ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. Ростов н/Дону, 2005. С. 133.

² Игнатенко А.А. Указ. соч.

свободы и не хотели бы огульного обвинения «ваххабизма» в терроризме. Так, Джон Хэнфорд, занимающийся в госдепартаменте США международными вопросами свободы религии, представляя новый ежегодный доклад госдепартаamenta о свободе вероисповедания в мире, особо остановился на «ваххабизме» и заявил, что Соединенные Штаты не считают его изначально преступным течением в исламе и придерживаются «взвешенного подхода». «Нас очень беспокоит деятельность некоторых «ваххабитов» в Саудовской Аравии, вынашивающих террористические замыслы, – сказал Хэнфорд, – в то же время, по иронии судьбы, в других странах мы вынуждены защищать людей, исповедующих «ваххабизм». Вопрос стоит не о религиозных убеждениях человека, а о том, как он их исповедует – не толкают ли они его на причинение вреда другим и на совершение терактов». Во-вторых, Соединенные Штаты и Саудовскую Аравию связывают давние отношения партнерства, и любые действия против «ваххабитских» структур могут быть истолкованы как антисаудовские. Собственно, такие оценки и делаются теми «ваххабитскими» проповедниками, которых под благовидным предлогом высылают из США¹.

Резюмируя изложенное выше, нельзя не отметить, что события 11 сентября 2001 г. показали, что даже самое мощное государство планеты не в состоянии защитить своих граждан от террористических угроз, и привели к качественному изменению ситуации – возникновению антитеррористической коалиции, в которой видную роль играет и Россия. Трагические события в США стимулировали развитие международной системы правовой и силовой защиты от террористического воздействия, необходимость создания которой была достаточно очевидна и ранее, но сдерживалась и до сих пор еще сдерживается двойными стандартами. США и некоторые их партнеры противостоят терроризму в Афганистане, но закрывают глаза на разрушительную активность экстремистов в других регионах (Чечня, Кашмир, Ближний Восток), и отказывают России, Индии, некоторым другим

---

¹ Там же.

государствам, не только в поддержке, но даже в праве на адекватный ответ на очевидные террористические угрозы и вызовы. Безусловно, придерживаясь такой политики, проблему «международного терроризма» решить невозможно.

Глава 3. Исламизация Европы: миф или реальная угроза?

Авторитетный британский востоковед и исламовед Бернард Льюис, характеризуя современное состояние исламского движения в Европе, представляет его как третье мусульманское вторжение в Европу (вслед за арабским и турецким – И.Д.), и притом более успешное, чем два предыдущих. Согласно этим воззрениям, капиталы и рабочая сила добились успеха там, где потерпели неудачу армии мавров и турок. Тем самым впервые со времени отступления мусульман за Гибралтар в 1492 г. в Европе создается мощное и постоянное мусульманское присутствие. Данное обстоятельство, по мнению Б.Льюиса, будет иметь непредсказуемые, но явно масштабные последствия, как для будущего Европы, так и ислама¹.

Численности мусульман в современной Европе определить достаточно трудно в силу того, что в ряде стран (Бельгия, Греция, Дания, Люксембург, Италия, Франция) при переписи населения не фиксируется религиозная принадлежность граждан. В большей степени именно по этой причине данные о количестве мусульман в Европе варьируются в разных источниках, как в целом, так и для отдельного государства.

По опубликованным данным, в 2003 г. число мусульман в Европе составляло несколько десятков миллионов человек, распределяющихся в порядке убывания по различным странам следующим образом: во Франции – 5,98 млн., в Великобритании – 1,48 млн., в Голландии – 870 тысяч, в Бельгии – 370 тыс., в Австрии – 180 тыс., в Греции – 170 тыс., в Дании – 160 тыс., в Португалии и Норвегии – по 50 тыс., в Польше – 40 тыс., в Словении – 30

---

¹ Льюис Б. Ислам и Запад. М., 2003. С. 72.

тыс., в Чехии – 20 тыс., в Латвии, Финляндии и Эстонии – по 10 тыс. в каждой¹. Согласно «Докладу Федерального ведомства по охране конституции за 2003 год», в Германии, население которой составляло 82 миллиона человек, проживало более 7 миллионов иностранцев, из них 3,2 миллиона мусульман (в том числе 2 миллиона турецких иммигрантов)².

Только за десятилетие, с 1989 по 1999 гг. численность мусульман в Европе выросла на 142,35%³. Особенно зримо рост мусульманского населения наблюдается в Австрии, Голландии, Дании, Норвегии и Швеции, характеризующихся самой высокой терпимостью, развитыми социальными структурами и либеральным отношением к меньшинствам⁴. Неослабевающие миграционные потоки из регионов с высокой рождаемостью (Ближний и Средний Восток, Северная Африка) означают, что с каждым годом Европа становится все более мусульманской. Рождаемость мусульман в три раза выше, чем немусульман, и уже 20% детей и молодых людей в Европе – выходцы из мусульманских семей⁵. В результате мусульманские общности в Европе, в целом, намного моложе немусульманских. Например, одна треть мусульман во Франции – моложе 20 лет, в то время как из числа собственно французов в этом возрасте – только 21%; одна треть мусульман в Германии – моложе 18 лет, тогда как для немецкого населения эта цифра составляет 18%; одна треть мусульман в Великобритании – моложе 15 лет, а среди британцев – только 20%; возраст трети мусульман в Бельгии – менее 15 лет, а бельгийцев – только 18%⁶.

Если со временем членом Евросоюза (ЕС) станет и 80-миллионная Турция с преимущественно мусульманским населением, тогда

---

¹ См.: European Muslim Population // http://www.islamicpopulation.com/Europe_islam.html (05.03.05).

² Дрожжин С. Исламизм в Германии // Аналитические записки. 2004. № 11. С. 147.

³ См.: Islam is the fastest growing religion and the second largest religion in the world // <http://www.islamicweb.com/begin/results.htm> (05.03.2005).

⁴ Savage, Timothy M. Europe and Islam: Crescent Waxing. Cultures Clashing. The Washington Quarterly, Vol. 27, N 3/ Summer, 2004. P. 29.

⁵ Caldwell, Christopher. The Crescent and the Tricolor // Atlantic Monthly. November, 2000. P. 22; Islamization of Europe Far Advanced, Battle Cry. January/February, 2005.

⁶ Savage, Timothy M. Ibid. P. 27.

этноконфессиональный баланс, а с ней и европейская идентичность, на этом континенте претерпят существенные трансформации (в этом случае, как минимум, 20% населения объединяющейся Европы будут мусульманами).

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в Европе мусульмане не являются однородной группой. В разных европейских странах проживают различные этнические сообщества мусульман, в бывших колониальных державах (Великобритания, Франция и др.) – это, как правило, население бывших колоний; в неколониальных (Швеция, Норвегия, Германия) – другие категории мусульман¹. Тем не менее, конфессиональная идентификация оказывается, в большинстве случаев, намного сильнее других идентичностей, что создает основу для мощной солидарности мусульман на глобальном уровне. Именно поэтому такие организации как «Аль-Каида», по своей сути, обладают ярко выраженным интернациональным составом, включающим саудовцев, марокканцев, пакистанцев, алжирцев, тунисцев, палестинцев, сирийцев и т.д.

Современный процесс глобализации, как свидетельствует практика, везде приводит не к исчезновению, а к новому восходу локальных идентичностей, культур, общностей, к нарастающей фрагментации и плюрализации общества. В Европе общности, ранее якобы интегрированные в национальные государства, сегодня во все большей степени выступают за свою идентичность, обособленность, автономию и т.д. Принцип «плавильного котла», где разные расы, этносы, языковые группы исчезают, и появляется некая интегрирующая их идентичность, сегодня не работает ни в США, ни в Западной Европе².

Европейский опыт доказывает, что принимающее государство в состоянии интегрировать и даже ассимилировать прибывающих в страну мигрантов, если их совокупная численность не превышает 10% населяющих ту или иную территорию жителей (село, город, район, регион, страна). Кроме

---

¹ Добаев И.П. Терроризм в странах Западной Европы и на юге России: общее и особенное // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. Аналитический альманах / Под ред. Е.М.Кожокина. М., 2006. Вып. 17. С. 79.

² Там же. С. 80.

этого, должен быть преодолен и анклавный¹ образ жизни общин иммигрантов, которые носят закрытый, защитный характер, а потому становятся барьером на пути интеграции в местные общества прибывающих мусульман в качестве отдельных, самостоятельных индивидов.

Кроме очевидных нравственных и культурных отличий мигрантов от коренного населения массовые перемещения людей приводит к резкому росту давления на рынке занятости, на социальную инфраструктуру (то есть, на систему медицинского обеспечения, образования, коммуникационную сеть и т.п.). Существенное значение также имеет и то, что мигранты вступают в острую конкуренцию с коренным населением на рынке товаров и услуг. Как только миграционное давление на инфраструктуру в той или иной европейской стране подходит к пределу «пропускной способности» (скажем, ограничено число больниц, которые могут быть приняты в стационарах и амбулаториях, то же относится к учреждениям образования, системе общественного транспорта проч.), неизбежно возникает источник устойчивой социальной напряженности. Учитывая то обстоятельство, что местные органы власти пытаются разными, в том числе и административными, мерами снизить нагрузку на социальную инфраструктуру, следует признать, что возникает ситуация, в которой мигрантам крайне сложно адаптироваться к системе социальных связей, составляющих культурные, политические и экономические особенности среды обитания.

В подобных условиях если не единственно возможной, то вполне естественной формой социальной адаптации становится формирование замкнутых общин трайбалистского характера. Опыт показывает, что такого рода общины в абсолютном своем большинстве этнически однородны, и формируются они как кланово-клиентельные ассоциации. При этом клан, чье

---

¹ Проблемы «анклавизации» основательно исследованы ростовским ученым Ю.Е. Миловановым. См., например: Милованов Ю.Е. «Анклавизация» территорий Северо-Кавказского региона: содержание процесса и проблемы исследования // Насилие в современной России: Тез. докл. науч. конф. Ростов н/Дону, 1999.

ядро образует круг nepoтистских связей, специализируется на том или ином виде деятельности, социально значимом для мигрантской общины в целом.

Следует подчеркнуть, что во многих мусульманских общинах в западных странах собирается заккят, как, впрочем, существуют и иные формы коллективистской взаимопомощи, закреплённые в национальных обычаях. И сегодня в мусульманских «анклавах» широко применяется саддака – добровольные материальные или финансовые пожертвования в пользу общины со стороны состоятельных её членов. Однако в отличие от прошлого сегодня такого рода средства нередко используются для финансирования террористических группировок террористов.

Кроме того, практически каждая локальная общность мигрантов располагает средствами, которые позволяют в той или иной мере осуществлять социальную защиту своих членов. Во многом благодаря именно этому обстоятельству мигранты, организуя свои предприятия, на рынке товаров и услуг нередко оказываются в более благоприятных условиях по отношению к местным предпринимателям, поскольку располагают мощной поддержкой корпоративного сообщества.

К этому следует добавить, что община, как показывает реальный опыт, активно готовит молодежь для последующей деятельности в тех сферах общественной жизни, которые наиболее важны с точки зрения её интересов, чаще всего речь идет о подготовке «своих» врачей, юристов, финансистов, врачей, в некоторых случаях сюда же входят и учителя. В последние годы к этому перечню добавились политологи и социологи, способные эффективно работать в избирательных кампаниях, умеющие определить оптимальные формы структурно-организационного оформления этнополитических объединений.

Последнее, как представляется, связано с набирающим силу процессом формирования своеобразного «мигрантского лобби» в местных органах

власти: сегодня мусульманские мигранты во многих европейских странах имеют своих представителей в органах власти, в том числе и в парламентах¹.

Таким образом, следует признать, что этнически однородные общины мигрантов активно – и, надо сказать, успешно – формируют «анклавную» среду обитания, которая явно тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах.

Одним из социальных последствий образования такого рода «анклавов» становится рост «теневого» сектора экономики, финансов и услуг. Это связано как с тем, что в легальном секторе существует сложившаяся схема распределения сил и влияний, «вклиниться» в которую из-за жесткой конкуренции нелегко, так и с тем, что «теновой» сектор отличается более высокими доходами.

Как правило, в этом случае более других развивается так называемый «серый сектор», в котором виды деятельности, легальные сами по себе, выводятся из-под контроля со стороны фискальных органов; используются для «отмывания» криминальных денег или обслуживают потребности откровенно криминального бизнеса и проч. Эти деньги зачастую подпитывают исламистское террористическое движение.

Вторым последствием появления этого вида «анклавов» в странах Запада становится криминализация некоторой части мигрантов. При этом, как представляется, немаловажное значение имеет то обстоятельство, что криминализацию значительной части молодого поколения мигрантов нельзя сводить только к тому, что его представители не имеют образования, работы и необходимого социального обеспечения, и, дескать, стоит решить эти проблемы, как сама собой разрешится проблема криминализации и сопутствующего ей терроризма. Дело заключается не только во внешних условиях (хотя последние нередко играют роль провоцирующего фактора), но и в том, что существуют значимые различия по содержанию между

---

¹ См., например: Афанасьева Е. Турецкий Берлин // Российская газета. 2004. 11 июня.

макросредой обитания и локальной этнической культурой общины (здесь имеются в виду конфессиональная принадлежность, ценностные ориентации, понятие социально престижных профессий, бытовые нормы поведения и проч.).

Подобное положение вещей служит условием, в котором формируется этно-корпоративная мораль. Принципиальной характеристикой последней служит то, что она ориентирует адептов на стремление к получению односторонних преимуществ в социальной конкуренции. Ценности корпоративной морали предписывают оказание безусловной поддержки «своим» и дают своеобразную мировоззренческую индульгенцию на весьма «эмансипированное» отношение к «чужим», в том числе и террористической направленности.

Такая мировоззренческая платформа, накладываясь на этническую идентификацию, на практике формирует нонконформистские, если не сказать конфликтные стереотипы поведения по отношению к иноэтнической среде.

Об этом со всей очевидностью свидетельствует опыт взаимоотношения мигрантских общин с местным населением западных стран. При этом дело осложняется еще и исторической памятью, связанной с «западной колонизацией», которая активно эксплуатируется националистическими и этнополитическими движениями исламистских радикалов.

В последовательном развитии событий такое положение дел неизбежно приводит к изоляционизму мигрантских общин и конфронтации их с местным населением. Подобное положение вещей, по сути, означает появление латентных очагов социальной конфликтности в достаточно продолжительной перспективе. В этом случае говорить о европеизации ислама, излюбленной теме либерально мыслящих теоретиков, не приходится. Скорее, речь может идти об исламизации Европы, причем порой в самых опасных формах.

В Европе чаще всего говорят о трех поколениях проживающих здесь мусульман¹. Первое прибыло сюда в 60-е гг. XX в., главным образом, по каналам экономической миграции (их средний возраст сегодня составляет порядка 60 лет). Второе поколение – их дети, прибывшие в малолетнем возрасте или даже родившиеся и выросшие в разных европейских странах (им сегодня 30-40 лет). Третье поколение – внуки первых мигрантов, рожденные, выросшие, получившие образование в Европе, являющиеся гражданами европейских государств. Исследования отмечают, что интегрированность второго, и особенно третьего поколения мусульман, в европейские сообщества протекает значительно сложнее, чем первого². Третье поколение (молодежь) склонно к усвоению радикальных идеологием, нередко конфликтует с местным населением, отвергает европейские ценности³. Многие из них идентифицируют себя в качестве членов всемирной исламской Уммы. Такие настроения характерны для молодых мусульман практически во всех европейских странах. Об этом, в частности, свидетельствует социологический опрос, проведенный во Франции. Три четверти французских мусульман отметили тогда, что ценности ислама совместимы с ценностями Французской Республики, однако среди молодых мусульман в возрасте до 25 лет только каждый четвертый высказался в пользу французской идентичности⁴.

Большинство мусульман, принявших 11 сентября 2001 г. участие в террористических атаках на ряд объектов в США – это эмигранты или прибывшие в Америку арабы, прожившие немало лет в европейских странах. Их мировоззрение формировалось именно в условиях Европы, где, несомненно, имеются условия для распространения и роста идей радикального исламизма, отрицающего ценности западных обществ.

---

¹ Добаев И.П. Указ. соч. С. 81.

² House, Jim. Muslim Communities in France, in Muslim Communities in the New Europe, Eds. Gerd Nonneman, Tim Niblock and Bogdan Scajkowski, Reading, UK: Garnet Publishing, 1996. P. 222.

³ The Radicalisation of Muslim youth in Europe: The reality and the threat. Testimony of Claude Moniquet, Director General European Strategic Intelligence and Security Center. 2005. April 27.

⁴ Savage, Timothy m. Ibid. P. 44.

Свыше 20 человек, подозреваемых в принадлежности к террористическим группировкам, задержанных американцами после 11 сентября, - это мусульмане, граждане европейских государств, а граждан США среди них оказалось только двое. Более того, в период с сентября 2001г. до начала 2003 г. в европейских странах арестовано в двадцать раз больше заподозренных в терроризме, чем США. При этом большинство из них – молодые люди, представители среднего класса, пережившие «культурный шок» в Европе. Они оказались не интегрированными в европейские общества, отвергнутыми их секуляризмом и материализмом, пережив личностный кризис и найдя смысл и цель жизни в радикальной исламистской деятельности¹.

Таким образом, радикализованные и агрессивные интерпретации ислама оказываются в определенном смысле плодом специфических условий Запада, и особенно Западной Европы. В этой связи можно утверждать, что в силу ряда объективных и субъективных причин и факторов Европа превратилась в своеобразный инкубатор террористических кадров из числа мусульманской молодежи. Исследователи отмечают, что сегодня существует больше возможностей и оснований для формирования исламистского радикализма в предместьях Парижа, Мюнхена, Лондона или Амстердама, а не в Карачи, Каире, Джакарте или Джидде. Оторванная от своих корней космополитичная исламская интеллигенция, чей язык преимущественно английский, а не арабский, очень часто оказывается носителем радикальных идей и идеологий.

Именно поэтому многие из радикальных интерпретаций ислама рождаются в эмигрантских общностях на Западе, а не в исламских странах. Большинство веб-сайтов в глобальной сети, пропагандировавших джихад, базировались на Западе. Террористические акции в Пакистане и Иордании были организованы соответственно шейхом Омаром Саидом, жившим в Лондоне, и Раидом Хиязи, студентом из Калифорнии (США). Исламистская

---

¹ Savage, Timothy M. Ibid. P 34.

фундаменталистская организация Хизб-ут-Тахрир (партия исламского освобождения) распространила свое влияние в Центральной Азии, Пакистане и на Ближнем Востоке, в то время как ее штаб-квартира расположена в Лондоне¹.

Тенденция к усилению исламской идентичности среди мусульманского населения в Европе благоприятствует появлению гнезд терроризма. Еще в 80-е гг. XX в. в Западной Европе были созданы сети сбора «федаинов» для участия в борьбе с советским присутствием в Афганистане. Сегодня же отмечается «пробуждение» т.н. «спящих ячеек» исламских террористов, глубоко до этого законспирированных, но активизировавшихся в настоящее время в условиях кризисных ситуаций. Так, считается, что с 2003 г. сотни молодых мусульман в Европе были «разбужены» в результате вторжения США и их союзников в Ирак².

По данным, опубликованным в печати, в 2005 г. в Западной Европе действовала 21 террористическая группировка, все они имели связи со многими радикальными структурами на Ближнем и Среднем Востоке, в странах Северной Африки. Как следствие, после 11 сентября 2001 г., вплоть до начала 2005 г., в Европе было предотвращено около двадцати крупных терактов. Только в Голландии службы безопасности раскрыли за этот же период времени свыше 15 попыток совершения разномасштабных террористических акций. И это неудивительно – ведь до сих пор в Западной Европе открыто функционируют более 700 различных «центров», партий и организаций радикальной направленности. Именно с их помощью, в частности, создается, вооружается и снабжается всем необходимым албанская экстремистская организация АОК, действия которой привели к войне против Сербии³. «Аль-Каида» располагает многими ячейками не только в странах Ближнего, Среднего Востока, Северной Африки, но и Европы. Поэтому для подготовки и проведения акций терроризма на

---

¹ Roy, Oliver. *Globalised Islam: The Search for a New Ummah*. London: C. Hurst and Co, 2004.

² Добаев И.П. Указ. соч. С. 83.

³ Смоленцев В. Три сценария готовы // *Завтра*. 2005. 6 апр.

западноевропейском субконтиненте ей вовсе не нужно маршрутировать туда исламистов из стран мусульманского Востока, как это было 11 сентября в США, поскольку в Европе они располагают своими сторонниками, натурализовавшимися там радикалами.

Разумеется, не все мусульмане – радикалы, а тем более, экстремисты и террористы. Однако, по данным британских служб безопасности, приблизительно один процент, или 16 тысяч, британских мусульман являются носителями террористической идеологии. Около 10 тысяч из них посещали различные экстремистские «образовательные» учреждения. Эмиссары террористических организаций привлекают в свои ряды разных людей. Некоторые из них – хорошо образованные специалисты или студенты технических вузов, другие – молодые люди из маргинальных слоев (безработные, из проблемных семей, психологически уязвимые), привлекаемые в ряды исламистов в мечетях под влиянием проповедей радикальных служителей культа. Немало и тех, которые являются выходцами из либеральных и нерелигиозных семей, а также исламизированных христиан. По мнению некоторых исследователей, этот процесс в Великобритании подстегнула война в Ираке, участие в ней британского воинского контингента¹.

Французские службы, в свою очередь, вывели формулу по определению численности радикальных фундаменталистов в той или иной мусульманской общине. Согласно ей, практически в любой мусульманской общности носителей фундаменталистской идеологии насчитывается до пяти процентов; из их числа примерно три процента готовы к участию в акциях терроризма. Это означает, что во Франции проживают примерно 300 тысяч фундаменталистов и порядка 9 тысяч потенциальных террористов².

---

¹ Winnet, Robert and David Leffard. Leaked No 10 dossier reveals Al-Qaeda's British recruits // The Sunday Times. 2005. July 10.

² The Radicalisation of Muslim youth in Europe: The reality and the scale of the threat. Testimony of Claude Moniquet, Director General European Strategic Intelligence and Security Center. 2005. April 27.

Террористические угрозы фиксируются и в других европейских странах. Правда подходы к ним, определение возможной численности радикалов, экстремистов и террористов в разных государствах и даже в рамках одного государства различные. Так, по данным Федерального ведомства по охране конституции, в Германии число активистов исламистских организаций составляет около 30 тысяч человек, то есть менее 1% общего числа немецких мусульман¹. По оценкам же других немецких аналитиков, в ФРГ, где проживает порядка двух миллионов более секуляризованных, чем, например, арабы, турецкая общность, число готовых к насилию исламистских активистов, тем не менее, достигает трех тысяч человек².

В качестве важного плацдарма для распространения своей деятельности на весь Европейский континент лидерами мусульманских организаций рассматриваются Балканы. Именно здесь сконцентрировались функционеры и боевики различных экстремистских группировок с Ближнего и Среднего Востока, которые нередко совместно готовят и осуществляют подрывные акции. В последние годы в этом процессе все более заметную координирующую роль берут на себя функционеры «Аль-Каиды».

Наиболее острая ситуация сложилась в Боснии и Герцеговине (БиГ), точнее – в Мусульманско-Хорватской Федерации (МХФ), где большая часть населения исповедует ислам. Кроме того, длительное время местные власти активно поддерживали здесь деятельность широко представленных в стране мусульманских организаций, направленную на пропаганду ислама (исламский призыв). В этом государстве давно находят убежище люди, подозреваемые в принадлежности к международным террористическим группировкам³.

---

¹ Дрожжин С. Указ. соч. С. 147-148.

² Являются ли популистскими дебаты об интеграции мусульман в Германии? На сайте: <http://www2.dw-world.de/bulgarian/politik/Deutschland/1.113351.1.html>

³ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов-на-Дону, 2005. С. 130.

Другим взрывоопасным регионом на Балканах является Косово. Наибольшую активность здесь проявляют исламские гуманитарные организации «Аль-Ибрахим» и «Всемирный союз исламской молодежи», финансируемые соответствующими структурами Саудовской Аравии. В периоды обострения кризиса на Балканах они занимались рекрутированием боевиков и их переброской в Косово, Боснию и Герцеговину, а также в Македонию. После прекращения боевых действий многие из них осели в регионе, став сотрудниками многочисленных исламских «гуманитарных» организаций, расположенных, прежде всего, в Косово¹.

Заметно активизировали свою деятельность сторонники радикального ислама в Македонии. Осенью 2002 г., в период смены власти после победы оппозиции на парламентских выборах, они возобновили усилия по реорганизации исламистских структур и созданию новых террористических ячеек. Так, осенью 2002 г. была сформирована организация экстремистского толка под названием «R. Igazi», основной целью деятельности которой было провозглашено воссоединение территории компактного проживания этнических албанцев в единое государство – «Великую Албанию». Для ее достижения лидеры данной организации готовы использовать любые средства, в том числе дестабилизировать внутривосточную обстановку в стране путем проведения террористических актов и разжигания межнациональной розни на религиозной почве. Указанная группировка поддерживает тесные контакты с другими исламистскими центрами на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Европе².

Во многих европейских странах исламский экстремизм неуклонно наращивает свой потенциал, формируя угрозы и вызовы безопасности всему континенту. Этому во многом способствуют такие обстоятельства, как многочисленность мусульманских общин (например, мусульмане в Бельгии, Германии, Нидерландах и Франции в совокупности составляют свыше 10

---

¹ Там же. С. 131.

² Там же. С. 132.

процентов населения), энергичные усилия сторонников радикальных течений в исламе по распространению своего влияния на широкие слои населения, прежде всего, на молодежь и выходцев из мусульманских стран, наличие в Европе сформировавшихся еще в 60 – 70-е гг. организационных структур исламистов с отлаженной системой финансового и материально-технического обеспечения и подготовки кадров, в том числе владеющих навыками подрывной и террористической деятельности.

Осознание высокой степени опасности деятельности исламских радикальных организаций привело в последние годы к ужесточению властями ряда государств Европы подходов к функционированию на их территории различных мусульманских объединений, включая усиление контроля за ними со стороны правоохранительных органов, совершенствование миграционных правил, строгое регламентирование процесса создания и деятельности подобных обществ.

Следствием стали попытки лидеров исламистов передислоцировать подчиненные им структуры в те страны Европы, где уголовное и иммиграционное законодательство, а также административный режим остаются более мягкими. Для этого используются, в частности, коммерческие фирмы, созданные выходцами из мусульманских стран, которые занимаются трудоустройством иностранных рабочих и могут обеспечить исламистов необходимыми документами, подтверждающими легальное право проживать на территории соответствующих государств.

По мнению зарубежных экспертов, определенную угрозу безопасности европейских государств представляют применяемые исламскими благотворительными обществами традиционные способы их финансирования, в частности, сбор с европейских мусульман так называемого «закята» - исламского налога на доходы в пользу бедных, составляющего 2,5 процента их ежегодных денежных поступлений. Эти объединения, официально декларируя благие цели по сбору средств для малоимущих слоев мусульманского населения, проживающего в ряде

регионов мира, нередко фактически решают задачи финансирования экстремистских группировок, привлечения новых членов, их идеологической обработки, создания дееспособных групп и налаживания связи между ними¹.

Особую активность мусульманские неправительственные религиозно-политические организации (НРПО) развили в Бельгии, Болгарии, Германии, Великобритании, Италии, Румынии, Франции и ряде других европейских государств. Во всех этих странах проявления деятельности НРПО имеют свою специфику, обусловленную местными реалиями и возможностями определенных диаспор и экстремистских группировок.

Так, масштабы активности различных мусульманских радикальных организаций в Италии стали очевидны после проведенного местными властями комплекса соответствующих мероприятий. Они позволили выявить созданную экстремистами сеть, состоящую из отдельных группировок выходцев из Туниса, Марокко, Алжира, Египта, часть которых поддерживала тесные связи с «Аль-Каидой». Всего было выявлено более 150 легально действующих мусульманских структур, большинство из которых осуществляют «исламский призыв», проводя идеологическую обработку молодежи не только в мечетях, но и в местах массового отдыха (кафе, спортивных клубах, торговых, сервисных заведениях и т.д.), принадлежащих представителям «исламской» диаспоры.

В Великобритании уже длительное время действуют центры таких исламистских объединений, как «Al Rachid Trust», имеющее представительства и в США, «Всемирный союз исламской молодежи», «Центр пропаганды ислама». Несколько лет назад в стране была создана новая организация «Al-Ansar Ash-Shariah» («Приверженцы шариата»), основной целью которой является оказание всесторонней помощи радикальным исламским движениям в различных регионах мира и содействие образованию государств с шариатской формой правления. Одна из форм ее деятельности заключается в проведении различных акций и

---

¹ Добаев И.П., Немчина В.И. Указ. соч. С. 132-133.

форумов, где под прикрытием благотворительности осуществляется сбор средств для деятельности исламистов в «горячих точках» планеты¹.

В настоящее время в Германии, по данным Федерального ведомства по охране конституции, проживает 3,2 миллиона мусульман (в том числе 2 миллиона турецких иммигрантов), из них 30 тысяч человек считаются активистами исламистских организаций. В стране активно действуют 24 организации радикально-исламистского толка². В последние годы здесь заметно активизировалась турецкая экстремистская организация «Исламское общество Милли Герюз», которая тесно взаимодействует с другими аналогичными объединениями на территории ФРГ. Она является самой многочисленной в стране иностранной организацией (собрания и богослужения в принадлежащих этой организации мечетях регулярно посещают 300 тыс. человек) и занимает ведущее положение в «Исламском совете ФРГ», в который входит до 40 мусульманских объединений. Свою пропагандистскую деятельность «Милли Герюз» осуществляет через разветвленную сеть религиозных, спортивных, культурных и других центров, а сбор средств на нужды исламистов – через контролируемые ею фирмы, действующие, как правило, на рынке недвижимости Германии. Солидные организационные и финансовые возможности позволяют лидерам группировки планировать создание собственной политической партии, способной участвовать в выборах и проводить своих кандидатов в органы власти ФРГ различных уровней³.

Во Франции также активно действуют исламисты. В частности, продолжает усиливаться международная радикальная исламская группировка «Таблиг», официально зарегистрированная здесь в качестве общественной еще в 1991 г. после того, как ей удалось войти в доверие к местным властям в результате реализации нескольких социальных программ помощи безработной молодежи и «борьбы с преступностью через вероучение». Затем

---

¹ Там же. С. 133.

² Дрожжин С. Указ. соч. С. 149.

³ Добаев И.П., Немчина В.И. Указ. соч. С. 134.

ее усилия оказались сконцентрированы на расширении своей базы посредством распространения религиозного влияния с элементами радикализма, в основном, на представителей афроазиатской и европейской молодежи. Некоторая их часть затем направляется в различные мусульманские страны для продолжения «религиозного образования» в специализированных центрах. Таким образом, деятельность «Таблиг» направлена, в конечном счете, на подготовку кадров для исламистских групп¹.

Благоприятный социально-политический и правовой климат, существовавший длительное время в Бельгии, способствовал значительному росту мусульманской диаспоры в стране (до 450 тыс. человек, что составляет примерно 5 процентов ее населения) и созданию условий для использования территории королевства радикальными исламистскими группировками в качестве транзитного пункта для переброски в другие части Европы их участников, а также своего рода базы «тылового обеспечения», подготовки операций, укрытия активистов и функционеров различных звеньев.

Аналогичная ситуация складывается в Голландии и в Ирландии, где наибольшую активность проявляют, соответственно, турецкая группировка «Капланджилар» и члены египетской организации «Исламский джихад».

Проживающие в европейских государствах функционеры некоторых мусульманских организаций (например, «Такфир ва-ль-Хиджра», «Тунисский исламский фронт», алжирская «Салафитская группа за веру и борьбу» и др.) выполняют координирующую роль при подготовке здесь возможных терактов. Все эти группировки разделяют идеологию глобального джихада против западной цивилизации, пропагандируемую «Аль-Каидой», поддерживают контакты с ее представителями и руководствуются в своей деятельности общими установками, сформулированными теоретиками и практиками «Аль-Каиды» и других экстремистских группировок. Однако в том, что касается планирования и

---

¹ Там же. С. 134-135.

проведения конкретных акций, они, по всей видимости, сохраняют полную автономию и не согласуют их с руководством «Аль-Каиды». Пользуясь финансовой и другой поддержкой этой мощной экстремистской группировки, они в то же время изыскивают собственные источники финансирования, преимущественно криминального характера. Исходя из этого уместно говорить не о функционировании в Европе единой подпольной сети «Аль-Каиды», а о проявлениях активности конгломерата нелегальных автономных структур, координирующих свою деятельность с представителями Усамы бен-Ладена.

Возрастающий интерес со стороны исламских экстремистов отмечается и к странам Восточной Европы, прежде всего Румынии, где неофициально представлены более 20 радикальных группировок. В их числе «Братья-мусульмане», «Исламский джихад», «Джамаат аль-ислами», «Аль-мухаджерун», ХАМАС, «Хезболлах», «Абу Сайяф» и другие, приверженцы которых проживают в крупных городах и учатся в университетах страны. Они организованы, главным образом, по земляческому принципу, располагают собственными структурами, обеспечивающими их безопасность.

В Болгарии основную активность экстремисты развернули в местах проживания болгарских турок, где создана сеть религиозных учебных заведений и культурных центров, в которых наряду с изучением ислама проводится начальная военная подготовка мусульманской молодежи. Координирующую роль при этом выполняет официально действующий в стране фонд «Тайба», финансируемый «Братьями-мусульманами».

Изложенное выше свидетельствует об общей радикализации исламистского движения в мире, переносе его активности на территорию «дальнего врага» - государств западнохристианской цивилизации. Это обуславливается, в частности, последствиями осуществляемой Соединенными Штатами и их союзниками по контртеррористической операции, оккупацией Ирака, угрозами в адрес ряда других мусульманских

государств. В этой связи наблюдается перенос деятельности вытесняемых из собственно исламских стран функционеров и боевиков «Аль-Каиды», иных аналогичных ей структур в другие регионы мира, включая США и Европу. Поэтому не стоит удивляться, что при попустительстве американских и европейских властей ситуация с точки зрения расширения там позиций религиозно-политического экстремизма и далее будет осложняться. К чему это приводит, хорошо известно по событиям 11 сентября 2001г. в США, 2004 г. – в Испании, 2005-06 гг. – в Великобритании и Франции, июня 2007 г. – в Англии и Шотландии.

Глава 4. Современное террористическое движение на Юге России: состояние, перспективы развития, опыт противодействия

4.1. Раскол уммы Северного Кавказа и его последствия

Ислам на Северном Кавказе, как и в других регионах мира, не представляет собой монолита, но разобщен в рамках существующих направлений, толков и идейных течений.

Менее всего озвученный выше тезис касается направлений в исламе, поскольку в регионе доминирует его суннитская версия, относительно небольшое количество шиитов (по данным Комитета по делам религий Республики Дагестан, около 45 тысяч человек) проживает в южной части этой северокавказской республики. Их невысокая численность и относительная политическая пассивность позволяет в ходе дальнейшего анализа вывести их за рамки рассмотрения.

Что касается толков (мазхабов, или правовых школ в исламе), то с этой точки зрения северокавказский ислам достаточно условно можно разделить на две части: на Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания)

доминирует ханифитский мазхаб, считающийся самым мягким и гибким в исламе. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня и Ингушетия) преобладает шафиитский толк, более жесткий, чем ханифитский.

Однако самое значимое расслоение фиксируется на поле идейных течений в исламе (традиционализм, фундаментализм, модернизм), прежде всего, по линии традиционализм – фундаментализм. Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих. Модернистские тенденции в регионе пока крайне слабы и противоречивы, и существенной роли в общем раскладе сил не играют.

Традиционный ислам представляет собой, прежде всего, институализированное мусульманское духовенство – административно-управленческий аппарат религиозных организаций – духовные управления мусульман (ДУМ), а также подведомственные им структуры (мечети, исламские образовательные учреждения и др.). Эти исламские институты принято считать «официальным исламом», или «мечетным исламом». На Северо-Восточном Кавказе имеются также еще и другая институализированная группа традиционалистов - сторонники «немечетного ислама», представленные многочисленными вирдовыми, или мюридскими, братствами трех суфийских тарикатов (накшбандийа, кадирийа, шазилийа) во главе со своими руководителями – шейхами и устазами.

Традиционный ислам – сложное, многоуровневое и противоречивое явление. Он также далеко не един. В ДУМ фиксируются конфликты интересов между отдельными служителями культа. В некоторых республиках, в частности в Дагестане, существует целый ряд этнически ориентированных ДУМов. Имеются противоречия между духовными управлениями мусульман различных северокавказских республик. В рамках созданного в 1998 г. КЦМСК (координационный центр мусульман Северного Кавказа) между некоторыми муфтиями идет борьба за высший пост в данной структуре. Постепенно осуществляется ротация кадров «официального ислама», имамами мечетей, другими служителями мусульманского культа

становятся люди, получившие образование за рубежом, а потому нередко являющиеся носителями далеких от традиционных в регионе ценностей. На Северо-Восточном Кавказе отмечается напряженность в отношениях между различными суфийскими структурами, их шейхами и мюридами. В Дагестане ДУМ вообще контролируется самым влиятельным в республике шейхом накшбандийского и шазилийского тарикатов – аварцем Саидом-апанди Чиркейским. И такие противоречия в традиционном исламе можно было бы называть и дальше. Разумеется, все это не может не отражаться на настроениях и взглядах простых верующих, большинство из которых также можно отнести к традиционалистам. Северокавказский традиционный ислам, в основном, пребывает вне поля модернизационных процессов, фиксируемых в других «мусульманских» регионах России, прежде всего, в Поволжье.

Тем не менее, несмотря на отмеченные конфликтогенные факторы и тенденции в традиционном исламе, федеральные и республиканские власти рассматривают его как «толерантный ислам», заслуживающий признания и всемерной поддержки. Реально такой взгляд на вещи сегодня ошибочен, на деле традиционный ислам политизирован, а порой радикален и даже агрессивен, практически во всех республиках Северного Кавказа, что чревато разрастанием внутренних трений и конфликтов, как непосредственно в среде традиционалистов, так и традиционалистов с представителями других течений в исламе. Сказанное актуально, прежде всего, для Северо-Восточного Кавказа, где в традиционализме беспрецедентно важную роль играют суфийские структуры, зачастую, как уже отмечалось, даже контролирующие «официальный ислам».

Наиболее ярко этот процесс, безусловно, наблюдается в самой исламизированной республике Северного Кавказа – Дагестане, где фиксируется неуклонная политизация традиционалистов. Традиционный ислам в Республике Дагестан институционально представлен т.н. «официальным исламом» (ДУМ Дагестана и подчиненные ему учреждения), а также многочисленными мюридскими братствами, относящимися к трем

функционирующим в республике суфийским орденам-тарикатам – накшбандийа, кадирийа и шазилийа. В постсоветский период в процессе противостояния и борьбы с радикальным исламом («ваххабизмом») традиционный ислам неуклонно политизируется, что в перспективе, согласно экспертным оценкам, может привести к тотальной исламизации республики.

Мусульманские объединения республики, обладая широкой сетью организаций, опираясь на традиционные морально-нравственные ориентиры ислама, на авторитет духовных лидеров (алимов, шейхов) предпринимают активные шаги для усиления своего влияния на происходящие процессы в дагестанском обществе. При этом укрепление позиций ДУМД в вопросах регулирования межконфессиональных отношений порождает централизацию религиозной власти, а, с другой стороны, усиливают центробежные тенденции, углубляет внутриконфессиональные разногласия и противоречия в мусульманской общине республики. Деятельность религиозных общин, особенно мюридских братств, свидетельствует о возрастании их роли и значении в религиозной и общественной жизни республики. При этом светскими институтами власти пока не выработаны действенные рычаги воздействия и влияния на их деятельность.

Проведенные социологические исследования, показывают, что религиозность дагестанцев отличается в зависимости от места рождения и этнической принадлежности верующих. Так, степень религиозности населения Северного, Центрального и Южного Дагестана отличается - менее всего религиозны жители юга Дагестана. Среди студентов, выходцев из сельской местности, религиозность на 18-20% больше, чем среди студентов, родившихся и выросших в городе. Среди студентов таких национальностей, как аварцы, даргинцы и кумыки, религиозность на 22-25% больше, чем среди студентов лезгин, лакцев, табасаранцев, рутулов и цахуров. На этом фоне исламское движение в республике продолжает количественно и качественно развиваться.

По имеющимся данным, в республике на 1 марта 2008 г. действовало

2240 исламских организаций (из них 2220 суннитских: 1122 джума-мечетей, 699 квартальные мечетей, 178 молитвенных домов, 16 вузов, 15 филиалов, 116 медресе, 94 мактаба и 20 - шиитских объединений: 7 центральных мечетей, 6 квартальных мечетей и 7 молитвенных домов). Преобладающая часть населения Дагестана - мусульмане суннитского толка.

Наиболее значимой республиканской исламской организацией на территории РД является Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД), которое с 1998 года возглавляет председатель ДУМД, муфтий Абдулаев Ахмад Магомедович. Служителей исламских религиозных объединений (имамов, будунов, муэдзинов и др.) - более 2500.

Исламские организации располагают собственными и подконтрольными СМИ. ДУМД имеет свой официальный печатный орган - газету «Ассалам», которая выходит на восьми языках (русском, аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, чеченском и табасаранском). По своей концепции и содержанию к этому изданию близко примыкает еженедельник «Исламский вестник», газета «Нур-ул ислам», журнал «Ислам». Электронные версии газет «Ассалам» и «Нур-ул ислам» помещаются в сети Интернет. В Дербенте выходит ежемесячная газета «Ислам в Юждаге». Исламские организации Дагестана также активно используют возможности республиканского телевидения и радио: передачи «Мир вашему дому» на русском языке на ГТРК «Дагестан», «Час размышлений» на «ТНТ-Махачкала», «Путь к истине» на ТВ «Центр-Махачкала» и на «ТВ-Чиркей». Некоторые передачи дублируются на каналах кабельного телевидения. Пропаганда ислама ведется и на радио «Прибой», «Сафинат» и др. В республике многотысячными тиражами издается религиозная литература, в том числе и на национальных языках. Кроме того, в РД завозится большое количество религиозной литературы на русском, арабском и других языках, изданной как в России, так и за рубежом. По имеющимся данным, в обороте на территории РД находится более 700 наименований исламской литературы.

Другим влиятельным отрядом традиционализма, влияющего на

религиозно-политическую ситуацию в республике, является суфизм - мусульманский мистицизм.

Сегодня в Дагестане действуют 19 шейхов накшбандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов. По национальному составу накшбандийский тарикат, в основном, исповедуют аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы. Кадирийский тарикат исповедуют чеченцы, андийцы. Шазилийский тарикат распространен среди аварцев и в меньшей степени - среди кумыков и даргинцев.

Общее число активных суфиев в РД, по различным данным, составляет до 55 000 человек. Более 75 процентов суфиев проживают в Северном и Западном Дагестане.

За последние годы оформились организационные структуры суфийских общин, выделились признанные лидеры. Из действующих в республике 19 шейхов 4 относятся к накшбандийскому и шазилийскому тарикатам (Сайд Ацаев из с.Чиркей Буйнакского района, Рабаданов Магомед из с. Ново-Костек Хасавюртовского р-на, Тагиров Гамбулат из с. Муцалаул Хасавюртовского р-на и Магомед Курбанов из с. Инхело Ботлихского р-на), 2 шейха - к шазилийскому тарикату (Абдулвахид Нурадингаджиев, Гамзатов Арсланали из г. Буйнакск), 12 шейхов - к накшбандийскому тарикату (Магомед-Мухтар Бабатов из п. Кяхулай, Сиражудин Исрафилов из с. Хурик Табасаранского района, Мухаджир Акаев из с. Доргели Карабудахкентского р-на, Пата-Магомед Акаев из с. Доргели Карабудахкентского р-на, Муртазали Карачаев из п.Тарки, Рамазан Газимагомедов из с. Гимры Унцукульского р-на, Магомед-Гаджи Гаджиев из с.Параул, Ильяс Ильясов из п.Альбурукент, Абдулвахид Магомедов из г.Махачкалы, Идрис Исрафилов из г.Махачкалы, Исаму-дин Саидов из г. Дербент, Муртазали Курбангаджиев из г. Каспийска) и 1 шейх - к кадирийскому тарикату (Магомед-Хабиб Рамазанов из с. Ботлих).

Наиболее влиятельными шейхами, с наибольшим количеством мюридов, в Дагестане являются - Сайд Ацаев, Сиражудин Исрафилов,

Магомед-Мухтар Бабатов, Магомед Курбанов, Магомед-Гаджи Гаджиев, Магомед Рабаданов, Арсланали Гамзатов, Магомед-Хабиб Рамазанов.

Суфийские шейхи все более настойчиво проникают в политические и экономические структуры общества. Как известно, мюрид полностью подчинен своему шейху, а в РД некоторые министры и солидные предприниматели являются мюридами шейхов. Это серьезный фактор, нуждающийся в тщательном осмыслении.

Сегодня суфийские общины в РД могут лоббировать любое нужное им решение, например, в свое время вследствие их непримиримой позиции был ликвидирован Комитет по делам религий (ныне вновь восстановлен), деятельность которого не нравилась самому влиятельному в Дагестане шейху накшбандийского и шазилийского тарикатов Саид-Афанди Чиркейскому, назначение на должности в той или иной структуре только тех, кто лоялен ДУМу и шейху Чиркейскому и т.д.

Более того, Дагестан стал тесен для суфийских лидеров, они активно выходят вовне, через мигрантов, образуя суфийские анклавные структуры в других регионах: Москве, Сибири, Ставропольском и Краснодарском краях. Контролируют значимые информструктуры, активно проникают в Интернет. Ведут дело к исламскому правлению, правда, пока анклавному (за пределами республики фиксируется исключительно анклавный образ жизни суфийских общин).

Хотя и меньшей степени, при общем нарастании исламизации, аналогичные процессы фиксируются и в других северокавказских республиках.

Главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) –

шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме Халифата.

Фундаменталистские группировки на Северном Кавказе появились еще в 70-х гг. XX веке в виде небольших по формату подпольных групп единоверцев, прежде всего, в Дагестане. В конце 80-х – начале 90-х гг. они, выйдя из подполья, под воздействием извне, стали активно развиваться. Этот процесс был резко усилен в ходе первой чеченской кампании (1994-96 гг.), вследствие участия на стороне бандформирований многочисленной прослойки зарубежных «моджахедов», а также отдельных представителей других северокавказских республик. В период «чеченского межсезонья» (1996-99 гг.) фундаментализм фактически прошел институализацию на территории непризнанной Чеченской Республики Ичкерия. В ходе второй чеченской кампании произошел процесс «растекания» салафийи на всем северокавказском пространстве, предопределив последующий сложный ход политического процесса в регионе.

Значимым представляется то, что если в 90-е северокавказские «ваххабиты» были представлены умеренно-радикальной и ультра-радикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее, умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультра-радикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

В результате в регионе отмечается рост числа радикальных салафитских группировок и одновременно изменение тактики их деятельности. Если когда-то эти структуры действовали практически открыто, а в начале «второй чеченской» вели фронтальные бои за Грозный и

участвовали в широком партизанском движении, то сегодня они, как правило, представляют собой подпольные сетевые структуры, объединенные общими целями и идеологическими установками. При этом нередко наблюдается сращивание радикальных религиозных структур с национальными/националистическими. Северокавказская салафийя в последние годы помолодела, интеллектуально окрепла, ее отдельные отряды, отказавшись от иерархического организационного построения, стали автономными, демонстрируют способность к самовоспроизводству. Иными словами, приобрели все характерные черты современного международного террористического движения, прикрывающегося исламом.

Молодежные организации северокавказской радикальной салафийи (т.н. «молодежные джамааты») выступают культурными проводниками в регионе арабской версии ислама. Лидеры «молодых» в своем большинстве получили исламское образование в странах Персидского Залива, в первую очередь – в Саудовской Аравии. Они, как правило, и стали проводниками глобальных изменений в регионе, в том числе по стиранию толков (мазхабов) в северокавказском исламе (ханифиты и шафииты), стремясь к общеисламской солидарности. Они же нередко становятся и лидерами террористических группировок (например, М.Мукожев и А.Астамиров из группировки «Ярмук» в КБР или Р.Макашарипов из террористической организации «Шариат» в РД).

В отношении фундаментализма (салафизма) власти заняли жесткую, силовую позицию. Однако ставка на силовое подавление привнесенной извне салафийи проблему не решила. В результате экстремистские исламские движения на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, отнюдь не разгромлены, только изменились формы и методы их антигосударственной деятельности. Например, по данным экспертов международной политологической организации International Crisis Group (ICG), озвученным в июне 2008 г., начиная с 2003 года, только в Дагестане зафиксировано несколько сотен убийств чиновников, сотрудников правоохранительных

органов и журналистов. Ответственность за эти действия, по мнению экспертов ICG, несет уже упоминавшаяся нами экстремистская религиозная организация "Джамаат шариат". Усилия правоохранительных структур по пресечению деятельности этой организации, по мнению авторов доклада, не принесли результатов и, наоборот, в некоторых местах сыграли контрпродуктивную роль. Поэтому, считают в ICG, исправить ситуацию может только полное искоренение коррупции и реинтеграция молодежи в нормальную экономическую среду¹.

Конечно, фундаментальным и наиболее эффективным подходом к решению проблемы было бы устранение ключевых конфликтогенных факторов (социально-экономических и политических), провоцирующих развитие девиантных форм поведения отдельных граждан. Вместе с тем, по нашему мнению, в деле блокирования крайних форм проявления исламизма до сих пор крайне слабо используется идеолого-пропагандистская и разъяснительная работа, особенно среди верующих. Власти часто говорят о необходимости нейтрализовать попытки политизации религиозных организаций путем перевода их деятельности в рамки действующего законодательства РФ. Любые попытки вмешательства религиозных организаций в государственные дела, государственную школу, в выборные компании, постулируется светскими начальниками разного уровня, должны решительно пресекаться в соответствии с действующим законодательством и т.д. и т.п.

По нашему же мнению, нормализовать ситуацию могла бы модернизация отечественного ислама, прежде всего, путем воссоздания собственного российского мусульманского образования, с участием государства в решении этой проблемы, о чем речь пойдет в третьем параграфе настоящей главы.

4.2. Уроки Чечни: «растекание джихада»

---

¹ GZT.ru. 2008. 3 июня.

Пришедшие на «постперестроечной волне» к власти в Чечне в начале 90-х гг. XX века сепаратистски ориентированные элиты первоначально в целях идеологической консолидации чеченского общества пытались реанимировать элементы древней традиционной социальной системы чеченцев, в основе которой находятся кровнородственные кланы (снизу - вверх: *дъозал, вар, варис*) и образованные на их основе более крупные социальные образования – *тайпы* и *тукхумы*, которые в своей совокупности образуют чеченскую нацию – *нохчи къам*. Однако наличие огромного числа тайпов и тукхумов, отсутствие у вайнахов на протяжении их истории собственной государственности не дали возможности реализовать эту идею. Тогда дудаевцы сделали ставку на идеологию традиционного «местного ислама», прежде всего, суфийских вирдов Кунта-хаджи и Вис-хаджи, относящихся к суфийскому кадирийскому тарикату (ордену), известному в Чечне под брендом «зикризм». Однако и эта попытка не увенчалась успехом в силу разобщенности чеченцев по нескольким десяткам суфийских структур (вирдовых братств). Тогда пришел черед «интегринского ислама», не признающего деления мусульман на расы, этносы, тайпы, другие локальные этнические и конфессиональные группы, и ставшего известным в регионе как «ваххабизм» (салафизм).

События в Чечне 1994-96 гг. под лозунгом «наведения конституционного порядка» открыли двери для ускоренной интернационализации салафитского движения в регионе. Чеченское «межсезонье» (1996-99 гг.), ознаменовавшееся превращением ЧР в полигон терроризма, пристанище убийц, торговцев «живым товаром», наркотиками и оружием, позволило развиваться здесь экстремистскому движению, прикрываемому исламом. В свою очередь, это обстоятельство предопределило вторжение банд местных и зарубежных террористов в августе 1999 г. на территорию Республики Дагестан. Общими усилиями федеральных вооруженных сил совместно с дагестанским населением экстремистам был дан отпор. Осенью 1999 г. началась «вторая чеченская»,

которая эволюционно прошла ряд важных этапов: от фронтальных сражений, апогеем чего стал штурм Грозного, до процесса «чеченизации» конфликта, т.е. его решение преимущественно силами самих чеченцев. Это, безусловно, привело к позитивным результатам собственно в Чечне. Что удивляет в современной Чечне, отмечает, в частности, английская «Гардиан», - «это объемы строительных и ремонтных работ в столице». «Следует отдать должное решимости Кремля вложить значительные средства в дело нормализации Чечни, - продолжает газета, - ...ново и то, что с улиц исчезли российские солдаты и милиционеры. Американцы взяли такую модель снижения видимого присутствия себе на вооружение в Багдаде. Нравится вам это или нет, но эту войну русские выиграли»¹.

Между тем, несмотря на реальные успехи в деле восстановления Чечни, ситуация, как представляется, еще далека от идеала. Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой террористические группировки.

В нынешних условиях северокавказского региона экстремистские религиозно-политические организации, как правило, являются сетевыми структурами, не несущими никаких обязательств даже перед своими рядовыми членами, не ограниченные в выборе целей и средств. Сети в широком смысле слова представляют собой самоорганизующиеся полицентричные структуры, ориентированные на достижение конкретных целей и решение определенных задач и состоящие из вполне автономных, иногда даже временных, коллективов с прозрачной легитимацией власти, децентрализацией ответственности, с горизонтальной (а не только вертикальной) направленностью связей и коммуникаций. Сети свободно связанных между собой равноправных и независимых участников, как открытые структуры, способны к неограниченному расширению путем

---

¹ The Guardian. 2008. 30 сент.

включения все новых узлов, если те используют аналогичные коммуникационные коды (решают те же задачи и / или исповедуют те же ценности). Террористические сети представляют собой куда более подвижную и трудно уязвимую цель, нежели централизованные организации. Более того, сеть к тому же оказывается прекрасно приспособленной к инфильтрации в органы власти и управления, к коррупционным практикам и т.п., обладает большей устойчивостью и способностью к регенерации¹.

Трансформация террористических сообществ в последнее время идет главным образом по пути адаптации сетевых форм организации к потребностям террористических групп. Имеет место отход террористических организаций от иерархических и линейных моделей организации и переход к сетевым. Новая, сетевая модель террористической организации позволяет достигать большей конспиративности и эффективности, а ее финансовые возможности в глобализирующемся мире оказываются самодостаточными. В связи с распространением информационных технологий у террористических организаций появляется возможность оперативно координировать любые акции отдельных боевых групп в любых масштабах. Таким образом, на смену централизованным террористическим организациям прошлого приходят транснациональные сетевые структуры, состоящие из автономных ячеек, способные в русле общего идейно-политического направления проводить террористические атаки в любой географической точке планеты. В структурном плане наиболее распространенной и опасной моделью построения международной террористической сети является сегментированная, полицентричная, идеологически интегрированная сеть. В рамках таких сетей свое место могут найти и криминальные организованные группы, и теневой бизнес. Круг потенциальных участников подобных сетей оказывается практически неограниченным. Переплетение различных сетей друг с другом (террористических, финансовых, криминальных (наркотрафик,

---

¹ Соловьев Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. М., 2006. С. 16.

нелегальная торговля оружием, людьми и др.)) вообще придает возникающему сетевому конгломерату новые качества и делает его совершенно автономным, еще более аморфным, чем ранее, и при этом трудно уязвимым¹.

Эффективность организации таких террористических сетей и входящих в их состав боевых групп обуславливается повышением уровня координации действий, расширением организационных возможностей, а также активизацией обменов информацией, в том числе в режиме реального времени. В результате такого рода террористические сети оказываются почти идеально адаптированными к условиям так называемых «роевых» войн или войн с использованием принципа «боевой стаи»², когда за нанесением четко скоординированного по месту и времени удара прибывающих с разных направлений (из разных районов, республик и даже стран) боевиков и подразделений поддержки следует буквально «исчезновение», «растворение» боевой или террористической группы, вновь распадающейся на отдельные сегменты, стремительно исчезающие с места действия или сливающиеся с массами населения. Применение подобной тактики в конфликтах малой интенсивности было и остается весьма результативным даже против защищенных целей и военных объектов. Эффективна она и в современных крупных мегаполисах, поскольку целями террористических актов выступают слабо защищенные гражданские объекты и собственно население.

Именно в этом направлении в последние три-четыре года происходит трансформация террористического движения на Северном Кавказе. Она была вызвана, в том числе, уничтожением первого эшелона главарей и активистов незаконных вооруженных формирований (НВФ), которые ориентировались на прямое противостояние федеральному центру. Пришедшее им на смену новое поколение северокавказских радикалов такой возможности уже не

---

¹ Соловьев Э.Г. Указ. соч. С. 18-20.

² Добаев И.П., Дугин А.Г. Роль и место «цветных революций» в геополитических трансформациях в Каспийско-Черноморском регионе // Евразийский проект: кавказский вектор / Южнороссийское обозрение. Вып. 30. Ростов н/Дону, 2005. С. 76.

имело, а потому объективно вскоре выродилось в подпольно действующие в городских условиях сетевые террористические структуры, орудующие сегодня почти во всех северокавказских республиках.

Наиболее характерной формой самоорганизации радикалов на Северном Кавказе стали т.н. «джамааты», которые выстроены, в целом, по этническому принципу, и действуют, в основном, в рамках «своих» республик. Поскольку в результате естественной убыли боевиков старшего поколения «джамааты» пополняются молодыми людьми, их нередко в научных изданиях и публицистике называют «молодежными джамаатами».

Сегодня практически во всех субъектах Южного федерального округа сложились собственные террористические сети «молодежных джамаатов». Если в конце 90-х – начале 2000 гг. они были связаны друг с другом на уровне руководителей и даже рядовых членов, то сегодня самостоятельные сетевые структуры взаимодействуют между собой опосредованно, преимущественно, поставленными целями, т.е. идеологически.

Организационно структуры «молодых» копируются с ближневосточных: жесткое единоначалие, сплоченность рядов, широкая внутренняя благотворительность и взаимопомощь (как, например, у палестинского «Движения исламского сопротивления» - ХАМАС).

Анализ материалов, связанных с деятельностью «молодежных джамаатов», позволяет сделать прогноз на перспективу: эти сетевые структуры, доказали свою жизнеспособность, автономность и самовосстанавливаемость. Сегодня группировки боевиков-ваххабитов объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в зарубежных исламистских центрах и уже дополненной собственными идеологическими наработками. Неизбежной политической практикой носителей идеологии религиозно-политического экстремизма всегда был, есть и будет терроризм. Радикальные идеологии позволяют их носителям не только оправдывать совершаемые преступления, но планировать и в последующем осуществлять диверсионно-террористические акции, не

испытывая при этом угрызений совести. Так, согласно исследованиям, проведенным в Дагестане среди пятидесяти ваххабитов, находившихся в 2000-2002 г.г. под следствием, лишь двое усомнились в справедливости и правильности своих поступков. Это обстоятельство свидетельствует о том, что ваххабизм как идеология представляет собой не просто совокупность экстремистских идей, а систему «аргументированных» положений¹.

Террористические «джамааты», совершенствуя свою боевую тактику и стратегию, отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение диверсионно-террористическую тактику «пчелиного роя». Они способны быстро менять места дислокации, маневрировать и, в случае необходимости, объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь; действия, в случае необходимости, согласовываются и координируются. Иначе говоря, деятельность неоваххабитских бандгрупп приобрела все основные черты современного исламистского террористического движения, в основе структурного строения которого лежит сетевой принцип (принцип «паучьей сети»). Причем, и это особенно важно, вчерашние «партизаны» из лесисто-гористой местности перебрались в города, привлекли в свои сети молодежь без криминального прошлого, в том числе из числа учащихся средней и высшей школы, аспирантов и даже молодых ученых, создали эффективно действующую своеобразную «городскую герилью».

Таким образом, тенденция растекания терроризма в регионе, которая ранее прогнозировалась лишь отдельными экспертами, стала реальностью. Особенно непростая ситуация сложилась на Северо-Восточном Кавказе – Дагестане и Ингушетии. Она, в свою очередь, предопределила процессы в других республиках, прежде всего, в Кабардино-Балкарии.

Иными словами, с «замирением» Чечни активность боевиков не снизилась. Она просто распространилась на другие субъекты Северного

---

¹ Устранение конфессиональных противоречий как предупреждение религиозного экстремизма // Дагестанская правда. 2007. №№77-79. 5 июля.

Кавказа и практически полностью перешла в террористическую плоскость¹. Эксперты фиксируют сохранившуюся скоординированность действий боевиков, их подготовку, конспирацию и синхронность: кроме того, что теракты нередко осуществляются одновременно в нескольких республиках, у террористов время от времени обнаруживаются подробные списки работников милиции и ФСБ, номера их автомобилей, литература по изготовлению самодельных бомб. Боевики, отмечается в СМИ, столь же фанатичны, как и прежде, – их приходится уничтожать вместе со зданиями, где они укрываются»².

Важной вехой в эволюции террористического движения стало заседание в июле 2005 г. басаевско-хаттабовской «маджлис-уль-шуры» с беспрецедентными позициями в тот период боевиков-арабов: из 12 членов «шуры» только Басаев был чеченцем, все остальные – арабами. Тогда «шура» приняла далеко идущие решения по активизации исламистского подполья в регионе. Так, один из лидеров религиозно-политического экстремизма Кабардино-Балкарии – «амир Сейфулла» (Анзор Астемиров), печально известный по событиям 13-14 октября 2005 г. в Нальчике, отмечает: «Летом 2005 года я присутствовал на военном маджлисе в Нальчике, где амиры Абу Идрис Абдуллах Басаев, Ханиф Илесс Горчханов и Абу Мухаммад Муса Мукожев решали вопрос о присоединении джамаатов Ингушетии и Кабардино-Балкарии к Кавказскому Фронту»³. Тогда же кабардинскому и карачаевскому «джамаатам» было поручено «разогреть» ситуацию, соответственно, в Адыгее и на Кавминводах. Вскоре, в октябре 2005 г. боевики «кабардино-балкарского джамаата» атаковали ряд объектов в столице КБР – Нальчике.

То, что бандподполье вот уже много лет выступает под лозунгами радикального исламизма, ни для кого не секрет. Крен в направлении религиозно-политического экстремизма обозначился еще в масхадовский

---

¹ Независимая газета. 2007. 14 мая.

² Там же.

³ www.kavkazcenter.com

период. Следующий президент ЧРИ (Чеченская республика Ичкерия) – Абдул-Хахим Садулаев открыто заявил, что т.н. план Масхадова-Ахмадова («демократический», или «парижский план»), согласно которому вся Чечня становится независимым от России светским демократическим государством¹, себя не оправдал. Он открыто утверждал, что целью «джихада» на Северном Кавказе является общее для мусульманских народов региона *исламское государство*. Однако Садулаев, сформулировав главную идею, не успел реализовать ее. Он создал промежуточную структуру (так называемый «Кавказский фронт»), разбив его на сектора, границы которых совпадали с границами северокавказских республик. Он начал менять не только идеологию, но и стратегию сопротивления, сделав акцент на развитии сети вооруженных «джамаатов» по всему Северному Кавказу².

В октябре 2007 г. сменивший уничтоженного А.Садулаева новый «президент» непризнанной Чеченской Республики Ичкерия Докку Умаров в своем обращении, размещенном на сайтах сепаратистов, провозгласил себя «амиром всех боевиков Кавказа и предводителем джихада», а также "единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды". Он также заявил, что отрицает все законы официальных властей, которые установлены в мире и на Кавказе: «Я отрицаю, объявляю вне закона все те названия, которыми неверные разделяют мусульман. Объявляю вне закона этнические, территориально-колониальные зоны под названием "Северокавказские республики" и тому подобное. ...Наш враг не только Россия, но и Америка, Англия, Израиль – все, кто ведет войну против ислама и мусульман»³. Таким образом, Чеченская республика Ичкерия прекратила свое существование, войдя на правах административно-территориального образования (вилаета) в состав Северокавказского Эмирата.

Объявление Д.Умаровым «Кавказского эмирата» на территории Северного Кавказа привело к серьезному расколу в руководстве чеченских

---

¹ Яхимчик М. Две Чечни – утопия или факт? // Завтра. 2003. 18 нояб.

² ИА Caucasus Times. 2007. 22 нояб.

³ Доку Умаров распустил Ичкерия // Настоящее время. №8. 2007. 2 нояб.

сепаратистов. Наиболее остро на заявления Докку Умарова отреагировал эмиссар сепаратистов Чечни Ахмед Закаев, проживающий в Лондоне и возглавивший новое правительство «Ичкерии». Он считает, что «за расколом стоят спецслужбы России»¹.

По сути же дела, как считают некоторые эксперты, Умарову по наследству от Садулаева досталась уже готовая структура (Кавказский фронт), он лишь переименовал ее в государство (Северокавказский Эмират). Почему же столь бурной была реакция осевших на Западе вчерашних активных чеченских боевиков? Ответ кажется очевидным: «Северокавказский Эмират сегодня – внеочередной кандидат на попадание в список террористических организаций. Оказаться в роли представителей террористической организации в Европе эмигрантам совсем не хочется. Поэтому наиболее дальновидные сумели отвести от себя всякую опасность уголовного преследования в будущем»².

Как показывает анализ, главный вектор террористической активности боевиков многочисленных «джамаатов» в северокавказском регионе направлен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. Особенно зримо эта тенденция проявляется в деятельности террористических группировок «Шариат» и «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия) и др. Начиная с 2002 г., ими целенаправленно уничтожаются вышеуказанные категории граждан.

Об этом свидетельствуют, например, многочисленные террористические акты, посягательства на жизнь сотрудников государственных и силовых структур в Чеченской Республике. В правоохранительных органах Чеченской республики отмечают, что в последнее время вооруженное подполье в Чечне значительно

---

¹ Там же.

² ИА Caucasus Times. 2007. 22 нояб.

активизировалось: отряды боевиков численностью до нескольких десятков человек в 2008 г. дважды захватывали населенные пункты в республике, совершили ряд нападений на военных и сотрудников правоохранительных органов и неоднократно вступали в боестолкновения с подразделениями федеральных сил и местных правоохранительных структур¹.

Пик террористической активности в Республике Дагестан пришелся на 2005 г.: тогда было зарегистрировано 108 фактов посягательств на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов, из них с применением взрывных устройств – 44. В результате принятых мер в том же 2005 году было раскрыто 39 терактов и 44 факта посягательств на сотрудников правоохранительных органов, задержано 123 и уничтожено при оказании вооруженного сопротивления 50 членов бандподполья, предотвращено 13 спланированных участниками бандгрупп диверсионно-террористических акций. Глава МВД РФ Рашид Нургалиев на состоявшейся в июне 2007 г. конференции в Махачкале оценил ситуацию в Дагестане как весьма сложную и отметил, что «за последние 2,5 года совершено почти 270 терактов, жертвами которых стали десятки сотрудников милиции, в том числе и ряд руководителей МВД Дагестана, включая замминистра Магомеда Омарова. ...за это время погибли 80 сотрудников МВД и 47 получили ранения»².

Аналогичные акции фиксируются и в Республике Ингушетия (РИ), на территории которой, начиная с 2004 г., буквально произошел выброс террористической активности. В июне 2004 г. осуществляется массированное нападение боевиков на объекты республиканского значения в этой республике, а в сентябре того же года стала возможной трагедия в Беслане, подготовили и провели которую представители т.н. «ингушского джамаата». В последующие годы на территории Ингушетии фиксируется усиление количественных и качественных характеристик терроризма, что превратило ее в своеобразное «слабое звено» в регионе.

---

¹ Коммерсант. 2008. 1 сент.

² Вести «Северный Кавказ». 2007. 6 июня.

Из других северокавказских республик напряженностью выделяется Кабардино-Балкария, где вновь заговорили о «миссионерах», которые настраивают молодежь на джихад. В этой республике к экстремистским организациям религиозной направленности эксперты относят две замкнутые, альтернативные Духовному управлению мусульман КБР исламские структуры, придерживающиеся религиозно-экстремистских взглядов - "Республиканскую Шуру" и, так называемый, "джамаат "Ярмук".

"Шура" представляет собой хорошо организованную структуру, состоящую из "ваххабитских джамаатов", с четко выраженной "вертикалью шариатской формы правления". В ее составе функционируют так называемый "шариатский суд" и не зарегистрированный Минюстом КБР "Кабардино-Балкарский институт исламских исследований". Стратегической целью "Республиканской Шуры" является создание условий для поэтапного "мирного" прихода к власти. Второй экстремистской структурой, негативно влияющей на обстановку в республике, является бандформирование "джамаат "Ярмук", члены которого ранее входили в банду Р.Гелаева. На счету данной банды многочисленные кровавые преступления террористической направленности, совершенные на территории КБР, в том числе попытка захвата ряда силовых структур 13-14 октября 2005 г. в Нальчике.

В феврале 2006 г. в МВД КБР прошел круглый стол, посвященный проблеме противостояния терроризму и экстремизму. На нем был представлен социально-психологический портрет участников нападения на Нальчик 13-14 октября 2005 г., составленный правоохранительными органами на основе данных о 166 участниках нападения: 87 % участников НВФ – молодые люди в возрасте 20-30 лет, 13 % - старше 30 лет. По уровню образования 20 % боевиков имеют высшее, 15 % – среднее специальное, 65% среднее и 1,2 % - неоконченное среднее образование. Более половины из них состояли в браке. 56 боевиков проходили в качестве подозреваемых по

различным уголовным делам (7 – в связи с наркотиками, 8 – с незаконным оборотом оружия).

В ходе ряда спецопераций, проведенных в 2005-2007 гг. правоохранительными органами КБР, большая часть членов "Ярмука" была уничтожена. Оставшиеся в живых боевики находятся в розыске. Тем не менее, лидеры радикальных исламистов республики, находясь на нелегальном положении, продолжают вести активную террористическую и одновременно пропагандистскую деятельность. Для этого в качестве трибуны ими выбран Интернет. Посредством проведения электронной переписки, осуществляется психологическая обработка жителей Кабардино-Балкарии, целью которой является склонение их к участию в деятельности бандподполья. На сайтах "Kavkaz-Center", "Gamagat" и других регулярно размещаются так называемые "обращения к мусульманам", с претензиями в адрес тех из них, "кто не берет в руки оружие", звучат призывы к диверсионно-террористической деятельности и угрозы совершения на территории КБР терактов.

В северокавказском регионе участились акты терроризма в отношении руководителей и политиков, стоящих на позиции единства России, ведущих успешную, в том числе силовую, административную и идеологическую борьбу против сил, стремящихся отколоть Северный Кавказ от России, внедрить на его территории идеологию религиозного экстремизма и сепаратизма. Среди убитых – министры по делам национальной политики Дагестана Магомедсалих Гусаев (27.08.2003г.) и Загир Арухов (20.05.2005г.), зам. министра внутренних дел РД Магомед Омаров (02.02.2005г.), зам. министра внутренних дел Ингушетии Джабраил Костоев (17.05.2006г.), зам. главы администрации Плиевского муниципального округа Назрани Хаваж Даурбеков (03.07.2007г.) и многие другие.

Регулярно фиксируются террористические акции и в отношении представителей традиционного мусульманского духовенства.

Очевидно, что данные преступления направлены на устрашение сотрудников региональных органов государственного управления, силовых структур и лидеров официального ислама, с целью парализовать их работу. Поэтому террористы пытаются оказывать дополнительное психологическое воздействие на указанную категорию лиц, членов их семей, других граждан. Так, например, в 2007 г. на сайте Ингушетия.Ru. было опубликовано заявление т.н. «руководства Специальной оперативной группы «Шариат Ингушетии», в котором сообщалось, что «приведены в исполнение решения Шариатского суда Ингушетии в отношении двух активных врагов Аллаха, сотрудников МВД РИ – И.Барахоева и А.Яндиева». В заявлении высказывались угрозы в адрес сотрудников силовых ведомств Ингушетии и призывы уходить с государственной службы.

Несмотря на некоторое снижение активности террористов по сравнению с пиковым 2005 г., ситуация в северокавказском регионе продолжает оставаться сложной и в настоящее время.

Так, по заявлению директора ФСБ России, сделанном им 4 июля 2008 г. в ходе заседания Национального террористического комитета в Ростове-на-Дону, с начала года в регионе было предотвращено семь терактов удалось пресечь деятельность 80 глав и активных участников бандформирований, предотвратить более 30 преступлений террористической направленности, изъять 130 самодельных взрывных устройств, около 900 килограммов взрывчатых веществ и 600 единиц огнестрельного оружия. В то же время, он признал, что Южный федеральный округ по-прежнему остается эпицентром террористической активности. Именно здесь совершается 80 процентов преступлений подобного характера. «В Чечне, Ингушетии и Дагестане продолжают нападения на сотрудников правоохранительных органов, из-за чего гибнут мирные жители. Своими действиями бандиты стремятся обострить обстановку, затормозить восстановление мира и показать зарубежным спонсорам свою активность», - отметил он. Директор ФСБ признал, что внутри субъектов не всегда удается эффективно организовывать

профилактику преступлений. Он также констатировал, что террористы вовлекают в свои ряды все новых и новых членов. В первую очередь, это - молодежь, которая подвергается целенаправленной идеологической обработке, основанной на идеях экстремизма¹.

В августе 2008 г. во время очередного совещания НАК в Нижнем Новгороде директор ФСБ повторил мысль о том, что на Северном Кавказе не прекращаются нападения на представителей органов власти, сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и мирных жителей. По его словам, в ходе адресных операций были пресечены намечавшиеся террористические акции в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечне. Он также отметил, что анализ поступающей в НАК информации свидетельствует о значительном снижении среднего возраста участников бандформирований: привлеченная в ряды террористических и экстремистских структур молодежь подвергается целенаправленной идеологической обработке на основе идей религиозного экстремизма².

Привлечение в ряды экстремистов молодежи подтверждает бывший командир батальона «Восток», Герой России С.Ямадаев. По его словам, в Чечне продолжается отток молодежи в горные районы к ваххабитам: «Есть информация, что 20 девушек от 15 до 20 лет ушли в Чечне в лес. Такая беда у нас. Отток продолжается. У нас есть данные, кто уходит в горы. В джамаатах, которые воюют в Чечне, есть люди из Саудовской Аравии. Мы знаем, кто их кормит. Если раньше их силы уменьшались, то в этом году (2008 г. – И.Д.) они получили много людей. Возросло и количество столкновений, есть потери. Джамааты активизировались в Дагестане и Ингушетии»³.

Однако и эта явно непростая ситуация резко изменилась накануне, во время и после грузинской агрессии против Южной Осетии. Все чаще в новостных известиях стали озвучиваться теракты, совершенные в Дагестане,

---

¹ Российская газета – Юг России. 2008. 4 июля.

² Российская газета. 2008. 25 авг.

³ Независимая газета. – 2008. 25 июля.

Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. В этой связи можно утверждать, что рост напряженности на Северном Кавказе возник не сам по себе, но обусловлен геополитическими причинами, напрямую связан с обострением обстановки в Закавказье, к чему приложили руку силы, известные своим мастерством инспирировать конфликты и локальные войны по всему миру. В этот же период из уст грузинских политиков зазвучали угрозы запустить сепаратистские процессы в некоторых северокавказских республиках, а из-за океана - признать их независимость. Чаще стали поступать сведения о финансовом поощрении сепаратистов из-за рубежа. Например, по данным ИА Caucasus Times от 13 июля 2008 г., в текущем году на «деятельность неформальных организаций» только в Кабардино-Балкарию поступило не менее 13 млн. долларов. Особенно напряженная обстановка сложилась в Ингушетии, где в последнее время практически ежедневно совершаются нападения на сотрудников правоохранительных органов и представителей власти, служителей исламского культа. В сентябре 2008 г. оппозиционное ингушское объединение «Народный парламент Ингушетии» устами своего лидера М. Хазбиева высказалось за выход республики из состава России и якобы уже начало сбор подписей за эту инициативу. Дерзкие нападения на представителей силовых структур происходят и в других республиках – Дагестане, Чечне и Кабардино-Балкарии. Аналитики отмечают, что, похоже, боевики, получившие внешнюю «установку» и деньги, воспользовались тем, что все внимание властей и силовых структур было переключено на Южную Осетию, Абхазию и Грузию¹.

Безусловно, в последние годы эффективность деятельности правоохранительных органов зримо возросла, им в определенной степени удалось переломить ситуацию на Северном Кавказе в борьбе с терроризмом и религиозно-политическим экстремизмом. В регионе проведен ряд успешных спецопераций по задержанию (ликвидации) бандгрупп. Например,

---

¹ Манкиев М. Мир после Цхинвала: точка невозврата / Фонд стратегической культуры. Электрон. дан. Режим доступа: fondsk.ru/article.php?id=1658, свободный.

только в Дагестане ощутимые удары нанесены по бандподполью в городах Махачкале, Каспийске, Хасавюртовской и Буйнакской зонах. Ликвидированы группы Халилова, Макашарипова, Дибирова, Наузова, Имурзаева, Таймасханова, Ахмедова, Хасбулатова, Шайхаева, Муташева, Меликова и другие. Уничтожены такие одиозные лидеры незаконных вооруженных формирований, как эмиссары-иностранцы Абу-Джарах и Абу-Умар, которые занимались формированием бандподполья в Дагестане и координацией террористической деятельности на Кавказе. Однако как свидетельствует мировой опыт противодействия современному терроризму, даже успех «охоты» за лидерами криминальных или террористических сетей не гарантирует «победы» в противостоянии сетевому терроризму¹.

Сказанное свидетельствует о том, что одного лишь силового противостояния современному религиозно-политическому экстремизму явно недостаточно. Ориентация России на репрессивные методы подавления этнорелигиозного экстремизма, как свидетельствует современная мировая практика, эффективна лишь при борьбе с его вооруженными проявлениями. Напротив, использование силы против радикальных исламских организаций и носителей радикального сознания, выдвигающих альтернативные современной российской модели проекты государственно-правового устройства, но не прибегающих к насилию для их реализации, объективно превращает государственно-правовую политику в один из факторов расширения социальной базы этнорелигиозного экстремизма².

Об этом свидетельствует широкая мировая практика борьбы с радикальным исламским движением: одни лишь репрессивные меры не только не способны поставить точку в деятельности исламистов, но и ведут к росту экстремизма с их стороны. Да и собственный опыт репрессивного подавления этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе в бытность Российской империи и Советского Союза свидетельствуют о том, что запрет

---

¹ Kenney M. From Pablo to Osama: counter-terrorism Lessons from the War on Drugs // *Survival*. 2003. Vol. 45. № 3. Autumn. P. 187-206.

² Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов н/Дону, 2005. С. 281.

и силовое подавление антиправительственной деятельности на этнорелигиозной почве не преодолевает социальные девиации, а лишь консервирует их.

Поэтому более эффективно должны задействоваться и иные возможности, среди которых, в первую очередь, следует назвать информационно-пропагандистскую и разъяснительную работу, а также усиление борьбы с финансированием терроризма.

Вместе с тем, как представляется, неверной, на наш взгляд, является попытка связать активизацию боевиков только лишь с увеличением их финансирования (внешнего и внутреннего). Такую формулировку можно часто слышать от некоторых представителей органов власти того или иного уровня, которые желают все свести к валютизации (*долларизации*) «движения сопротивления», то есть показать его продажность, безыдейность, а потому гибельность. Этим самым они преследуют, как минимум, несколько целевых установок: подорвать доверие и популярность боевиков среди населения, в том числе в молодежной среде, – действительно, регулярно убивающие невинных людей, а также друг друга из-за не поделенных долларов боевики вызывают моральное отторжение. Кроме того, щедрым валютным финансированием из-за рубежа можно объяснить и собственные промахи в деле борьбы с диверсионно-террористическим подпольем, и, таким образом, списать все предпосылки зарождения экстремизма, а равно и воспроизводства «движения сопротивления» среди боевиков, как в Чечне, так и в других северокавказских субъектах, исключительно на пресловутый экономический фактор, тем самым отвести прочие причины всплеск религиозно-политического экстремизма¹.

Однако перекрытие каналов финансирования бандгрупп, хотя и важное мероприятие, но не всегда решает проблему существования и разрастания религиозно-политического экстремизма, а тем более, террористических

---

¹ Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. Ростов н/Дону, 2006. С. 117.

группировок, которые подпитываются определенными идейно-политическими доктринами, а также имеют автономную самоорганизацию и мобильные отряды, не нуждающиеся в особо стабильном и щедром финансировании. В условиях существования массовой коррупции, казнокрадства и клановости установить, пусть и путем шантажа и угроз, контроль над несколькими фирмами и коммерческими предприятиями для террористического подполья не представляется чрезмерно сложным. В свое время, Шамиль Басаев утверждал, что «моджахеды» именно таким образом получали немалую финансовую поддержку даже от глав администраций ЧР¹. Как представляется, за прошедшие годы ситуация здесь вряд ли изменилась кардинальным образом.

Поэтому при наличии разветвленной сети террористических группировок в субъектах Северного Кавказа считать контртеррористическую операцию завершенной, прямо скажем, не совсем уместно. Это означает выдавать желаемое за действительность. Другое дело, в ее реализацию надо ввести существенные коррективы, сделав упор не только на силовые и административные, но и на политические, экономические, социальные, культурно-образовательные и др. формы и методы противодействия. Важное место в этих процессах должна занять модернизация отечественного ислама и, прежде всего, путем резкого повышения уровня российского мусульманского образования.

4.3. Мусульманское образование на Юге России

Начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. возрожденческие процессы практически во всех известных в России традиционных религиях не могли обойти стороной и ислам, в том числе на Северном Кавказе.

---

¹ www.kavkaz-center.com

Возрожденчество объективно предопределило политизацию и, как следствие, радикализацию мусульманства, стало одной из значимых причин развития в регионе террористического движения, прикрывающегося исламом. Вместе с тем, идеологическая составляющая этого явления длительное время игнорировалась. Ударам подвергалась исключительно специфическая политическая практика религиозно-политического экстремизма. Только в последние годы идеолого-пропагандистская и разъяснительная работа по блокированию крайних форм проявления исламизма оказались в фокусе зрения федеральных и региональных властей, к решению вопроса привлечено внимание экспертов и научного сообщества. Стало абсолютно ясно, что решить эту серьезную задачу силами исключительно светского сегмента российского общества невозможно. Объективно встал вопрос о необходимости более активного привлечения к этой работе адекватно подготовленного российского мусульманского духовенства. В этой связи стало обращать внимание и на состояние системы мусульманского образования в стране, возникла полемика о возможности или невозможности подключения к этому процессу государства. Однако, несмотря на заблаговременные предупреждения экспертов о существовании серьезной проблемы в сфере религиозно-государственных отношений, в том числе по противодействию религиозно-политическому экстремизму, реально государство подключилось к реализации программы по подготовке кадров мусульманского духовенства только в 2007 году.

Вместе с тем, как уже отмечалось, уже в конце 80-х - начале 90-х в России, и особенно на Северном Кавказе, при активном влиянии из-за рубежа, начало распространяться ранее мало известное здесь течение в исламе – т.н. «ваххабизм» («чистый ислам», салафизм), представляющее собой радикальное религиозно-политическое движение в суннитском исламе. Крупнейшим материальным и идейным внешним «спонсором» распространения ваххабизма в Российской Федерации стала Саудовская Аравия, а также некоторые другие государства Ближнего и Среднего

Востока. Именно экспансия саудовского варианта ислама (ваххабизма) стала прологом к усилению сначала социальной конфликтности, а затем и политического радикализма исламистских групп во многих республиках Северного Кавказа. Последователи «ваххабитов» стремятся к силовому захвату власти, замене действующего законодательства нормами шариата и построению в перспективе на ряде территорий Кавказа и Поволжья исламского халифата. Идеи и политическая позиция ваххабитов, а также беспрецедентное иностранное влияние породили внутренний конфликт в мусульманских общинах некоторых российских регионов, северокавказского в частности.

С действиями носителей идеологии радикального ислама связаны эскалация вооруженного конфликта в Чечне, открытые вооруженные выступления и террористические акты во многих других северокавказских республиках, а также за их пределами. Террористическая война в последние годы в той или иной мере практически повсеместно распространилась по Северному Кавказу. Терроризм помолодел, интеллектуально окреп, демонстрирует способность к самоорганизации и самовоспроизводству. Особенно тревожная ситуация сложилась в республиках Северо-Восточного Кавказа (Дагестан, Чечня, Ингушетия). Так, по словам командующего Объединенной группировкой войск (ОГВ) на Северном Кавказе генерала Н.Сивака, только на территории Чеченской Республики по состоянию на 27 апреля 2008 г. войска, куда входит и личный состав местной милиции, потеряли 17 человек. За аналогичный период прошлого года погибли 15 военных. В основном погибшие – это местные милиционеры и военнослужащие Внутренних войск. Минобороны в Чечне за первые три месяца этого года потеряло четверых военнослужащих. При этом речь идет о небоевых потерях, то есть несчастных случаях, ДТП и т.д. О сложности ситуации в Чечне говорит и тот факт, что только в этом году силами группировки войск ликвидированы 32 боевика. Это почти столько же, сколько было уничтожено участников незаконных вооруженных

формирований (НВФ) за весь прошлый год. Н.Сивак делает неутешительный вывод: «К сожалению, отток молодежи в ряды боевиков по-прежнему имеет место, многим из тех бандитов, которых мы ловим в горах, от силы 20 лет». При этом генерал приводит две основные причины происходящего. Во-первых, он связывает это с материальным фактором и безработицей в Чечне. По его словам, почти 60% трудоспособного населения не имеют работы. При этом даже работающие люди получают нищенскую заработную плату, которая «в среднем составляет всего 2,5 тысячи рублей в месяц». Вторую причину оттока молодежи к боевикам генерал Сивак видит в сохранившейся оппозиционности населения к местной власти. По его словам, «местное население либо поддерживает бандгруппы, либо относится к ним нейтрально, не противодействует им и не сдает их федеральным силам. Если бы не такое отношение жителей, с бандгруппами давно было бы покончено»¹.

Борьба с «новым терроризмом», как его определили некоторые исследователи², как с особо опасным уголовным преступлением, в Российской Федерации ведется, как и во многих других государствах, по следующим основным направлениям: совершенствование правовой базы, укрепление и улучшение деятельности специальных служб, усиление борьбы с финансированием терроризма³, активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы. Если успехи на первых трех направлениях в последние годы очевидны, то в последней области значимого прорыва не ощущается, особенно непосредственно в мусульманской среде.

Поэтому остро встал вопрос о необходимости подготовки собственных, российских кадров священнослужителей, способных быть активными и эффективными защитниками ценностей традиционных религий и

---

¹ Независимая газета. 2008. 20 мая.

² См., например: Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия / Отв. ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Дону: Ростиздат, 2005. 304 с.

³ Об экономической составляющей терроризма и противодействию его финансированию см. подробнее: Добаев А.И. Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации / Южнороссийское обозрение. Вып. №52. Ростов н/Дону:Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008.

одновременно своего отечества от разлагающего влияния внешнего, квазиваххабитского исламизма. Речь идет о религиозном образовании, и эта проблема стала весьма актуальной для мусульманского сообщества России. Нелишним будет напомнить, что в свое время на распространение радикальных исламистских идей повлияла неспособность традиционного мусульманского духовенства в России что-либо противопоставить изоциренной экстремистской пропаганде.

Внешний фактор воздействия на систему мусульманского образования в постсоветской России неоспорим. Его реализация шла по двум основным направлениям: посредством выезда российской молодежи в другие страны для получения образования и одновременно путем развития системы мусульманского образования непосредственно в стране, зачастую при содействии зарубежных «наставников». Однако этот процесс по-разному проявился в различных регионах России, в том числе и на Северном Кавказе.

На Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия) прослеживаются турецкое влияние, что обусловлено, в том числе, и историческими обстоятельствами (распространение ислама шло из Турции и из вассального Турции Крымского ханства, в Турции сегодня пребывает значительная черкесская диаспора). Поэтому вполне естественно, прежде всего, в Турцию, устремились потоки желающих получить мусульманское образование. Однако некоторая часть молодежи этого северокавказского субрегиона сделала ставку на страны Ближнего Востока (Сирия, Иордания, Королевство Саудовская Аравия и др.). Например, лидеры движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии, близкие к печально известному по событиям 14 октября 2005 г. в Нальчике «джамаату Ярмук», - М.Мукожев и А.Астамиров – получили образование в исламском университете в Эр-Рияде (Королевство Саудовская Аравия, или КСА).

Молодые мусульмане Северо-Восточного Кавказа (Дагестан, Чечня и Ингушетия), в основном, выезжают в Сирию (Дамаск), Египет (Каир, «Аль-

Азхар»), государства Персидского Залива, прежде всего, в КСА. Некоторые тюркоязычные этносы Дагестана (кумыки, ногайцы) предпочитают Турцию.

Первоначально выезд молодежи на учебу за рубеж осуществлялся по двум каналам: официально (по направлению ДУМов) и неофициально (выезды по частным каналам). Те, кто выезжает официально, в рамках заключенных договоров между ДУМами и конкретными учебными заведениями по полной подготовке или переподготовке, получают стипендии, устраиваются с жильем, решаются социальные проблемы. Однако таких «направленцев» официальных исламских учреждений немного, что побуждает определенную часть религиозной молодежи к инициативному выезду по частным каналам, чаще всего по примеру уже обучающихся за рубежом соплеменников. Эта категория молодых людей не обеспечивается стипендиями, жильем и пакетом социальных услуг, а потому легко попадает под влияние радикальных джамаатов и стоящих за ними исламистских фондов.

Сегодня позиция большинства духовных управлений мусульман (ДУМ) и муфтиев России по сравнению с началом 90-х изменилась. Например, Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ, муфтий Т.Таджуддин) считает, что в целях переподготовки за рубеж следует направлять только тех, кто уже получил базовое образование в российских исламских высших учебных заведениях. При этом ЦДУМ ориентируется в большей степени на египетский «Аль-Азхар» и категорически выступает против учебы в Саудовской Аравии. Северокавказские ДУМы и муфтии в последние годы и вовсе стоят на позициях полного запрещения выезда молодежи для получения религиозного образования за рубежом, особенно в КСА.

В целом, по оценочным данным, в течение 1990-х гг. более 4-х тысяч молодых людей получили исламское образование за рубежом. Определенная ее часть была обработана в радикальном ключе. Их последующая после возвращения на родину деятельность, как правило, входит в противоречие с

традиционными на Северном Кавказе течениями ислама. Например, 13.10.2006 г. в Нальчике под эгидой регионального отделения «Единой России» состоялся митинг под лозунгом «Нет террору». На митинг собралось более 5 тыс. чел, в основном из числа молодежи. Выступивший на митинге председатель общественной национальной организации кабардинцев «Адыгэ Хасэ» М.Хафицэ отметил, что среди кабардинцев никогда не было религиозных фанатиков: «Отправляя наших детей учиться в арабские страны, мы порой не замечали, что возвращаются они уже другими людьми, ваххабитами. То, что случилось – беда для каждого из нас. А население республики потеряло значительный пласт генофонда!»¹.

Сегодня в России работает более 2 тыс. имамов, получивших образование за рубежом. Около 3 тыс. шакирдов (студентов) в настоящее время продолжает обучение за рубежом, из которых только 200 человек – по официальным направлениям муфтиятов. Это свидетельствует о том, что государство до сих пор не контролирует процесс направления молодежи за рубеж для получения мусульманского образования со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что касается вопроса культивирования исламского образования непосредственно в России, то в первые постсоветские годы вопросы религиозного образования находились в поле зрения, прежде всего, традиционного мусульманского духовенства. В этот период многие из руководителей местных общин и даже муфтиятов лично проводили уроки по арабскому языку и основам ислама. Занятия проводились либо в мечетях, либо в местных примечетских школах. Что касается руководителей приходов и общин, то их роль в данном процессе не имела существенного значения. Многие из мулл на местах сами были самоучками, а уровень их знаний оставался слабым, что не позволяло им принимать участие в данном процессе.

---

¹ Кабардино-Балкарская Правда. 2006. 14 окт.

Тогда же в России началось формирование системы профессионального мусульманского образования. Уже в конце 80-х гг. при тогда еще существовавшем ДУМЕС открылось медресе им. Ризаэддина бине Фахреддина (Уфа), которое позже приобрело статус института. Следует отметить, что в данном медресе преподавал Верховный муфтий Т.Таджуддин. Продолжительное время медресе руководил ректор Касим-хазрет Селимов, один из немногих людей старой закалки, который с помощью самообразования сумел получить достаточно глубокие знания в области суннитского ислама. Однако с начала 90-х гг. в медресе стали преподавать граждане Турции, в основном представители министерства по делам религии, некоторые из них являлись последователями суфийского ордена «нурджулар»¹.

Следует подчеркнуть, что в 90-е гг. зарубежные мусульманские миссионеры преподавали во многих российских учебных заведениях, а также проводили обучение молодежи на базе самых разнообразных «центров». Весьма значима роль Турции, особенно, как отмечалось выше, на Северо-Западном Кавказе, а также в Поволжье. Как правило, образование молодых мусульман региона при содействии турецких структур осуществлялось по линии известного суфийского ордена «Нурджулар». Деятельность представителей этого турецкого ордена в России на первых порах не вызывала озабоченности ни у властей, ни у российского мусульманского духовенства. Его последователи в массовом порядке приезжали в Россию с начала 1990-х, зачастую при посредничестве духовных управлений мусульман (ДУМ). Часть из них вела деятельность в открывавшихся турецких колледжах, которые внешне носили светский характер, причем с особым упором на изучение турецкого и английского языков. Однако обучение арабскому языку, чтению Корана и т.д. они вели не в колледжах, а, в основном, в мечетях, медресе и непосредственно в домах верующих.

---

¹ Подробнее о становлении системы мусульманского образования в постсоветской России см.: Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность / Отв. ред. И.П. Добаев / Южнороссийское обозрение. № 36. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 172 с.

Турецкая версия «мягкого, модернизированного ислама», дополняющаяся пантюркизмом, с ярко выраженным индивидуализмом самих преподавателей, широкого отклика среди верующих мусульман России, тем не менее, не нашла. В дальнейшем часть из них прекратила миссионерскую деятельность и занялась бизнесом (в основном ввозом и продажей турецких товаров). Однако созданная в этот период сеть «нурджулар» на территории России продолжала действовать, что позволяло представителям данной организации решать широкий спектр задач, вплоть до ведения деятельности в интересах зарубежных спецслужб. Причем, по всей вероятности, не только турецких. В собственной стране к данной организации отношение далеко не однозначное, а руководитель «Нурджулар» Ф.Гюлен был заочно осужден турецкими властями. В настоящее время он находится в США, что вполне может свидетельствовать о связи Ф.Гюлена и его организации с американскими спецслужбами. Известно, что только в 2002 г. органами безопасности России была пресечена деятельность более 50 функционеров «Нурджулар»¹. По некоторым данным, всего функционировало около 30 учебных заведений по всей территории России, которые поддерживались представителями данной организации. Известно также, что часть таких лицеев в Дагестане, Карачаево-Черкессии были закрыты², а в Татарстане была ликвидирована целая сеть подпольных медресе³. Безусловно, под воздействием внешнего фактора отдельные сегменты российского традиционного ислама претерпели определенную трансформацию, дрейфуя к фундаментализму.

Например, процессы, происходившие все 90-е гг. в Карачаево-Черкессии, а с середины 90-х - в Кабардино-Балкарии, свидетельствуют о росте влияния фундаментализма на Северо-Западном Кавказе. Слабые позиции

---

¹ Добаев И.П., Немчина В.И. Указ. соч. С. 187.

² Аллах с нами. Расследование «МК»: турецкая исламская секта успешно осваивает Россию // Московский Комсомолец. 2002. 6 дек.

³ В Татарстане ликвидировали сеть подпольных медресе и секту, их создавшую //

<http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=5157>

традиционного ислама в этом субрегионе способствовали распространению фундаментализма, прежде всего, в среде молодежи. Распространителями фундаменталистской идеологии здесь стали жители КЧР Мухаммад Биджиев и Р.Х. Бурлаков, которые сумели открыть медресе в селе Учкекен Малокарачаевского района КЧР, которое действовало вплоть до 1999 г. Помимо уроков арабского языка, чтения Корана, теологии, в «медресе» уделялось внимание физической подготовке, закупалось оружие, а деятельность последователей радикальных идеологий спонсировалась арабскими странами¹. В свою очередь, как уже отмечалось, лидеры движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии – М.Мукожев и А.Астамиров – получили образование в исламском университете в Эр-Рияде (Саудовская Аравия). Их примеру последовали последующие потоки молодых мусульман региона. Однако радикализации последователей «чистого ислама» в КБР и КЧР во многом также способствовали события, происходившие на Северо-Восточном Кавказе, особенно в Чечне, в которых многие из них принимали участие на стороне бандформирований.

На Северо-Восточном Кавказе наиболее значительное влияние на религиозное образование оказали арабские страны Ближнего Востока, в частности Королевство Саудовской Аравии (КСА) и некоторые другие монархии Персидского Залива. На практике это выразилось в поддержке салафитского (фундаменталистского) движения в этом субрегионе. Так, в 1992 г. было открыто Исламское медицинское училище в Махачкале, с начала 90-х функционировал Государственный исламский институт в Грозном, где обучалось 420 студентов одновременно, а преподавателями в нем работали 12 выходцев из Судана, Иордании, Сирии и других арабских стран².

---

¹ Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России / Под общ. ред. И.П. Добаева. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 162–163.

² Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 79–80.

Первыми же местными проповедниками «чистого ислама» были дагестанцы - Аббас и Багауддин Кебедовы, занимавшиеся полуподпольным обучением своих последователей в Дагестане еще в бытность СССР. Другим, умеренным сторонником фундаментализма, был Ахмад-кади Ахтаев. Наиболее радикальным представителем салафийи догматического толка считался Аюб Астраханский.

Б.Кебедов организовал в Махачкале исламский центр «Кавказ», издавал газету «аль-Халиф», а в Кизилюрте им было открыто медресе, где обучалось до 700 студентов ежегодно и которое действовало с 1989 по 1997 гг. В селе Первомайском Хасавюртовского района им был открыт известный издательский центр «Сатланда», который тиражировал внушительное количество фундаменталистской литературы, которая распространялась не только по Северному Кавказу, но и по всем регионам России. Именно Б.Кебедову удалось наладить связь с «благотворительными» фондами арабских стран, которые финансировали деятельность фундаменталистов, что впоследствии вызвало раскол в среде дагестанских салафитов. Относительно умеренный А.Ахтаев «упустил инициативу» и не смог наладить просветительский процесс, в отличие от более радикального М.Кебедова¹. На территории Северо-Восточного Кавказа действовали также зарубежные эмиссары, в частности гражданин Египта Сервах Абид Саад, который прибыл в Дагестан в 1992 г. и возглавлял российское отделение общества «Икраъ», координируя деятельность с представителями властей КСА и саудовскими спецслужбами. Именно Сервах, способствовал выезду дагестанской молодежи в известный египетский университет Аль-Азхар².

Следует отметить, что существенную роль в радикализации исламского движения в современной России сыграли события, происходившие в Чечне. На ее территории в начале 90-х стала исподволь формироваться инфраструктура по подготовке боевиков под прикрытием «изучения основ

---

¹ Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. С. 69-70.

² Добаев И.П., Немчина В.И. Указ. соч. С. 184-186.

ислама». На деньги экстремистских организаций в Чечне была развернута сеть лагерей – «квазимедресе». Под руководством саудовца Хаттаба в середине 90-х в селении Сержень-Юрт Шалинского района был создан «учебный центр», который состоял из пяти лагерей, а «курсанты» изучали арабский язык, шариат и военное дело (тактика партизанской войны, подрывное дело и т.д.). В конце 1997 г. уже упомянутый выше дагестанец Б.Кебедов перебрался из Дагестана в Чечню (Урус-Мартан), где возник другой крупный «ваххабитский центр», откуда и координировались действия радикалов на территории Дагестана¹.

Указанные обстоятельства настоятельно потребовали переосмысления места и роли системы мусульманского образования в нашей стране, улучшения взаимодействия государства и исламских институтов в этой сфере. Особенно остро эта проблема стоит перед органами власти и управления в Южном федеральном округе (ЮФО).

В настоящее время на территории ЮФО функционируют 20 высших исламских учебных заведений (ВИУЗов), около 170 средних специальных исламских учебных заведений - медресе, а также около 300 начальных исламских учебных заведений - мактабов, в которых обучается около 17 тысяч учащихся. В подавляющем большинстве - это приверженцы одного из основных направлений в исламе - суннизма. Из общего количества студентов около 14 тыс. человек, или примерно 85%, учатся в исламских учебных заведениях Дагестана.

Вместе с тем, несмотря на значительное количество исламских ВУЗов, система исламского религиозного образования Северного Кавказа до сих пор не составляет реальной конкуренции зарубежным образовательным центрам. Только из Республики Дагестан в последние годы на обучение в эти центры выехало около 1500 молодых людей (возвратилось после обучения в республику около 500 человек). В результате имамы - приверженцы

---

¹ Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Указ. соч. С. 108-109.

традиционного ислама – постепенно вытесняются из мечетей их более образованными конкурентами, получившими образование за рубежом.

13 июля 2006 года на встрече с членами Координационного Центра мусульман Северного Кавказа полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (в тот период – Д.Н. Козак) поддержал предложение исламских лидеров о формирования конкурентоспособной отечественной исламской образовательной инфраструктуры на Северном Кавказе. Как следствие, в регионе пошел процесс формирования двух крупных исламских образовательных центра:

- для последователей шафиитского мазхаба - на базе Северо-Кавказского университета им. Мухаммада Арипа, расположенного в Махачкале (лицензия Министерства образования и науки Российской Федерации №24-0669 от 24.01.02 г.);

- для последователей ханафитского мазхаба - на базе Исламского института в г. Нальчике (лицензия Министерства образования и науки Российской Федерации №0984 от 07.07.2003г.).

Были подготовлены учебные программы центров, утвержденные Советами Алимов, началось формирование материально-технической базы. Финансирование данного проекта осуществлялось из средств федерального «Фонда поддержки исламской культуры и образования». Предполагалось, что выпускники базовых отечественных исламских образовательных центров будут обладать приоритетом при назначении имамов северокавказских мечетей.

Однако в переходный период, до образования базовых образовательных учебных центров и их филиалов, через указанный фонд поддержка одновременно оказывалась: в Республике Ингушетия - Исламскому институту (станция Орджоникидзевская), медресе «Аль-Мухтар», (г. Малгобек); в Чеченской Республике - Исламскому институту им. А-Х.Кадырова (п. Курчалой), медресе «Кавказ» (с. Старые-Атаги), медресе «Иман» (с. Шатой),

медресе им. Габиса (с. Нойбер Гудермесского района), медресе «Алим» (г. Грозный).

В настоящее время на базе Северо-Кавказского университета им. Мухаммада Арифа, (лицензия Министерства образования и науки Российской Федерации №24-0669 от 24.01.02 г), распоряжением председателя ДУМ Дагестана А.Абдуллаева от 14.03.07г. в Махачкале образован ***Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки***. В состав Университетского центра вошли: Дагестанский исламский университет им. Мухаммад-Арифа (численность студентов 570 чел.), Институт теологии и религиоведения (численность студентов 450 чел.), Ингушский исламский университет (численность студентов 120 чел.), Чеченский исламский институт им. А.Кадырова (численность студентов 220 чел.).

При Университетском центре создан Ученый Совет, куда входят авторитетные исламские и светские ученые, представляющие перечисленные учебные заведения. Действует отдел науки и религиозных исследований, отдел по разработке учебно-методических комплексов и учебной литературы по исламским наукам, отдел по качеству образования и аттестации религиозных учебных заведений. Закуплена учебная мебель и оргтехника, произведены ремонтные и другие организационные работы, необходимые для учебного процесса. Отделом науки и исследований разработаны соответствующие рабочие программы по религиозным дисциплинам, учебники и учебно-методические пособия. Институтом теологии и религиоведения разработан специальный стандарт по подготовке священнослужителей среднего профессионального уровня и по нему лицензировано три средних мусульманских профессиональных учебных заведения (медресе).

Университетский центр взаимодействует с Северо-Кавказским государственным техническим университетом (Ставрополь), между которыми в июле 2007 г. распоряжением Правительства РФ и приказом

Минобрнауки России заключен Договор о сотрудничестве. В рамках данного договора в 2007 г. проведено совместных работ на сумму около 7 млн. руб. Центр также взаимодействует с Фондом поддержки исламской культуры, науки и образования. На основании подписанного между ними договора Фонд внес пожертвований на сумму около 2 млн. руб. на учебные цели.

На базе исламского института при Духовном управлении мусульман Кабардино-Балкарской Республики (Нальчик, КБР) в июне 2007 г. создан ***Северо-Кавказский исламский университет имени Имама Абу Ханифы***. На сегодняшний день на четырех курсах университета обучается около 70 студентов.

В целях создания системы подготовки специалистов по истории и культуре Ислама, направленной на профилактику экстремизма и формирования у обучающихся установок толерантности, был разработан комплексный план мероприятий, к которому первоначально подключился Кубанский государственный университет, однако в 2008 г. в связи с невыполнением договорных обязательств и неосвоением выделенных средств КГУ был заменен на Пятигорский государственный лингвистический университет (ПГЛУ).

Основными целями деятельности Университетского центра в Махачкале и Университета в Нальчике является:

- подготовка современных высококвалифицированных служителей исламского культа и исламских теологов;
- повышение квалификации имамов и других служителей исламского культа, переподготовка и специализированная подготовка кадров по отраслям исламского знания;
- содействие в подготовке специалистов - исламоведов для субъектов Северо-Кавказского региона и других регионов Юга России.

Учебный процесс по подготовке священнослужителей и исламоведов направлен на внедрение современных образовательных и научно-информационных технологий, совершенствование системы религиозного

образования и науки в целом, а также адаптацию его к условиям российской светской системы образования.

По вполне объективным, исторически обусловленным, причинам наиболее масштабная деятельность по укреплению отечественного мусульманского образования осуществляется на Северо-Восточном Кавказе, прежде всего, в Дагестане, самом исламизированном субъекте РФ. В этой республике религии обучаются не только дети и молодежь, но и взрослое население. Для последних в городах существуют вечерние школы. Многие получают исламское образование на дому.

Всего в Дагестане официально обучаются исламу около 7000 чел., в том числе: в вузах около -2500 чел., в филиалах вузов - более 700 чел., в медресе - более 3000 чел., в начальных школах - около 700 чел.

Примечательно, что исламская общественность, учитывая существующие проблемы с аттестацией религиозных вузов в РФ и трудоустройством выпускников, начала осваивать новую форму организации исламского образования - создание теологических вузов с программами, соответствующими государственному стандарту по специальности «теология». Это должно позволить им получить государственную аккредитацию и соответствующие права, в том числе льготу для своих студентов на отсрочку от призыва в армию.

В настоящее время в республике действуют 3 теологических института: Исламский Университет им. Саидбега Даитова в Хасавюрте (ректор Исаев Ахмед, 150 студентов, университет имеет соответствующие регистрацию и лицензию); Институт теологии и религиоведения в Махачкале (ректор - Садыков Максуд, 250 студентов, имеет регистрацию и лицензию), Институт теологии и религиоведения им. Сайда Афанди в селении Чиркей Буйнакского района (ректор А.Ацаев, 50 студентов).

Как отмечалось выше, в 2007 г. в Махачкале создан Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки (СКУЦИОН, президент - М.Мутаилов, вице-президент - М.Садыков). Его учредителями

являются Институт теологии и религиоведения (г. Махачкала), Дагестанский исламский университет (бывший СКИУ), Чеченский исламский институт им. А.Кадырова и Ингушский исламский институт. Государство, через Министерство образования и науки РФ, Фонд развития исламской культуры, образования и науки, финансирует работы по составлению и изданию учебно-методических материалов, учебников и учебных пособий по религиозным дисциплинам.

Общее количество обучающихся в исламских учебных заведениях в Дагестане в 2008 г. по сравнению с 2005 г. сократилось на 700 чел. Примерно около 300 чел., что составляет примерно около 30 процентов выпускников этих учебных заведений, работают в качестве исламских служителей культа (имамами и помощниками имамов в мечетях) и преподавателями в исламских учебных заведениях (вузах, медресе – средние исламские школы, мактабах - начальные школы) республики.

Большинство исламских учебных заведений (ИУЗ) действуют, как и мечети, в Центральном, Северном и равнинном Дагестане. Наиболее авторитетными исламскими вузами являются: Дагестанский университет им. Мухаммада Арифа в г. Махачкале, Университет имени имама Шафии в Махачкале, Университет им. С. Кадия в Буйнакске, Исламский университет им. имама Ашъари в Хасавюрте.

Однако, несмотря на определенные позитивные подвижки в деле отечественного мусульманского образования на Северном Кавказе, по-прежнему значительным остается количество дагестанцев, обучающихся в зарубежных исламских учебных заведениях. Всего, по разным оценкам, количество выехавших на учебу составляет более 1000 чел. Наибольшее количество обучающихся, по имеющимся в Комитете Правительства РД по делам религий сведениям, находятся - в Сирии (256 чел), Египте (185), Турции (140), Пакистане (96), КСА (59), Иране и др. странах. Несколько десятков человек обучаются в таких странах, как Иордания, Тунис и др.

Таким образом, несмотря на принимаемые меры, проблема укрепления отечественного мусульманского образования еще далека от своего решения. Именно поэтому начатый позитивный процесс с участием государства не должен превратиться в кратковременную пропагандистскую кампанию. Этот серьезнейший вопрос следует рассматривать как долговременный фактор, и относиться к нему соответственно.

Заключение

Вышедший в конце XX в. на мировую арену качественно новый, неизвестный ранее транснациональный терроризм, зачастую имеющий исламистскую окраску, безусловно, был предопределен процессами глобализации и установления нового мирового порядка¹. Курс на однополярную глобализацию, осуществляемый в интересах Запада, прежде всего США, является явной угрозой гармоничному развитию человечества, традиционных конфессий и национальных культур. Глобализация по-американски разрушает традиционный жизненный уклад, подрывает основы веры, внедряет в общество нормы и штампы, несовместимые с исламскими представлениями о благочестии, негативно влияет на молодое поколение, отрывая его от веры отцов, от нравственных и культурных корней².

Безусловно, глобализация по-американски не может быть принята представителями других цивилизаций, прежде всего, исламской, так как эти две цивилизации (западно-христианская и исламская) равно претендуют на мировое господство. И если первая из них сформировалась к XVIII - XIX вв., то ислам именно в наши дни бурно переживает свое «второе рождение», что, безусловно, связано с ростом экономического могущества и международного влияния мусульманских стран. Такой подход к проблеме позволяет понять один из существенных мотивов нынешней глобальной активизации ислама: информационной и материальной мощи и экспансии сегодняшнего

---

¹ См. об этом: Добаев И.П., Бережной С.Е. «Новый терроризм»: вызовы XXI века // Южный Федеральный. 2004. 16 июня.

² Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 377.

Западного мира сопутствует существенное ослабление его духовного потенциала. Исламское «контрнаступление», начавшееся в 70-х гг. XX в., есть, в сущности, выражение протеста сакральной культуры Священного писания (Коран, по мнению мусульман, представляет собой последнюю священную книгу единого для всех людей Бога - Аллаха, ниспосланную «печати пророков» Мухаммеду – И.Д.) против обмирщенной культуры аудиовизуальных средств. Кроме того, этот протест налагается и даже резонирует с неприятием большинством населения планеты несправедливого перераспределения жизненных благ в пользу «золотого миллиарда», представляющего собой все тот же Запад, западно-христианскую цивилизацию¹.

Начиная с эпохи средневековья (серия «крестовых походов» - И.Д.) и практически по настоящее время фиксируется период глобального натиска христианско-европейских обществ на исламский мир. Нынешняя инверсия этого макроисторического движения, фиксируемая на мусульманском Востоке в виде антиамериканизма и антизападничества, представляет собой некое восстановление исторической справедливости, компенсацию вековых обид. В этой связи в отношениях с христианским Западом мусульмане отнюдь не считают себя агрессорами. По их мнению, они уже тысячу лет испытывают нажим со стороны христианской цивилизации и считают необходимым дать отпор, что и реализуется, в том числе, в специфической деятельности адептов современного радикального исламского движения.

Рассматривая ход мирового политического процесса под таким углом зрения, становится очевидным, что «новый терроризм» представляет собой системный вызов складывающемуся однополярному мироустройству при «глобальном лидерстве США»², в котором обеспечение безопасности все еще продолжает, в основном, оставаться функцией отдельных государств.

---

¹ Рашковский Е.Б. Ислам: от племенных обществ - к постиндустриальной эпохе // Восток. 2001. №1. С. 150.

² См. об этом: Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.

Терроризм аккумулирует и усиливает опасность неконтролируемого проявления многих серьезнейших угроз выживанию человечества, в частности распространения оружия массового уничтожения, включая ядерное. Он тесно переплетается с другими дезорганизующими факторами, способствующими уничтожению и деградации человеческих ресурсов, - наркотрафиком, организованной международной преступностью, работорговлей и др. Особенностью терроризма, порожденного современным общественным развитием, является то обстоятельство, что по уровню использования преимуществ глобализации он опережает межгосударственные объединения, функционирующие в сфере безопасности. В этой связи некоторые исследователи определили его как «новый терроризм»¹.

Взаимосвязь между чудовищными метастазами терроризма и меняющейся действительностью все очевиднее. Сегодня одна пятая часть человечества присваивает 80 процентов мирового богатства. Если в конце XIX в. самая богатая страна мира по доходам на душу населения девятикратно превосходила самую бедную, то сейчас это соотношение составляет сто к одному².

Те страны и группы населения, которые не имеют возможности испытать на себе политические и экономические преимущества глобализации, осознают, что она ведет к утрате их идентичности, значимости, разрушает традиции, обычаи, ценностные ориентиры. В результате возникает протестный электорат, который при умелом манипулировании им с помощью агрессивных, в последние два десятилетия преимущественно религиозных, лозунгов становится источником кадрового пополнения террористических структур. В наибольшей степени такой процесс характерен для стран мусульманского Востока. Поэтому не

---

¹ См., например: Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия / Отв. ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Дону: Ростиздат, 2005.

² Адамишин А. На пути к мировому правительству // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. С. 13.

случайно, что преимущественно там сегодня продуцируются экстремистские и террористические угрозы и вызовы человечеству.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что важным фактором, укрепляющим возможности исламских радикалов, выступает неуклонное проникновение исламизма во всех его формах на Запад, особенно в Западную Европу и в США. Дело в том, что либеральная политика многих западных стран, прежде всего Англии, Германии, Франции и США, позволила экстремистам из стран Ближнего и Среднего Востока создавать здесь своего рода форпосты для обеспечения своей деятельности по всему миру и расширения влияния.

Экстремисты населяли эти страны по каналам иммиграции и получения политического убежища. Они успешно пользовались преимуществами демократических и либеральных норм в этих странах, чтобы организовать и сформировать за рубежом эффективные террористические структуры для последующего их использования. Политические реалии этих стран создали им возможности эффективно направлять и финансировать нелегальную деятельность своих последователей не только в этих странах, но и за их пределами. Терпимая политика Запада и США обеспечивала им безопасное пребывание в этих странах, а доступ к мощным коммуникационным системам и возможность быстрого и непосредственного перевода финансовых потоков позволили укрепить их материальную независимость, сделали их структуры мощными и почти неуязвимыми. Кроме того, их действия до некоторых пор не считались противоправными в силу того, что они, как правило, были направлены не против стран их пребывания, а государств исхода или других стран.

Вместе с тем, современный процесс глобализации, как свидетельствует практика, приводит не к исчезновению, а к новому восходу локальных идентичностей, культур, общностей, к нарастающей фрагментации и плюрализации общества. В Европе, например, общности, ранее якобы интегрированные в национальные государства, сегодня выступают за свою

обособленность, автономию и т.д. Принцип «плавильного котла», где разные расы, этносы, языковые группы исчезают, и появляется некая интегрирующая их идентичность, сегодня не работает ни в США, ни в Западной Европе¹. К чему это приводит, хорошо известно на примере событий 11 сентября 2001 г. в США, 2004 г. – в Испании, 2005-2006 гг. – в Великобритании и Франции, 2007 г. – в Англии и Шотландии.

Террористические группировки рождаются и функционируют вне поля правового регулирования и способны пронизывать все общество. Они могут развиваться и функционировать в любой – нейтральной, дружественной или враждебной – среде и создавать свою инфраструктуру на транстерриториальной основе, опираясь на современные коммуникативные технологии, легальные и нелегальные методы мобилизации и использования людских ресурсов. Они накрепко спаяны общей идеологией, какую бы окраску она не принимала (яркий пример – человеконенавистническая идеология радикального исламизма, которая делит мир на «своих – единопольников» и «чужих – врагов ислама» - И.Д.), что снимает проблему оправдания человеческих жертв, способствует жесткости внутренней организации и повышению уровня ее конспиративности.

Вместе с тем, «новый терроризм» отличается от прежних форм терроризма организационно, поскольку напрямую связан с концепцией т.н. «сетевой войны», впервые выдвинутой в 1996 г. сотрудниками RAND Corporation Джоном Аквиллой и Дэвидом Ронфельтом².

Практически изначально концепция «сетевой войны» подразумевала решающую роль информации в будущих военных конфликтах, а ключом к успеху считалось достижение информационного превосходства. В таком контексте «сетевая война» подразумевает создание децентрализованной сети

---

¹ См. подробнее об этом: Добаев И.П. Экстремистские группировки в США: исламский фактор // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 1; Он же. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4. С. 50-56.

² Arguilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar / In Athena's Camp: Preparing for Conflict in Information Age // RAND Corporation. 1997. P. 275.

«информационно оснащенных бойцов», способных обеспечить решительную бескровную победу путем направленного уничтожения ключевых «нервных центров» - систем управления противника¹.

Несколько позже эти же авторы развили идею построения вооруженных сил на сетевой основе в концепции «роения» (swarming). Под ним понимают внешне аморфные, но тщательно структурированные и скоординированные действия разнородных сил с различных направлений и на всю глубину территории противника². Такие действия, по мнению разработчиков концепции, будут наиболее эффективными в случае скоординированного взаимодействия множества мелких самостоятельных маневренных подразделений.

Результаты концептуальных проработок в области сетевой организации ВС легли в основу инициативы «Армия будущего». Данная программа основывается на двух взаимосвязанных базовых принципах ведения боевых действий в будущем: скорости (маневренность) и знаниях (наличие и использование информации). В соответствии с этим легкие силы должны быть гибкими и обладать возможностью развертывания на удаленных театрах военных действий (ТВД) в короткие сроки.

Однако военные достижения в области «сетевой войны» были быстро усвоены современными террористическими организациями и группировками (многие из них, в частности «Аль-Каида», «Талибан» и др. возникли при содействии спецслужб США и дружественных им государств). Ряд террористических организаций, усвоив последние военные достижения в области «сетевой войны», начали строить свои организационные структуры по типу «паучьей сети», обладающей повышенной устойчивостью к внешним воздействиям и гибкостью, от стратегии фронтальных сражений перешли к террористической тактике «пчелиного роя». При этом элементами сетевых

---

¹ Бедрицкий А.А. Эволюция американской концепции информационной войны // Аналитические обзоры Российского института стратегических исследований. М., 2003. № 3. С. 20.

² Arguilla J., Ronfeldt D. Swarming and Future of Conflict // RAND Corporation. National Defense research Institute. 2000. P. 4.

структур становятся как самостоятельные группы, так и отдельные индивидуумы. Элементы сетевых структур могут объединяться для выполнения конкретных задач и временно прерывать свою деятельность после их выполнения, не подвергая опасности существование всей сети.

Стратегия деятельности этих организаций базируется на принципах, сформулированных в свое время одним из лидеров египетской «Джихад ислами» Айманом аз-Завахири, который обозначил их следующим образом: необходимо создавать небольшие группы, которые наиболее пригодны в борьбе против врага; как одно из самых эффективных орудий следует использовать «готовность моджахедов к самопожертвованию»; каждый регион и страна требует выработки адекватной стратегии ведения джихада¹.

Каждая группа, партия, структура современного террористического движения предельно автономна и нередко даже атомизирована. Члены ячейки, состоящей из трех-пяти человек, знают только своего руководителя, который, в свою очередь, знаком только лишь с непосредственным руководителем. Очень часто группировка, партия представляют собой сложное «многопрофильное» объединение, в которое входят политическое, экономическое (финансовое) звенья и подразделение «прямого действия», иначе говоря, непосредственные исполнители терактов. Его состав непостоянен². Наличие в террористической группировке собственной финансовой составляющей снижает ее зависимость от внешнего спонсора. Это, например, ослабляет их зависимость от государств-спонсоров, в частности от Саудовской Аравии, что делает действия террористов еще более непредсказуемыми. Этим директор американского ФБР Роберт С. Мюллер объясняет, в частности, высокую мобильность и адаптивность «Аль-Каиды» (а, следовательно, всей террористической сети)³.

---

¹ См. об этом подробнее: Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. М., 2003.

² Малашенко А.В. Бродит ли призрак «исламской угрозы»? // Московский Центр Карнеги. Рабочие материалы. М., 2004. № 2. С. 12.

³ Testimony of Robert S. Mueller, III Director of Federal Bureau of Investigation before the Select Committee on Intelligence of the United States Senate. 2004. Feb. 24. P. 2.

В результате управленческая пирамида нынешних террористических организаций становится все более сглаженной, входящие в нее отдельные группы могут действовать почти автономно и даже существовать отдельно. Например, структура «Аль-Каиды» в настоящее время состоит из ряда слабосвязанных друг с другом субъектов действия. Сегодня «Аль-Каида» - это, скорее всего, родовое название любой исламистской группы, стоящей на антиамериканских позициях. Подобные образования имеются не только в мусульманском мире, но везде, где есть мусульманские общины. Расследование, проведенное ФБР в отношении теракта 11 сентября 2001 г., пришло к выводу, что одной из основных причин успеха террористов стало то, что исполнители терактов до этого были совершенно не известны в мире радикального ислама. Все угонщики никогда не привлекались к уголовной ответственности, не были связаны с политическими партиями, многие происходили из обеспеченных семей. Следствие пришло к выводу, что они действовали небольшой автономной группой и не были связаны с террористами в какой-либо стране¹.

В силу слабой иерархической связи в организациях, подобных «Аль-Каиде», им трудно проводить операции стратегического плана с подключением всех имеющихся у террористов сил и средств. Вместе с тем, отсутствие четко выраженного единого центра создает большие сложности и для силовых структур в плане уничтожения всей организации.

Таким образом, основные черты «нового терроризма», нередко прикрывающегося исламом, являющегося продуктом глобализационных процессов и углубившегося социально-экономического расслоения в современном мире, заключаются в следующем: структурно он не замыкается в рамках одного региона, деятельность отдельных террористических групп организационно предельно децентрализована, однако фиксируется общность идеологических доктрин и целей; террористические структуры, в принципе, в

---

¹ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия.- Ростов н/Дону, 2005. С. 27.

состоянии осуществить акции с применением оружия массового уничтожения и современных технологий, что может привести к последствиям катастрофического характера не только для отдельных государств, но и всего мирового сообщества; отличительной особенностью стала высокая степень адаптации террористических организаций к реалиям современного мира, действующих как строго иерархически, так и с «размытым» управленческим механизмом, наличие структур, организованных по типу «паучьей сети», а также полностью независимых. Его отличительной чертой на данном историческом этапе является также беспрецедентное включение исламского компонента, особенно в идеологические конструкторы многочисленных террористических структур.

Однако современный сетевой терроризм ни в коем случае не тождествен введенному в оборот в конце XX века понятию «международный терроризм», этому явно идеологизированному изобретению исламофобов «империи подлости»¹, имеющей главной целью установление своего господства в постбиполярном мире. Известный принцип англо-саксонской политики «разобщи и властвуй» здесь явно доминирует: устроителям «нового мирового порядка» очень хочется столкнуть в прямом противоборстве представителей других цивилизаций, а самим остаться над схваткой, воспользоваться плодами ослабления своих геополитических противников. Именно такова политика США в исламском вопросе, когда они желают противопоставить Россию «исламскому миру», предоставив ей незавидную роль громоотвода инспирированных ими же исламистских угроз. Поэтому России не стоит даже на словах поддерживать американскую версию «международного терроризма», однако следует противостоять внешним конфликтогенным факторам развития ситуации в своих регионах, подпитывающим внутренние противоречия и конфликты, запрограммированные в свое время устроителями распада Советского Союза и развала социалистической системы, противопоставив четко выверенную

---

¹ См. об этом: Елецкий Н.Д. Указ. соч.

систему мер. Внутренние же конфликтогенные факторы следует постепенно, шаг за шагом, ослаблять и устранять, в этом случае несостоятельным окажется пресловутый фактор внешнего геополитического давления. Соответственно, канет в небытие и «современное террористическое движение» в регионах страны.

Литература

Агрономов А.И. Джихад. Священная война мухаммедан. Казань, 1877.

Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Дону, 2004.

Акаев В.Х. Религиозно-политический конфликт в Чеченской Республике Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). 1999. № 4.

Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? Махачкала, 1999.

Аллах не любит Америку / Под ред. А. Парфея. М., 2003.

Ансимов Ю.Н., Алтунин В.Н. Антитеррористическая деятельность и борьба с экстремизмом: опыт, организация, правовая основа. Майкоп, 2003.

Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование М., 1998.

Арухов З.С. Ваххабизм и духовенство в политической структуре саудовского общества. Махачкала, 2002.

Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999.

Ахмадуллин В., Мельков С. Государственно-исламские отношения в России. М., 2000.

Ахтаев А. Как выбить почву из-под ног экстремизма? // Знамя Ислама. 1997. № 2.

Бабкин С.Э. Религиозный экстремизм в Алжире. М., 2001.

Беглова Н.С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология. 1991. № 1.

Бедрицкий А.В. Роль информационных технологий в современном терроризме и основные направления противодействия новым формам терроризма // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник статей / Под ред. В.И. Кривохижи; Рос. инс-т стратегич. исслед. М., 2003. Вып. 10. С. 88-115.

Белая книга российских спецслужб. М., 1996.

Беляев С.С. О борьбе с международным терроризмом // Государство и право. 1998. № 3.

Белокреницкий В. Элементы «большой игры» в войне Запада против терроризма // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6 (18).

Бережной С.Е. Исламский фундаментализм на Юге России. Ростов н/Дону, 2004.

Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2002.

Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России. Ростов н/Д, 2003.

Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. СПб., 1999.

Бжезинский Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.

Васильев А.М. Египет и египтяне. М., 1986.

Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М., 1999.

Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство саудидов в Аравии (1744/45 – 1818). М., 1967.

Ваххабиты, XVIII - XX века. Историческое исследование / Сост. С.А.Шумов, А.Р.Андреев. М., 2002.

Вызовы XXI века: мировое сообщество против терроризма. Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС. М., 2002. № 2-3.

Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001.

Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: особенности его проявления на Северном Кавказе. Махачкала, 2002.

Гаджикович Р. Терроризм и пропаганда // Актуальные проблемы Европы. Проблема терроризма. М., 1997.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана (пер. с англ.). М., 1998.

Глуценко Ю.Н. Исламский фактор во внешней политике США: трагедия 11 сентября как бумеранг «холодной войны» // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник статей / Под ред. В.И. Кривохижи; Рос. инс-т стратегич. исслед. М., 2003. Вып. 10. С. 5-50.

Грачев А.С. Тупики политического насилия. Экстремизм и терроризм на службе международной реакции. М., 1982.

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

Добаев А.И. Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации / Южнороссийское обозрение. Вып. № 52. Ростов н/Дону, 2008.

Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д, 2000.

Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д, 2001.

Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ. Ростов н/Д, 2002.

Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003.

Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. Ростов н/Д, 2004.

Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов н/Д, 2005.

Добаев И.П. Кавказский макрорегион в фокусе геополитических

устремлений мировых держав: история и современность. Ростов н/Д, 2007.

Добаев И.П. Исламский радикализм в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). 2000. № 6 (12).

Добаев И.П. Северный Кавказ: традиционализм и радикализм в современном исламе // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 6.

Добаев И.П. Формы борьбы с религиозным экстремизмом на Юге России // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития. Ростов н/Д, 2001.

Добаев И.П. К вопросу о типологии радикального исламского движения // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). 2002. № 3 (21).

Добаев И.П. Неправительственные религиозно-политические организации исламского мира // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4.

Добаев И.П. Радикальные идеологии в исламе: история и современность // Ислам в России. Взгляд из регионов. М., 2007.

Добаев И.П. Экстремистские группировки в США: исламский фактор // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 1.

Добаев И.П. Радикализация ислама в Крыму // Юг России и Украина в геополитическом контексте. Южнороссийское обозрение. Вып. 40. / Под ред. И.П.Добаева, В.В.Черноуса. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007.

Добаев И.П. Ислам и политика в северокавказском регионе России // Ислам на Юге России / Сост. и отв. ред. А.В.Сызранов. Астрахань: Изд-во АФ ВАГС, 2007.

Добаев И.П. Политические процессы в исламском движении на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1.

Добаев И.П., Добаев А.И. Роль и место неформальных систем денежных переводов в финансировании террористических организаций //

Современные проблемы экономической безопасности на Юге России / Отв. ред. И.П. Добаев / Южнороссийское обозрение. Вып. 50. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФО, 2008.

Добаев И.П. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // *Мировая экономика и международные отношения.* 2008. № 4.

Добаев И.П. Механизмы и технологии осуществления Западом «цветных революций» на постсоветском пространстве // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС.* 2008. № 2.

Добаев И.П. Мусульманское образование в России и на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы // *Экономико-географический вестник Южного федерального университета.* 2008. №5.

Добаев И.П. Идеологические установки и практика исламистских организаций на Юге России в условиях социальных трансформаций // *Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск.* 2008. № 1.

Добаев И.П. Раскол уммы Северного Кавказа: негативные последствия явления // *Российское общество: историческая память и социальные реалии: Мат. межрег. науч.-практ. конф. (XIV Адлерские чтения, 3-7 октября 2008 г., Адлер).* Адлер, 2008.

Дрожжин С. Исламизм в Германии // *Аналитические записки. Сб. статей / Под ред. А.Г. Оганесяна.* 2004. № 11.

Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1999.

Евстафьев Д.Г., Чекалкин В.И. Международный аспект ближневосточного терроризма // *Политические исследования.* 1991. № 4.

Емельянов В.П. Проблемы ответственности за международный терроризм // *Государство и право.* 2000. № 1.

Емельянов В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // *Государство и право.* 2000. № 3.

Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. М., 1999.

Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Минск, 1999.

Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003.

Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. М., 1989.

Игнатенко А.А. Зеленый Интернетционал. Всемирное исламистское движение в преддверии XXI века приобретает парадоксальные формы // “НГ-Религии”. 1999. 24 марта.

Игнатенко А.А. Исламский радикализм как побочный эффект холодной войны // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13).

Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1988.

Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8).

Идрис Абдуллах. Ваххабизм: история проблемы // Мусульмане. 2000. № 1(4).

Ислам и исламизм / Под ред. Е.М. Кожокина, В.И. Максименко. М., 1999.

Ислам и политика / Отв. ред. В.Я.Белокриницкий и А.З.Егорин. М., 2001.

Исламизм: глобальная угроза? // Научно-исследовательский институт социальных систем. Серия: Научные доклады. № 2. М., 2000.

Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. М., 2003.

Йонсон Лена. Политический ислам и конфликты в Евразии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4(5).

Коран / Пер. И.Ю.Крачковского. М., 1990.

Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М., 1990.

Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. М., 2003.

Крымский А.Е. Ваххабиты. М., 1912.

Кудрявцев А. “Ваххабизм”: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3 (9).

Кудрявцев А.В. Ислам на Северном Кавказе // Постсоветское мусульманское пространство: Религия, политика, идеология. М., 1994.

Кузнецов Ю.П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. СПб., 1998.

Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. Ростов н/Дону, 2006.

Лебедева М. Межэтнические конфликты на рубеже веков // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5.

Левин З.И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999.

Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX – XX вв. М., 1993.

Левшуков Р.А. Религиозный экстремизм в Карачаево-Черкесской Республике // Ислам на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2001.

Литвинов Н. Борьба с терроризмом в современной России: проблемы и парадоксы // Власть. 1997. № 9.

Личидов В.В. Вопросы международного сотрудничества по предотвращению и борьбе с химическим и биологическим терроризмом // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник статей / Под ред. В.И. Кривохижи; Рос. инс-т стратегич. исслед. М., 2003. Вып. 10. С. 51-87.

Льюис Б. Ислам и Запад. М., 2003.

Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М., 1987.

Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991.

Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. М., Ростов н/Д, 1999.

Магомеддадаев А.М. «Исламская» Россия? Политический ислам на Северном Кавказе: роль внешнего влияния (на примере Дагестана) // Донской юридический институт. Ученые записки. Т. 23. Ростов н/Дону, 2004.

Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М.,

2000.

Максименко В.И. Фундаментализм и экстремизм в исламе. Предисловие // Ислам и исламизм / Под общ. ред. Е.М.Кожокина и В.И.Максименко. М., 1999.

Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2004.

Мальшева Д.Б. Братья-мусульмане как идейно-политическая сила в арабском мире // Идейно-политические течения в арабских странах. Реферативный сборник ИНИОН. М., 1983.

Мальшева Д. Проблемы безопасности на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (3).

Марченко Г.В. Россия на Кавказе. Военно-исторический аспект национальной политики в Северокавказском регионе в 20-90 годы XX в. Ростов н/Д, 1999.

Медведко Л.И., Германович А.В. Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики. М., 1988.

Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. М., 2001.

Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1996.

Милославская Т.П. Начальный этап деятельности ассоциации “Братьев-мусульман” // Религии мира. История: Ежегодник. М., 1982.

Мирский Г. Исламский фундаментализм и международный терроризм // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6 (18).

Млечин Л.М. Кто взорвал Америку? М., 2002.

Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность. Ростов н/Дону, 2006.

Полонская Л.Р. Современный исламский фундаментализм: политический тупик или альтернатива развития? // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11.

Поляков К.И. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в

России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под. ред. А.Малашенко и М.Б.Олкотт. М., 2001.

Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000.

Ротарь И. Под зеленым знаменем ислама. Исламские радикалы в России и СНГ. М., 2001.

Сагадеев А. Джихад // Наука и религия. 1986. № 6.

Сагадеев А. Исламский фундаментализм: что же это такое? // Азия и Африка сегодня. 1994. № 6.

Сампиев И.М. О некоторых аспектах противостояния религиозному экстремизму в Северо-Кавказском регионе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2001.

Севостьянов И. “Исламский фундаментализм” и исламский экстремизм - это совсем не одно и то же // Международная жизнь. 1996. № 5.

Сейранян Б.Г. Египет в борьбе за независимость. 1945-1952. М., 1970.

Сиван Э. “Радикальный ислам”: причины и последствия террористического насилия // Internationale Politik. 1997. № 8.

Сухов А.В. Радикальный ислам в Киргизской Республике: история и современность. Ростов н/Дону, 2008.

Строева Л.В. Государство исмаилитов в Иране в XI-XIII вв. М., 1978.

Терехов В. «Терроризм», «нераспространение», «права человека» // Аналитические записки. 2004. № 10. С. 151-160.

Терроризм / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 2004.

Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов / Отв. ред. А.А. Шаравин. М., 2002.

Трошев Г.Н. Моя война. Записки окопного генерала. М., 2001.

Филоник А.О., Вавилов А.И. Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии. М., 2004.

Ханаху Р.А., Цветков О.М. Состояние и перспективы ислама в Адыгее

// Ислам у адыгов Северного Кавказа / Ред. Р.Д.Хунагов. Майкоп, 2001.

Ханбабаев К.М. Суфизм в Дагестане // Ислам и политика на Северном Кавказе / Северо-Кавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып.1 / Отв. ред. В.В.Черноус. Ростов н/Д, 2001.

Харун Яхья. Ислам прокликает террор. Астана, 2002.

Хайретдинов Д. Ислам в Осетии: Информационный материал Исламского Конгресса России. М., 1997.

Эткин М. Ваххабизм и фундаментализм: термины-“страшилки” // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1(7).

Юрченко В.П. Саудовская Аравия: проблемы противодействия терроризму и исламскому экстремизму // Терроризм. М., 2004.

Яковлев А.И. Социально-политические реформы на родине ислама и Дом Саудов // Ислам и исламизм / Под общ. ред. Е.М.Кожокина, В.И.Максименко. М., 1999.

Ярлыканов А.А. Ваххабизм на Кавказе // Социально-политическая ситуация на Кавказе. М., 2001.

Ярлыканов А.А. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: к постановке проблемы // Бюллетень № 3 Владикавказского центра этнополитических исследований ИЭА РАН. Владикавказ, 1999.

Caldwell, Christopher. The Crescent and the Tricolor // Atlantic Monthly. November, 2000.

European Muslim Population. Электрон. дан. Режим доступа:

http://www.islamicpopulation.com/Europe_islam.html, свободный.

Islam is the fastest growing religion and the second largest religion in the world. Электрон. дан.

Режим доступа:

<http://www.islamicweb.com/begin/results.htm>, свободный.

Islamization of Europe Far Advanced, Battle Cry.
January/February, 2005.

House, Jim. Muslim Communities in France, in
Muslim Communities in the New Europe, Eds. Gerd
Nonneman, Tim Niblock and Bogdan Scajkowski, Reading,
UK: Garnet Publishing, 1996.

Roy, Oliver. Globalised Islam: The Search for a New
Ummah. London: C. Hurst and Co, 2004.

Savage, Timothy M. Europe and Islam: Crescent
Waxing. Cultures Clashing. The Washington Quarterly,
Vol. 27, N 3 / Summer, 2004.

The Radicalisation of Muslim youth in Europe: The
reality and the threat. Testimony of Claude Moniquet,
Director General European Strategic Intelligence and
Security Center. 2005. April 27.

Winnet, Robert and David Leffard. Leaked No 10
dossier reveals Al-Qaeda's British recruits // The
Sunday Times. 2005. July 10.